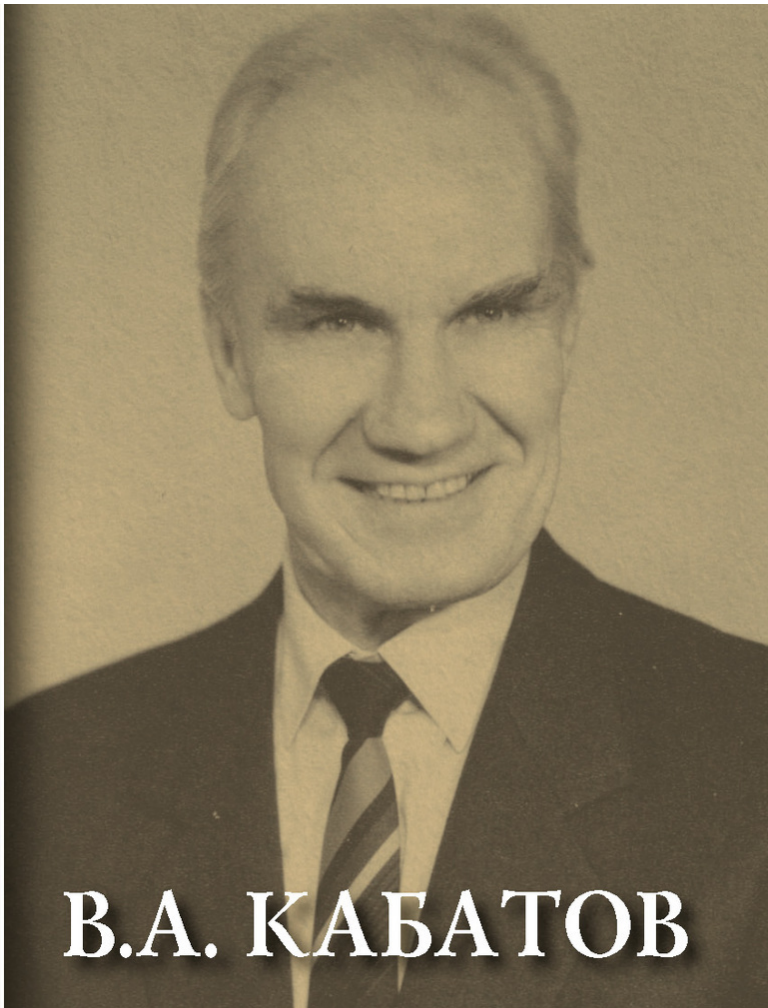

*IN
MEMORIAM*

Сборник
воспоминаний,
статей,
иных материалов

В.А. КАБАТОВ

С.Н. ЛЕБЕДЕВ

Сергей Лебедев

**In Memoriam. Сборник
воспоминаний, статей,
иных материалов**

«Статут»

2017

УДК 34
ББК 67

Лебедев С. Н.

In Memoriam. Сборник воспоминаний, статей, иных материалов /
С. Н. Лебедев — «Статут», 2017

ISBN 978-5-8354-1400-0

Настоящий сборник in memoriam посвящен памяти двух выдающихся деятелей российской юридической науки – профессоров кафедры международного частного и гражданского права МГИМО Виталия Алексеевича Кабатова, заслуженного деятеля науки РСФСР, и Сергея Николаевича Лебедева, заслуженного юриста РФ. По отдельности, совместно, а также в составе коллектива кафедры они внесли великий вклад в развитие соответственно российского гражданского права, международного частного права и международного коммерческого арбитража. В сборник входят воспоминания и научные статьи, а также интервью, уникальные документы и фотографии (в том числе ранее не публиковавшиеся). Впервые публикуется библиография трудов В. А. Кабатова, а также приводится уточненная библиография трудов С. Н. Лебедева. Ряд статей и материалов – на английском языке. Сборник подготовлен по инициативе коллектива кафедры международного частного и гражданского права МГИМО при участии аспирантов кафедры, а также коллег и друзей (в том числе иностранных), бывших аспирантов и студентов В. А. Кабатова и С. Н. Лебедева. Это второе, дополненное издание сборника. Первое вышло в июне 2017 г., но по досадной случайности в него не вошли три статьи коллег В. А. Кабатова и С. Н. Лебедева. Сейчас данный недостаток исправлен. В настоящем издании также устранены некоторые мелкие недочеты, присутствовавшие в первом. Сборник предназначен для юристов, занимающихся вопросами международного коммерческого арбитража, международного частного права, римского права, гражданского права и сравнительного правоведения; для арбитров и государственных судей, ученых, преподавателей, аспирантов и студентов юридических вузов и факультетов; для историков и социологов права, особенно в его транснациональном измерении.

УДК 34

ББК 67

ISBN 978-5-8354-1400-0

© Лебедев С. Н., 2017

© Статут, 2017

Содержание

Предисловие	8
Благодарности	9
Некоторые пояснения составителя	11
I. О профессорах МГИМО В.А. Кабатове и С.Н. Лебедеве	14
1. Воспоминания о В.А. Кабатове	14
Г.П. Толстопятенко: Нужно хоть чуть-чуть быть похожими на Виталия Алексеевича Кабатова...	14
Е.В. Вершинина. В память о Великом Учителе	14
О.Н. Зименкова: Виталий Алексеевич «вбивал сваи» цивилистики в ум, сознание и подсознание будущих юристов...	15
А.И. Лобода: «И вот, представьте, перед курульными эдилами идут ликторы с фасциями...»	16
А.И. Медовой: Виталий Алексеевич был своего рода талисманом...	16
Ю.Э. Монастырский: Виталия Алексеевича определяют черты знаменитой дореволюционной профессуры...	17
А.И. Муранов: «Вы же учитесь на юриста, а правила нужно соблюдать...»	18
А.О. Шахов: Я учусь у Виталия Алексеевича благожелательному и уважительному отношению к студентам...	19
Воспоминания иных выпускников разных лет о В.А. Кабатове, благодарности в его адрес 1	20
С. Грищенко: Виталий Алексеевич Кабатов – мост между прошлым и будущим...	20
С. Гужва: Над памятью о таких людях время не властно...	20
А. Замазий: Планка, которую установил Виталий Алексеевич, не давала возможности относиться к делу без должной ответственности...	21
Н. Иванова: А ведь право может быть лиричным...	21
Д. Казаченко: «Учитесь!» – сказал мне Виталий Алексеевич...	22
И. Макаров: Профессор Кабатов силой своего характера и спокойной уверенностью давал нам уроки даже тогда, когда мы этого не понимали...	22
Т. Рудяк, А. Трухтанов: Мы получали не только урок золотой латыни, но и достойный античности урок силы человеческого духа...	22
А. Костин: «Виталий Алексеевич – наше знамя!»	23
В. Крахмалев: Виталий Алексеевич был для нас примером для подражания...	24
И. Рыбалкин: Для Виталия Алексеевича право стало музыкой...	24

Е. Синильщикова: Я поднимаю глаза и вижу Виталия Алексеевича – слегка улыбающегося, доброжелательного и великодушного...	25
Г. Цицишвили: Ощущение было такое, что перед тобой живой герой...	26
Л. Январева: Виталий Алексеевич смотрел на студента так, будто давно его знал...	26
З.М. Каневский	27
2. Воспоминания о С.Н. Лебедеве	30
А.Н. Гальперина. Alassio	30
Т.Е. Абова: Он любил внешнюю торговлю, международное частное право и арбитраж: морской, МКАС – любой!	31
В.В. Видер: Профессор Лебедев был неутомимым распространителем знаний...	33
Hans Danelius. Sergei Lebedev: In Memoriam	33
А.И. Лобода: Сергей Николаевич был способен буквально заражать людей рядом с собой своей манерой поведения...	34
А.И. Медовой: Сергей Николаевич умел радоваться жизни и приносил радость в жизнь сам...	35
Gustaf Möller. Some Recollections of Contacts with Professor Sergei Lebedev	36
Ю.Э. Монастырский: Сергей Николаевич был «окошком» в увлекательный мир правового осмысления международного коммерческого оборота...	39
А.И. Муранов: Сергей Николаевич не был принципиален в незначимых мелочах, но никогда не был мелочен в принципах...	40
Воспоминания Л.П. Савицкого, В.С. Толкунова, одноклассников С.Н. Лебедева	49
Wim Albert Timmermans. Some Personal Memories of Professor Lebedev	49
Расшифровка документального фильма В.В. Хвалея «Посвящается памяти Сергея Николаевича Лебедева (07.08.1934 – 11.04.2016)»	51
Д.Л. Давыденко. Памяти С.Н. Лебедева	73
3. Воспоминания о В.А. Кабатове и о С.Н. Лебедеве совместно	74
Интервью с Т.Е. Абовой о В.А. Кабатове и о С.Н. Лебедеве	74
Интервью с Л.М. Энтиным о С.Н. Лебедеве и о В.А. Кабатове	81
Т.В. Каменская: Одно удовольствие было работать с этими людьми...	84
И.С. Зыкин. Мои учителя	85
Конец ознакомительного фрагмента.	87

В.А. Кабатов, С.Н. Лебедев
In Memoriam. Сборник воспоминаний,
статей, иных материалов
Magistris iuris et vitae

Предисловие

Docere, delectare, movere
Cicero. Orator 21.69
Quintilian. Institutio oratoria 3.5.2, 12.10.59
Augustinus Hipponensis. De doctrina christiana 4.12.27

Настоящий сборник *in memoriam* посвящен двум нашим коллегам, ученым, практикам и просто замечательным людям – профессорам Виталию Алексеевичу Кабатову и Сергею Николаевичу Лебедеву.

Они внесли огромный вклад в развитие не только нашей кафедры, но и российского права и общества в целом.

Представить себе современные российские международное частное право и/или международный коммерческий арбитраж без имени С.Н. Лебедева – невозможно.

То, что сделал В.А. Кабатов для воспитания интеллекта и чувств тысяч студентов МГИМО, равно как и тех, кто когда-либо оказывался с ним рядом, – бесценно и незабываемо. Не говоря уже о том, что его жизнь и достижения – подвиг человеческого духа.

Настоящий сборник – дань их памяти.

В нем не только статьи в их память, но также следующие уникальные материалы:

- воспоминания коллег и друзей, аспирантов и студентов о них;
- различные интервью В.А. Кабатова, а также С.Н. Лебедева (в том числе ранее не публиковавшиеся);
- прижизненные статьи о них;
- расшифровки диалогов и монологов, титры из двух фильмов о С.Н. Лебедеве;
- последняя статья С.Н. Лебедева (в соавторстве), ранее в РФ не публиковавшаяся;
- одно из решений МАК при ТПП РФ, вынесенных ими совместно;
- библиография работ В.А. Кабатова и С.Н. Лебедева;
- их фотографии и личные материалы, документы о них.

15 ноября 2016 г. Ученым советом МГИМО нашей кафедре присвоено имя С.Н. Лебедева, а также учреждена стипендия имени В.А. Кабатова.

Их имена и наша кафедра были, есть и будут неразрывны.

*Коллектив кафедры международного частного и гражданского права
МГИМО, май 2017 г.*

Благодарности

Данный сборник – результат работы многих людей, без действенного участия которых он был бы просто невозможен.

Составитель выражает большую благодарность:

за предоставленные материалы, включая фотографии и документы, – Елене Витальевне Кабатовой (дочери В.А. Кабатова), Асе Николаевне Гальпериной (супруге С.Н. Лебедева), Елене Сергеевне Лебедевой (дочери С.Н. Лебедева), Николаю Олеговичу Лебедеву (внуку С.Н. Лебедева);

за те важные и полезные советы, рекомендации, которые были уникальны, – Тамаре Евгеньевне Абовой, доктору юридических наук, профессору;

за содействие в публикации последней статьи С.Н. Лебедева (в соавторстве), а также за предоставление стенограммы видеопослеговий С.Н. Лебедева для фильма «The Quiet Triumph: How Arbitration Changed the World» (подготовленного к 100-летию Арбитражного института Торговой палаты г. Стокгольма), равно как и за прочее содействие, – Наталье Михайловне Петрик и Аннетт Магнуссон (Annette Magnusson) (Арбитражный институт Торговой палаты г. Стокгольма);

за организационную помощь в сборе материалов – Екатерине Салимовне Кахаровой (сотруднице отдела по работе с персоналом МГИМО);

за различную важную помощь – Светлане Викторовне Архипцовой, Юлии Алексеевне Видалко, Олесе Сергеевне Лазаревой, Анастасии Сергеевне Пашковой (сотрудницам коллегии адвокатов «Муранов, Черняков и партнеры»);

за серьезную помощь в поиске и обработке материалов – Никите Александровичу Муранову (менеджеру проекта www.naukaprava.ru);

за различную помощь в поиске и систематизации материалов – Ивану Владимировичу Смирнову (руководителю проекта www.naukaprava.ru);

за предоставленные видеозаписи в связи с документальным фильмом о С.Н. Лебедеве – Владимиру Владимировичу Хвалею (председателю правления Ассоциации участников по содействию в развитии третейского разбирательства, партнеру московского офиса международной юридической фирмы «Бейкер и Макензи»);

за ряд предоставленных из Севастополя материалов – Анжелле Мартуниевне Евгущенко (директору школы № 3 Севастополя);

за различное организационное содействие – Елене Юрьевне Глушковой (специалисту 1 категории по учебно-методической работе кафедры международного частного и гражданского права МГИМО);

за содействие в связи с телепрограммой о С.Н. Лебедеве из цикла «О личном» телеканала «Закон-ТВ» (2009 г.) – Сергею Сергеевичу Завриеву (главному редактору этого телеканала, ведущему указанной программы в 2009 г.);

за предоставленную статью С.Н. Лебедева, опубликованную в Киеве в 2012 г., – Елене Сергеевне Перепелинской (партнеру, главе арбитражной практики в странах СНГ юридической фирмы «Integrites» (Киев));

за помощь в подготовке перевода на английский язык титульного листа, оборота титульного листа и содержания в настоящем сборнике – Джозефу Оверстриту (Joseph Overstreet) (независимому консультанту);

за эффективную и плодотворную работу над настоящим сборником – издательству «Статут», в особенности А.С. Резниченко, В.В. Самойловой и К.И. Самойлову.

Отдельной благодарности заслуживают:

за редактуру, идеи и прочую помощь в обработке материалов, вызвавшие благодаря глубине своего подхода восхищение многих авторов и составителя, – Павел Дмитриевич Савкин (ассистент кафедры философии естественных факультетов философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова);

за всестороннюю помощь в обработке и подготовке материалов, за работу над библиографиями В.А. Кабатова и С.Н. Лебедева – Анна Остаповна Никитина (сотрудница коллегии адвокатов «Муранов, Черняков и партнеры»);

за организационную помощь в сборе материалов, за работу с авторами – Юлия Андреевна Шабалина (ответственный секретарь настоящего сборника, аспирант кафедры международного частного и гражданского права МГИМО).

Некоторые пояснения составителя

1. Данный сборник подготовлен по инициативе коллектива кафедры международного частного и гражданского права МГИМО и во многом силами его членов.

Материалы в этот сборник представили, кроме того, специалисты из других вузов, а также друзья, коллеги, ученики, аспиранты и студенты В.А. Кабатова и С.Н. Лебедева.

2. Настоящий сборник не преследовал цель создания «парадных портретов». Задача была иной: собрать и сохранить персональные воспоминания о В.А. Кабатове и о С.Н. Лебедеве, показать их в качестве живых, интересных людей, которыми они и останутся в памяти всех, кто принял участие в этом сборнике.

3. Если не указано иное, соответствующий материал публикуется впервые.

4. В некоторых материалах, посвященных В.А. Кабатову и С.Н. Лебедеву, имеется ряд неточностей в отношении определенных фактов. Однако было решено такие неточности не исправлять и не комментировать, поскольку они очевидны и существенными не являются.

5. Все статьи в разделе «Профессора МГИМО В.А. Кабатов и С.Н. Лебедев. Статьи *in memoriam*» размещены в алфавитном порядке по фамилиям их авторов.

Иные материалы размещены в порядке, определенном составителем, в том числе с учетом их хронологии.

6. Ответственность за точность, содержание и корректность каждого материала несет только его автор.

В каждом материале максимально сохранены индивидуальные особенности стиля его автора и оформления им такого материала, включая и сноски (даже если иногда их предлагалось как-то для улучшения скорректировать).

7. Мнение одного автора может не совпадать с позицией других авторов либо иных лиц, принявших участие в настоящем сборнике или в работе над ним, равно как и кафедры международного частного и гражданского права МГИМО или МГИМО, а также ТПП РФ, МАК при ТПП РФ или МКАС при ТПП РФ.

8. В настоящем сборнике все тексты, если применительно к ним не указано точно на конкретное(-ые) физическое(-ие) лицо(-а), в том числе перед соответствующими материалами, а также аннотация, благодарности, равно как и любые пояснения (включая пояснения в сносках, а также настоящие пояснения), подготовлены составителем. Все слова в квадратных скобках также подготовлены составителем (исключение составляют квадратные скобки, содержащие только цифры, в том числе в части VI «Виталий Алексеевич Кабатов: библиография. Сергей Николаевич Лебедев: библиография и фильмография», а также слова на английском языке в квадратных скобках). Все изображения в текстах подготовлены и вставлены составителем.

9. Все ссылки на Интернет-ресурсы приведены, если не указано иное, по состоянию на 3 мая 2017 г.

10. Тексты в настоящем сборнике, которые воспроизводят ранее опубликованные материалы или диалоги/монологи/тексты из фильмов о С.Н. Лебедеве, приводятся с максимальным сохранением всех особенностей оригиналов (однако по виду могут различаться некоторые детали, например форма кавычек или тире). Но явные ошибки, включая неточности в именах, в них исправлены (исправления в ряде случаев заключены составителем в квадратные скобки). Однако нельзя исключать, что в данные тексты, несмотря на все старания, изредка по техническим причинам могли закрасться мелкие несоответствия оригиналу.

При этом в таких текстах фотографии и иные графические изображения, которые присутствуют в ранее опубликованных материалах, не приводятся.

11. Тексты на английском языке, в том числе воспроизводящие оригиналы, даются без перевода.

12. Буква «ё», как правило, не используется (но лишь по техническим причинам).

13. В ходе работы над сборником пришлось столкнуться с очень сложным вопросом: одни знакомые С.Н. Лебедева утверждали, что они точно знают, что он поддержал позицию России в отношении событий в Крыму в феврале–марте 2014 г.; другие аналогичным образом говорили об обратном. Поскольку никаких документальных свидетельств в пользу своей позиции никто не представлял, составителем с учетом мнения родственников С.Н. Лебедева было принято решение все соответствующие утверждения в настоящем сборнике не приводить.

При этом статья А.А. Власова «Международное право и односторонние ограничительные меры: проблемы правового регулирования» является выражением его собственного мнения. В выработке или обсуждении ее содержания иные лица (в том числе составитель) не участвовали.

14. В некоторых материалах С.Н. Лебедева называют (или он сам себя называет) кавалером ордена Полярной звезды (Швеция). Однако на самом деле С.Н. Лебедеву королем Швеции был присвоен титул Командора королевского ордена Полярной звезды. При этом, строго говоря, орден прилагается к данному титулу, т.е. формально награждение имело место в форме присуждения указанного титула, а не ордена.

15. Если не указано иное, в текстах под «МКАС» и «МАК» понимается Международный коммерческий арбитражный суд при Торгово-промышленной палате Российской Федерации и Морская арбитражная комиссия при Торгово-промышленной палате Российской Федерации (или при предшественницах данной палаты).

16. Фотография, размещенная в начале книги, – результат фотомонтажа (сделанного с согласия родственников В.А. Кабатова и С.Н. Лебедева). На подлинной фотографии между В.А. Кабатовым и С.Н. Лебедевым было еще три человека.

17. Первое издание настоящего сборника вышло в июне 2017 г. Однако по досадной случайности в него не вошли следующие статьи коллег В.А. Кабатова и С.Н. Лебедева:

Гребельский А.В. Конец эпохи? Судьба инвестиционного арбитража в свете попыток создания системы инвестиционного суда ЕС;

Иноземцев М.И. Основания привлечения к ответственности сторон акционерного соглашения по праву России и иностранных государств; *Остроумов Н.Н.* Некоторые вопросы исковой давности по требованиям из международных перевозок.

Настоящее издание (с новым ISBN) такой недостаток исправляет.

Кроме того, после выхода первого издания настоящего сборника составитель нашел некоторые опубликованные воспоминания С.Н. Лебедева, и они приводятся в разделе 5 части I под заголовком «Воспоминания С.Н. Лебедева [журнал «Promotion Time», 2007 г.]».

В свете сказанного соответствующим образом изменены:

название раздела 5 части I;

библиография работ С.Н. Лебедева.

Составителю также удалось обнаружить еще одну статью С.Н. Лебедева («Арбитраж коммерческий международный: комментарий по просьбе читателей») и посвященный ему материал ученика школы № 3 Севастополя, представленный на конкурс научно-исследовательских работ учащихся. Указания на них внесены соответственно в подразделы 6 и 16 раздела «В. Сергей Николаевич Лебедев: библиография и фильмография» части VI.

Кроме того, уточнен заголовок подраздела 15 раздела «В. Сергей Николаевич Лебедев: библиография и фильмография» части VI.

Далее, на отдельную страницу (с. 39) вынесен материал Е.В. Вершининой «В память о Великом Учителе», который в первом издании по ряду причин пришлось, к сожалению, разместить на с. 32 вместе с материалом А.О. Шахова.

Материал «Новости арбитража [сообщение журнала «Международный коммерческий арбитраж» о вручении С.Н. Лебедеву в Швеции ордена Полярной звезды, 2004 г.]», который стоял в разделе 7 части I на втором месте, перемещен на четвертую позицию, и, соответственно,

материалы, которые стояли на третьем и четвертом местах, теперь занимают в этом разделе вторую и третью позиции.

Уточнены заголовки восьми материалов в разделе 7 части I.

Уточнен заголовок части V (о некоторых документах из личных дел В.А. Кабатова и С.Н. Лебедева), а также соответствующим образом изменен предваряющий ее шмуцтитул.

Редакционно уточнен текст в разделе «А. Некоторые пояснения к настоящей части» в части VI.

В некоторые заголовки в сборнике (и в его содержание) внесены уточнения в части использования круглых и квадратных скобок.

Кроме того, указания на инициалы и фамилии авторов в части II содержания выделены теперь полужирным курсивом.

Внесено небольшое редакционное уточнение в статью А.И. Лободы «Обязанность страхователя в морском страховании сообщить сведения об обстоятельствах, которые имеют существенное значение для определения степени риска».

В раздел «Благодарности» добавлено упоминание об А.М. Евгущенко, директоре школы № 3 Севастополя.

Редакционно поправлены п. 4, п. 10 и п. 13 настоящих пояснений. Незначительно изменены заголовки на следующих страницах: 39, 91, 179, 233.

Также незначительные редакционные изменения содержатся на следующих страницах: 11, 12, 13, 14, 38, 227, 332, 726, 938, 1016, 1037, 1045, 1046, 1048, 1089, 1095, 1100, 1101, 1103.

Немного изменено расположение на страницах текста в «Предисловии» (но не его содержание) и в настоящих пояснениях.

На титульном листе и в выходных данных указано на то, что настоящее издание является вторым, дополненным.

В связи с таким указанием в содержание и в библиографии внесены соответствующие изменения.

Кроме того, в настоящем, втором издании приводятся на английском языке титульный лист, оборот титульного листа (в том числе аннотация), а также содержание.

Информация на задней стороне обложки приводится теперь как на русском, так и на английском языке (в первом издании – только на русском).

Несколько изменен цвет обложки настоящего издания.

Вставлен настоящий пункт 17.

В цветную вклейку (Приложение № 2) включены три новые фотографии.

Изменены данные по поводу научного редактирования настоящего второго издания.

Никаких иных изменений (включая редакционные) данное второе издание по сравнению с первым не претерпело (если не считать изменений в нумерации страниц для соответствующих материалов и в содержании, а также изменение номеров двух следующих пунктов (которые ранее были под номерами «17» и «18») на «18» и «19»).

18. Настоящий сборник готовился весьма оперативно (с середины ноября 2016 г.), но с максимальным стремлением не допустить ввиду этого ущерба его качеству. В то же время не исключено, что в него могли закрасться какие-либо неточности, за что составитель заранее приносит извинения. Для их учета и возможного исправления в последующем просьба связываться с ним по адресам: *privintl@yandex.ru* и *a.muranov@rospravo.ru*.

19. Настоящие пояснения исчерпывающими не являются.

I. О профессорах МГИМО В.А. Кабатове и С.Н. Лебедеве

1. Воспоминания о В.А. Кабатове

См. также ниже иные разделы в настоящей части, в которых могут содержаться воспоминания о В.А. Кабатове.

Г.П. Толстопятенко: Нужно хоть чуть-чуть быть похожими на Виталия Алексеевича Кабатова...

Виталий Алексеевич Кабатов был моим профессором. Он читал нам римское частное право. На его лекции ходили все, даже те, кто не утомлял себя посещением других занятий. В этом проявлялась не столько любовь к читаемому курсу, сколько уважение к личности лектора.

Виталий Алексеевич всегда воспринимался как идеальный профессор: знающий, интеллигентный, снисходительный к студентам. Я получил на экзамене «отлично». Вряд ли я знал на «пятерку». Не помню, чтобы у меня в голове сложилось ясное представление об узурфруктах и сервитутах. Скорее всего, попался хороший билет, и я очень хотел выглядеть способным студентом в глазах профессора Кабатова. И Виталий Алексеевич меня поддержал. Его поддержку я чувствовал и все последующие годы, работая уже преподавателем и деканом факультета. Это проявлялось прежде всего в том, что Виталий Алексеевич всегда был не только нравственным ориентиром, но и примером в работе – мастером выстраивать отношения с очень разными людьми. Я не помню случая, чтобы он повышал голос в разговоре, а если и сердился, то это было видно лишь по глазам – никогда в речи! Его любили все студенты. Когда я встречал кого-нибудь из однокашников и выпускников более поздних лет, они, зная, что я работаю в Институте, в первую очередь спрашивали о Виталии Алексеевиче Кабатове.

Старшее поколение уходит, появляются новые и тоже яркие профессора. Они хороши по-своему, но для того, чтобы их вспоминали добрым словом студенты, видимо, нужно хоть чуть-чуть быть похожими на Виталия Алексеевича Кабатова.

Геннадий Петрович Толстопятенко, выпускник международно-правового факультета (1980), доктор юридических наук, профессор, декан международно-правового факультета МГИМО МИД России

Е.В. Вершинина. В память о Великом Учителе

Все, кто учился у профессора Виталия Алексеевича Кабатова – а это не одно поколение юристов, – говорят, что он привил им Любовь к римскому и гражданскому праву. Так, как он знал эти дисциплины, – не знал их, пожалуй, никто. Его лекции всегда служили эталоном мастерства, образцом подлинного знания и, конечно, были отмечены неподражаемым обаянием Выдающегося Ученого.

Мне выпала уникальная возможность продолжить чтение лекций по римскому праву – это большая ответственность. Каждый раз, начиная лекцию, я чувствую поддержку этого Замечательного Человека.

Я благодарна судьбе за встречу на своем жизненном пути с профессором Виталием Алексеевичем Кабатовым.

Елена Валерьевна Вершинина, доцент кафедры международного частного и гражданского права МГИМО МИД России

О.Н. Зименкова: Виталий Алексеевич «вбивал сваи» цивилистики в ум, сознание и подсознание будущих юристов...

Курс римского права на первом курсе международно-правового факультета в 1970 г. вел Виталий Алексеевич Кабатов, погружая студентов, вчерашних школьников и «производственников» – ребят, поступивших в МГИМО после службы в армии или работы на производстве, в строгие конструкции цивилистики. Именно Виталий Алексеевич, можно сказать, «вбивал сваи» цивилистики в ум, сознание и подсознание будущих юристов. Только значительно позже мне стало понятно, какую титаническую работу делал наш преподаватель, вводя нас в мир цивилистики. И делал это легко, изящно, применял латинские термины настолько непринужденно, что казалось, будто говорит он по-латыни, а не по-русски. Произнесенные Виталием Алексеевичем латинские термины и фразы настолько органично воспринимались и впитывались, что сейчас мне, преподавателю с большим стажем, решительно непонятно, когда теперешние студенты этих терминов не знают или знают нетвердо.

Лекции Виталия Алексеевича по гражданскому праву были столь же интересными, как и по римскому. Немыслимо было пропустить хотя бы одну из них: сразу становилось понятно, что выпала не просто тема, а целый пласт, восстановить который всегда давалось с трудом. Многие бывшие студенты профессора Кабатова сейчас вспоминают, что он всегда чувствовал аудиторию. Когда ему было видно, что обилие материала на лекции таково, что слушатели устали, он на пять минут прерывал собственно лекцию и начинал рассказывать что-то к ней не относящееся, но очень интересное. Помню, на лекциях по гражданскому праву, которые проводились уже не в здании на Остоженке (Метростроевской), а в Калошином переулке на Арбате, куда нас, «малые факультеты» – МП и МЖ, перевели из основного здания МГИМО, Виталий Алексеевич принимался рассказывать о доме с рыцарями, видном из окон нашего зала, об арбатских переулках. И лекция сразу превращалась в общеобразовательный лекторий. Как много мы узнавали от нашего профессора такого, о чем и не задумывались прежде! После небольшого перерыва лекция продолжалась, и мы со свежими силами легко воспринимали положения гражданского права. Сейчас, бывая на Арбате и смотря на дом с рыцарями в Калошином переулке (теперешний Дом актера), я всегда вспоминаю мудрого и тонкого преподавателя – Виталия Алексеевича.

Довелось видеть Виталия Алексеевича в Большом зале Консерватории, на отдыхе в Юрмале, где мы с мужем встретили его и его жену Саиду Павловну при входе в концертный зал «Дзинтари». Мы даже несколько не удивились, что встретили их именно у концертного зала.

И еще одно небольшое воспоминание. Виталий Алексеевич был членом Ученого совета факультета и в этом статусе должен был присутствовать на заседании, когда я защищала кандидатскую диссертацию. Заседания Ученого совета проводились в здании на Остоженке, а занятия шли и в других зданиях Института. Виталий Алексеевич никак не мог успеть к началу заседания, и тогда мой муж предложил доставить его на такси. Виталий Алексеевич не хотел подводить Ученый совет и желал присутствовать на моей защите, а потому согласился. Каково было удивление обоих, когда пришла машина красного цвета! Вот на этой красной «Волге», как два пожарника, они вдвоем и поспели на заседание. Оба очень веселились. Чувство юмора никогда не оставляло Виталия Алексеевича.

Виталий Алексеевич Кабатов долгие годы был частью жизни кафедры, и его уход оставил пустоту, которая ничем не может быть заполнена. Всем вокруг он внушал оптимизм и веру в жизнь, и это никогда не забудется.

Ольга Николаевна Зименкова, выпускница международно-правового факультета (1975), кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры международного частного права ВАВТ, профессор кафедры международного частного и гражданского права МГИМО МИД России, арбитр МКАС при ТПП РФ

А.И. Лобода: «И вот, представьте, перед курульными эдилами идут ликторы с фасциями...»

Одно из первых впечатлений от Института у меня, конечно, связано со встречей с Виталием Алексеевичем Кабатовым. На одной из лекций по римскому праву он несколько увлекся рассказом о роли преторов в римском праве и стал изображать торжественную процессию времен Республики и ранней Империи. Со словами: «И вот, представьте, перед курульными эдилами идут ликторы с фасциями...» – Виталий Алексеевич церемониальным шагом возглавил воображаемое торжественное шествие по улицам Рима. Лекции Виталия Алексеевича точно не только были содержательными, но и не давали студентам заскучать. Он умело удерживал внимание аудитории.

Студенты, конечно, перешептывались о том, что у Виталия Алексеевича нет рук. Деталей никто не знал, но было известно, что он был на фронте и получил там ранение. Никогда я не слышал от него даже намека на жалобу. Однажды мне довелось побывать в гостях у Виталия Алексеевича и его супруги – Саиды Павловны, это было в доме отдыха под Москвой. В это не все поверят, но Виталий Алексеевич оказался очень сильным игроком в настольный теннис, а также замечательным пловцом! Для всех, кто знал Виталия Алексеевича, он, конечно, является образцом восхитительного мужества и умения не зависеть от жизненных невзгод.

Воспоминаниями о Виталии Алексеевиче мне сложно делиться. Тяжело поверить, что его больше нет. За прошедшие годы работы на кафедре сложилась уверенность, что Виталий Алексеевич с кафедрой будет всегда. Всегда будет приходить на работу тщательно и по моде одетым. Всегда будет готов отозваться на просьбу и дать совет. Всегда будет служить образцом поразительной сдержанности и такта. Казалось, всегда можно будет положиться на его высочайшие профессионализм и репутацию арбитра. Жаль, что новые поколения студентов Института теперь не имеют возможности общаться с ним.

Но для меня лично Виталий Алексеевич будет где-то рядом. Он тихо и сдержанно, как и прежде, влияет на мои решения и поступки.

Андрей Иванович Лобода, выпускник международно-правового факультета (1996), кандидат юридических наук, доцент кафедры международного частного и гражданского права МГИМО МИД России, арбитр МАК при ТПП РФ, адвокатское бюро «Лобода, Филимонов и партнеры»

А.И. Медовой: Виталий Алексеевич был своего рода талисманом...

Я относился к этому человеку с очень большим уважением, он прошел героический путь. Человек, который должен был стать музыкантом-скрипачом, но, потеряв обе руки, сумел стать профессором, доктором юридических наук.

Поскольку по возрасту с каждым годом мы «сближались» и становились «патриархами» Института, при встрече с ним я всегда спрашивал: «Ну как, Виталий Алексеевич, работаем?» И он мне отвечал: «Работаем!»

Я чувствовал, что я не один. Всегда, когда я встречал Виталия Алексеевича, я знал, что день для меня сложится удачно. Он был своего рода талисманом. Когда я его встречал, день действительно удавался. Я очень сожалею, что нет сейчас с нами этого великого человека, способного быть лицом Института во всех его лучших проявлениях!

*Александр Иосифович Медовой, кандидат экономических наук, профессор
кафедры мировой экономики МГИМО МИД России*

Ю.Э. Монастырский: Виталия Алексеевича определяют черты знаменитой дореволюционной профессуры...

Я окончил международно-правовой факультет МГИМО в 1990 г. В 1985 г., на первом курсе, Виталий Алексеевич Кабатов читал нам предмет, менявший мировоззрение пытливых студентов, пришедших обучаться в политический вуз. Тогда ему был всего 61 год.

Профессор Кабатов вел римское право, выказывая себя блестящим оратором, увлекающимся рассказчиком и чутким преподавателем. Виталий Алексеевич говорил на лекциях ровным негромким голосом, без всякого подглядывания в записи, зажигая наши сердца цитатами из правовой латыни. Это было в высшей степени аристократическое изложение с минимальной и красивой жестикуляцией руками, подобное игре в кино, когда персонаж, употребляя высокий литературный слог, делает такие движения для убедительности и подчеркивания своей искренности. Виталию Алексеевичу это очень шло. И столь отточенная манера многим способствовала тому, что аудитория усваивала лучше довольно сложный, но ключевой предмет для торгового отделения факультета.

Но были не только лекции, но и коллоквиумы, когда наш любимый преподаватель участвовал в обсуждении основ римского права, деликатно поддерживая робеющих студентов в их попытках выступить и аргументировать.

С течением времени я понял, что Виталия Алексеевича определяют черты знаменитой дореволюционной профессуры, у которой каждое слово звучит веско, а любая речь лишена недостатков. На это же указывал внешний облик профессора Кабатова – всегда аккуратного, подтянутого, изысканно и хорошо одетого. Вместе с тем собственным качеством нашего преподавателя была необыкновенная отзывчивость и подчеркнутая вежливость к любому студенту – и старательному, и разгильдяю. В те годы в МГИМО были и такие. Он обыкновенно шел быстрой походкой по коридору факультета, часто приостанавливаясь перед подходящими к нему студентами. Далее следовала пауза внимания, пока они говорили. Я помню эту позу корректности и большого уважительного вслушивания Виталия Алексеевича.

Тогда Институт переехал в новое здание на улице Лобачевского. Международно-правовой факультет был небольшой, располагался он в левом дальнем крыле здания. Наш курс – это 32 советских студента, все юноши, и еще 20 иностранцев из союзных СССР стран. Форму одежды – костюм, галстук – заставляли соблюдать строго. Опоздания грозили отчислением, но везде курили, в том числе на лестничных площадках. Поговаривали, что до этого Виталий Алексеевич сам курил трубку. Он советовал опаздывающим после краткого перерыва студентам «не комкать себе удовольствие».

На втором курсе профессор Кабатов преподавал нам гражданское право, и многие бывшие студенты, уверен, до сих пор вспоминают об этом с благодарностью, так как эта юридическая специализация была перед ними полностью раскрыта, помогла верно определиться в карьере и сделать свой профессиональный выбор.

В частных разговорах юные студенты могут по крайней мере с иронией обсуждать забавные стороны или хотя бы нетривиальные черты либо поступки своих преподавателей, их эпатажный индивидуальный стиль. Виталий Алексеевич никогда не мог быть предметом таких

разговоров: во-первых, для этого не было ни малейших оснований, и, во-вторых, он пользовался любовью и непререкаемым авторитетом.

Профессор Кабатов интересно и независимо выступал на общих собраниях Института; при этом он вовсе не диссидентствовал, всегда был точен, справедлив и убедителен. Ему никто не смел оппонировать, видимо, в первую очередь боясь не оказаться содержательным в той же мере, хотя полемический задор у публики был высок.

Память о Виталии Алексеевиче Кабатове останется с нами вечно.

Юрий Эдуардович Монастырский, выпускник международно-правового факультета (1990), кандидат юридических наук, коллегия адвокатов «Монастырский, Зюба, Степанов & Партнеры»

А.И. Муранов: «Вы же учитесь на юриста, а правила нужно соблюдать...»

Выбор мною международно-правового факультета для поступления в МГИМО в 1989 г. был не вполне осознанным (что я мог понимать тогда?).

А в начале учебного года меня как иногороднего подселили в общежитии в не очень большую комнату к трем гражданам Афганистана, чему они рады не были, впрочем, как и я. Еще я решил жениться, и нужно было готовиться к этому. Не говоря уже о том, что всюду ускорялась перестройка и перестраивалось первоначально объявленное ускорение, т.е. в стране усиливались старые проблемы и появлялись совершенно новые. В результате я, занимаясь решением иных вопросов, посещал далеко не все лекции и семинары. Учет и контроль тогда начинали ослабевать, так что многое прогульщикам сходило с рук.

Однако и во всем этом сумбуре с занятиями ярчайшее воспоминание – лекции Виталия Алексеевича. Сопровождавшиеся особой тишиной в зале и торжественностью, торжественностью древней традиции, древнего знания – я так чувствовал. Его лекции я старался по возможности не пропускать. Потом были, конечно, замечательные занятия и с другими преподавателями, но эти – Виталия Алексеевича – были все же непревзойденными по ощущениям, пробудили первоначальный интерес к праву во многих, включая меня. Для начинающих ведь очень важно, когда первые лекции оказываются именно такими.

Нынешним студентам может быть сложно вообразить тот мир без Интернета, социальных сетей, сотовой связи, мессенджеров, баз данных, ноутбуков и т.д. С приходом новой реальности я сам стал во многом противником лекций в прежнем формате. Но даже и теперь с уверенностью скажу, что весь курс Виталия Алексеевича я бы и сейчас посетил с удовольствием. Жаль, что в те времена видеокамеры были редкостью, так что снять эти лекции на видео даже и для мажористых из мажоров того времени было вряд ли возможно (да и не разрешили бы в МГИМО в те времена). К тому же мы скорее не понимали, что происходящее окажется потом для нас значимым.

Ну а строгость римского права и латыни, как и сам Виталий Алексеевич, настолько впечатляли, что было понятно: несмотря на все пропуски занятий, готовиться следует очень серьезно. На Новый год я уехал к семье и там читал учебник по римскому праву И.Б. Новицкого, изучал его и в автобусе потом, когда ехал в Москву, в электричке, в поезде. Не знаю почему, но больше всего мне запомнилось обязательственное право и наследственное. И на экзамене вопросы также из этих областей достались – повезло. Так что первая «пятерка» в зачетке – от Виталия Алексеевича.

А потом настали еще более сложные времена и ходить на лекции и семинары я стал, увы, еще немного реже. Но Виталий Алексеевич мне и тогда преподавал урок. Мне требовалось срочно уехать по семейным обстоятельствам и сдать ему экзамен досрочно. Я подошел и спро-

сил, может ли он его принять. Он попросил изложить причины. Я объяснил. Он ответил, что обстоятельства уважительные и что он готов, но напомнил, что помимо учебных моментов есть еще и административные – согласование подобной досрочной сдачи с деканатом. И добавил деликатно: «Поймите правильно, Вы же учитесь на юриста, а правила нужно соблюдать». И у меня как будто глаза открылись: я увидел право не так односторонне, как ранее (со своей эгоистичной стороны), а широко, в его многоаспектности, где и преподаватель, и студент перед требованиями равны.

Потом было много чего интересного, в том числе рассказы Виталия Алексеевича на кафедральных «посиделках» о временах его студенчества и аспирантуры в сложный период конца 40-х – начала 50-х годов. Это незабываемо.

Также мне повезло быть докладчиком в делах МАК и МКАС при ТПП РФ, где арбитром был В.А. Кабатов. И если в отношении знаний и подготовки студентов он был достаточно снисходительным (так мне казалось), то подобное же применительно к представителям сторон, особенно плохо подготовившимся к слушанию, я бы не утверждал. Безусловно, в ходе заседания он был с ними предельно корректен, но затем в оценке их доводов и действий строг и объективен. И это совершенно правильно. Это же арбитраж, это очень серьезно.

В эти моменты я даже видел его в чем-то в качестве *praetor peregrinus*, чувствовал будто бы дыхание чего-то важного из прошлого. Безусловно, тут многое надо списать на впечатлительность неопита. Однако все же думаю, что близость римского права и Виталия Алексеевича – далеко не случайна.

Но между ними было и различие. Римскому праву в целом скромность чужда, тогда как Виталий Алексеевич был ее олицетворением. Мне кажется, что он, рано пройдя тяжелые испытания, пришел к выводу, что спокойные, гармоничные отношения с окружающим миром, со всеми людьми вокруг – гораздо важнее власти, должностей и всяческих почестей. Наверное, по этой причине он не захотел стать заведующим кафедрой, на которой работал, хотя легко мог бы.

Виталий Алексеевич Кабатов, несомненно, из особого поколения. Мне посчастливилось знать многих профессоров, родившихся в 20-е и 30-е годы XX в., как и продолжать быть с ними знакомым. Все трудности и испытания сделали их только крепче, ярче и сильнее.

Виталий Алексеевич среди них выделялся особенным, по-настоящему уникальным образом, и прежде всего в подходах к обучению студентов. Такой дар весьма редок.

А.И. Муранов, выпускник международно-правового факультета (1994), кандидат юридических наук, доцент кафедры международного частного и гражданского права МГИМО МИД России, заместитель председателя МАК при ТПП РФ, арбитр МКАС при ТПП РФ, коллегия адвокатов «Муранов, Черняков и партнеры»

А.О. Шахов: Я учусь у Виталия Алексеевича благожелательному и уважительному отношению к студентам...

Около 10 лет назад, в начале моей преподавательской деятельности в МГИМО, мне посчастливилось принимать экзамены по римскому праву с Виталием Алексеевичем Кабатовым. Этот опыт кардинально поменял мое отношение к студентам и к процессу преподавания: благодаря Виталию Алексеевичу я понял, что именно я как преподаватель, ведущий семинары, отвечаю за подготовку студентов, и если студент не готов к экзамену, то я как преподаватель в большой степени за это ответствен, ведь это я не смог добиться интереса к предмету, я его не научил правильно относиться к учебе. Разумеется, это не предполагает снисходительного отношения к лентяям, но именно с помощью Виталия Алексеевича я понял, что функции пре-

подавателя, ведущего семинары, не могут ограничиваться только контролем за работой студентов. До сих пор, вспоминая опыт совместной работы, я учусь у Виталия Алексеевича благожелательному и уважительному отношению к студентам.

Андрей Олегович Шахов, преподаватель кафедры международного частного и гражданского права МГИМО МИД России, арбитр МКАС при ТПП РФ

Воспоминания иных выпускников разных лет о В.А. Кабатове, благодарности в его адрес ¹

С. Грищенко: Виталий Алексеевич Кабатов – мост между прошлым и будущим...

Мои самые яркие воспоминания об этом светлом человеке уместаются в два события.

Первый экзамен в МГИМО по предмету «Основы римского права». По мнению преподавателя, ведущего семинары, мой ответ не тянет на «отлично». Прошу предоставить мне второй шанс, и, на мое счастье, в этот момент в аудитории появляется профессор Кабатов, который удовлетворяет просьбу дерзкого студента. Серьезно готовлюсь к ответу по билету и получаю в итоге свою первую «пятерку» в зачетке. Дорожу этой оценкой, так как она стала основой полученного через пять лет красного диплома. Без шанса, который предоставил мне Виталий Алексеевич, это вряд ли было бы возможным.

В глазах моего поколения люди, не щадившие свои жизни в Великой Отечественной войне, – настоящие герои. Профессор Кабатов – один из них. Никогда не рассказывавший нам о ней, но много сделавший вместе с другими для великой Победы. А также для того, чтобы многие люди в мире могли свободно учиться, осваивать профессию юриста и приносить пользу другим. Это тот самый мостик между славным прошлым России и ее будущим, создаваемый в том числе учениками В.А. Кабатова.

Вечная память светлomu человеку, замечательному учителю и одному из лучших сынов Отечества!

Сергей Грищенко, выпускник международно-правового факультета (1994)

С. Гужва: Над памятью о таких людях время не властно...

Виталий Алексеевич, его лекции по римскому праву, – без преувеличения, самое яркое мое впечатление от начала учебы в МГИМО на Метростроевской, 53, в 1976 г. Его неподражаемая элегантность, четкий стиль изложения материала, тонкое чувство юмора до сих пор проходят перед моим мысленным взором. Удивительно было узнать, что Виталий Алексеевич прошел через горнило Великой Отечественной, ведь его оптимизму и энергетике могли бы

¹ Воспоминания С. Грищенко, С. Гужвы, А. Замазия, Н. Ивановой, Д. Казаченко, И. Макарова, Т. Рудяк и А. Трухтанова подготовлены специально для настоящего сборника. Следующие за ними слова благодарности А. Костина, В. Крахмалева, И. Рыбалкина, Е. Синильщиковой, Г. Цицишвили и Л. Январевой первоначально были опубликованы при жизни В.А. Кабатова (см.: Виталий Алексеевич – наше знамя! // Журнал «MajorDom» [МГИМО]. 2012. № 3. С. 40–41). Вместе с тем порядок размещения этих благодарностей в указанном журнале (не в алфавитном порядке, в отличие от того, как они приведены ниже), а также некоторые детали оформления их текстов отличаются от того, что изложено ниже (без какого-либо ущерба для их содержания). Однако И. Рыбалкин попросил привести текст своей благодарности именно в том варианте, который был им изначально представлен в указанный журнал, что и ниже и сделано. При этом места работы лиц, высказавших такие благодарности, приводятся по причине того, что они были указаны в журнале «MajorDom» (кроме Е. Синильщиковой и Л. Январевой). Между тем некоторые лица из первой группы не хотели указаний на места своей работы, ввиду чего было решено не приводить их в отношении всех лиц из этой группы.

позавидовать многие из тех, на чью долю таких испытаний не выпадало. Для меня он – образец интеллигентности в самом широком смысле слова. Над памятью о таких людях время не властно.

Сергей Гужва, выпускник международно-правового факультета (1981)

**А. Замазий: Планка, которую установил
Виталий Алексеевич, не давала возможности
относиться к делу без должной ответственности...**

Впервые я встретил Виталия Алексеевича Кабатова в начале своего профессионального пути, учась в МГИМО.

Виталий Алексеевич читал нам римское право – основу основ, фундамент для любого юриста. Он был лектором, который увлекал с первых минут, создавал особенную атмосферу; ему удавалось излагать материал очень легко и непринужденно, при этом доносить до слушателей внутреннюю логику римского права.

Создавалось впечатление, что то, чем он занимается, – дело его жизни и настоящее увлечение, а это очень мотивировало и заражало подлинным интересом к изучению его предмета.

Хорошая школа определяет всю будущую жизнь, а преподаватель – это всегда еще и личный пример. Планка, которую установил Виталий Алексеевич, не давала возможности относиться к делу без должной ответственности.

Для всех студентов Виталий Алексеевич Кабатов был жизненным примером невероятной силы духа и доброжелательности, он умел найти подход к каждому. Он обладал способностью оценивать студента с точки зрения уровня подготовки с одного взгляда, был человеком необыкновенной проницательности.

Когда я учился в аспирантуре МГИМО, Виталий Алексеевич был моим научным руководителем. Впоследствии наши пути пересекались и за пределами лекционных аудиторий, в том числе в Третейском суде при РАО «ЕЭС России», где Виталий Алексеевич был арбитром.

Требовательный как к себе, так и к окружающим, он пользовался огромным уважением коллег. Это качество заставляло не только молодых, но и зрелых его коллег стремиться к высочайшему профессиональному уровню.

Виталий Алексеевич Кабатов навсегда останется в моей памяти образцом ответственности, достоинства и профессионализма. Одним словом, Человеком с большой буквы!

*Александр Замазий, выпускник международно-правового факультета
(2003)*

Н. Иванова: А ведь право может быть лиричным...

Мне повезло на первом году обучения застать лекции Виталия Алексеевича по римскому праву (говорят, мы стали последним курсом, которому он читал их; впоследствии он вел только семинары).

Я явственно помню один эпизод в самом начале, который определил настроение всех последующих лекций. Мы сидели, сосредоточенно записывали, и тут Виталий Алексеевич сказал: «Обратите внимание на следующий слайд (все подняли головы)... Это балкончик Джульетты в Вероне. Красивый, правда?» А потом зачитал отрывок из Шекспира.

Не раз он потом обращался к тому балкончику, к стихам, неожиданным и ярким сравнениям. Если бы не это, вряд ли бы воспоминания о римском праве были такими живыми и лиричными.

Наталья Иванова, выпускница международно-правового факультета (2014)

Д. Казаченко: «Учитесь!» – сказал мне Виталий Алексеевич...

Вернулся я из армии советской, и надо мне было закрыть все «долги» за первый курс (я без потери курса переводился с «вечерки»). Наступает время «Ч», и мне сдавать «Рим». Прихожу к Виталию Алексеевичу.

- Пойдемте на кафедру. Вы как предпочитаете сдавать – по билетам или без?
- Проще без билетов.
- Я тоже больше люблю без.

Я плохо тогда представлял, кто такой Виталий Алексеевич. Он меня «прогнал» с первой страницы учебника (кажется, тогда у нас был Новицкий) до Фальцидиевой четверти. Помучив меня по полной программе, Виталий Алексеевич (как обычно) попросил меня вложить ему ручку в руку. Поставил он мне тогда «отлично» с кратким комментарием: «После армии так владеть предметом...». Это было действительно лестно. «Учитесь!» – сказал мне Виталий Алексеевич, о чем я помню всегда.

Дмитрий Казаченко, выпускник международно-правового факультета (1994)

И. Макаров: Профессор Кабатов силой своего характера и спокойной уверенностью давал нам уроки даже тогда, когда мы этого не понимали...

Бывают люди, которые своей жизнью дают пример того, каким можно и нужно быть. Профессор Кабатов навсегда останется для меня не только первым учителем в профессии, но и образцом скромности, которая сопровождает только истинно достойных людей. Силой своего характера и спокойной уверенностью он давал нам уроки даже тогда, когда мы этого не понимали. Со временем в разговорах с однокурсниками я осознал, насколько огромное влияние Виталий Алексеевич оказал на всех нас. С нами навсегда остаются его уроки – как профессиональные, так и человеческие.

Игорь Макаров, выпускник международно-правового факультета (1995)

Т. Рудяк, А. Трухтанов: Мы получали не только урок золотой латыни, но и достойный античности урок силы человеческого духа...

Изучение любого искусства начинается с признанных классических образцов. Они дают точку отсчета и задают критерии качества. В европейской правовой традиции таким образом признано римское право, консолидированное в Юстинианов *Corpus iuris civilis*. Год за годом первокурсники факультета МП, изучавшие римское право под руководством Виталия Алексеевича Кабатова, не только получали основательное знакомство с классическим образцом стройной и строгой правовой системы, но и проникались наглядным – и весьма редким – человеческим образцом сочетания интеллектуальной строгости и душевного благорасположения к окружающим. Профессор Кабатов идеально соответствовал своему предмету. Высокий, прямой, в неизменном строгом костюме и с ясным взглядом, он, казалось, вобрал в себя прямоту и твердость Законов XII таблиц. Его голос, звучавший как хрипловатый шепот, поверяющий непосвященным тайное знание, излагал логику гаевских и ульпиановских построений так же стройно и легко, как сами классики писали свои *responsa*. Всякий раз, когда в завер-

шение лекции он поднимал руку, чтобы написать мелом на доске крылатую фразу-максиму, замерший в тишине лекционный зал № 7 получал не только урок золотой латыни, но и достойный античности урок силы человеческого духа. Телесная демонстрация этой силы была слишком наглядной, да что там – откровенно пугающей, чтобы оставаться неосознанной даже и 16-летними юнцами. Но мы вряд ли вполне понимали, что именно дух этот питал его редкостную душевность. Не осознавая как следует ее истоков, мы тем не менее явственно ощущали ее проявления. Тропизм юности заставляет внешне заносчивых молодых людей искать душевного сочувствия себе, но не приемлет ни фальши, ни снисходительности. Многие из нас находили повод – пусть наивный, надуманный – обратиться к Виталию Алексеевичу с каким угодно вопросом для того, чтобы унести в ответе, по форме вполне деловом, теплое ощущение искренней благожелательности, предназначенной непосредственно, лично нам. Это ощущение неизменно сопровождает воспоминание о Виталии Алексеевиче... Нет, на самом деле оно составляет главное содержание и ценность воспоминания о нем, подобно тому как главное ценностное содержание самого римского права составляет идеал классической человеколюбивой формулы Цельса: «*Ius est ars boni et aequi*» (D. 1.1.1.pr.).

Татьяна Рудяк, Александр Трухтанов, выпускники международно-правового факультета (1997)

А. Костин: «Виталий Алексеевич – наше знамя!»

Юридическое образование на МП факультете для меня, как и для моих сокурсников, началось в 1970 г. с лекции Виталия Алексеевича по римскому частному праву. Начал он с известной реплики Цезаря: «Жребий брошен» (*Alea iacta est*). В смысле: «Ну вот, друзья, вы поступили на МП факультет, теперь вы юристы». Мы сразу поняли, что это высокоинтеллектуальный человек, абсолютно владеющий своим предметом. Он замечательно вкладывал азы права в умы молодого поколения. Это только кажется, что римское право – предмет мертвый, как и латинский язык, на котором оно базируется. Универсальные термины международного частного права, понятные юристам разных стран, происходят из латыни. С другой стороны, римское право, как я понял уже по прошествии многих лет, лежит в основе юридической логики в частном праве. Это «мертвое право» переживет нас всех! И Виталий Алексеевич доносил до нас эту мысль.

До сих пор не могу забыть ощущения радости, когда на втором курсе получил от него похвалу за курсовую по исковой давности в гражданском праве. Дело в том, что во время работы над ней я столкнулся с несколькими моментами, по которым не смог найти четких ответов в законодательстве и литературе. И я предложил варианты таких ответов. К сожалению, меня не было на занятии, где разбиралась моя работа, но мне передали, что Виталий Алексеевич особо отметил в ней именно эти места.

С аспирантских лет я продлил свое общение с Виталием Алексеевичем вплоть до сегодняшнего момента. Хотя Виталий Алексеевич не был моим научным руководителем по диссертации, профессионально-духовный контакт с ним мне тогда очень помог.

Теперь я заведующий кафедрой, на которой работает Виталий Алексеевич. Все прошлые годы он преподавал и много писал, а с этого года стал старшим научным сотрудником кафедры, и не исключая, что он будет вести мастер-классы. Его уникальность в том, что в своем возрасте он сохранил абсолютную живость ума и способность глубоко понимать проблему. С ним всегда приятно советоваться, он по натуре большой либерал и демократ – в хорошем смысле этого слова. Всегда ведет себя корректно, деликатно – что с молодыми людьми, что с преподавателями. С ним всегда комфортно беседовать.

Каждый год, в июне, мы всей кафедрой отмечаем день рождения Виталия Алексеевича, и всякий раз говорим себе: «Виталий Алексеевич – наше знамя!»

Алексей Костин, выпускник международно-правового факультета (1976), заведующий кафедрой международного частного и гражданского права МГИМО МИД России

В. Крахмалев: Виталий Алексеевич был для нас примером для подражания...

Виталий Алексеевич – один из наших самых любимых преподавателей, добрый и умный. У нас были преподаватели, которые могли тебя унижить за то, что ты чего-то не знал или не сделал. Виталий Алексеевич такого себе не позволял. Даже к тому студенту, который у него, скажем, не совсем хорошо учился, он относился по-доброму, не ставил на нем крест. И если у студента потом просыпалась совесть и он осознал свои ошибки и говорил что-то умное, Виталий Алексеевич с удовольствием с ним беседовал, слушал его.

Думаю, что не погрешу против правды, сказав, что для большинства из нас Виталий Алексеевич, человек с ограниченными возможностями (как это теперь принято говорить), своей стойкостью и целеустремленностью в работе был для нас, его студентов, примером для подражания, мы учились у него тому, как надо относиться к жизни и своим обязанностям. Виталий Алексеевич помогал, если видел, что тебе трудно что-либо вспомнить. Ведь он знал, на что способен студент, не замеченный в нерадивости.

Римское право – довольно сухой предмет, латинский язык – мертвый язык. Заинтересовать им сложно, а Виталий Алексеевич успешно это делал. Он постоянно оперировал римскими поговорками, многие из которых я помню до сих пор. Частенько он говорил нам: «Что позволено Юпитеру, не позволено быку» (*Quod licet Jovi, non licet bovi*). Когда мы его перебывали на семинарах, могли гарантированно услышать: «Да будет выслушана и другая сторона» (*Audiat et altera pars*). Но тем самым он вовсе не пытался показать свое знание латыни. Он хотел через поговорки заинтересовать нас предметом. А его Виталий Алексеевич знал прекрасно, перед собой он всегда держал тетрадку – было видно, как тщательно он готовился к занятиям с каждой группой.

Владимир Крахмалев, выпускник международно-правового факультета (1973), партнер юридической фирмы ООО «ЮРЕКС, Партнеры»

И. Рыбалкин: Для Виталия Алексеевича право стало музыкой...

На первой же лекции по римскому праву Виталий Алексеевич, хотя тогда он был далеко не молодым человеком, поразил меня своей энергичностью и ясностью изложения. Собранный, четкий, быстрый, остроумный, с задорным блеском в глазах, элегантный, он совсем не казался пожилым человеком. Профессор никогда не читал лекции с листа. Это был его живой рассказ о Риме, который он переживал вновь и вновь, общаясь с нами.

Тогда мы были молодыми студентами. На лекции мы приходили не столько в надежде стать специалистами по римскому праву, сколько с желанием внимать профессору Кабатову, который завораживал буквально любого из нас, стоило ему появиться за кафедрой. Великий дар педагога и ратора – заинтересовать, увлечь аудиторию. Нас притягивало не римское право, а сияние его личности. Повторюсь, Виталий Алексеевич был блестящим оратором и незаурядным педагогом, который использовал нестандартные приемы обучения... Как-то раз, чтобы передать настроение римской толпы, которая бурно реагировала то ли на непопулярный декрет, то ли на идиотский преторский эдикт, он сравнил происходящее с одной итальянской оперой. Неожиданно он с легкостью напел мелодию и продекламировал либретто. Это было очень шутливо, органично и естественно. Театральный экспромт, а не заготовка, кочующая из

семестра в семестр. То был спонтанный порыв увлекающегося, образованного и талантливого человека. Для него право стало музыкой!

Виталий Алексеевич обладает энциклопедическими познаниями в праве и латинской культуре, которыми он щедро делится со студентами без малейшего снобизма, с искренним желанием увлечь.

Мне показалась симпатичной его доброта и уважительная снисходительность к студенту. По результатам волнительного экзамена редко кому ставилась «двойка» или «тройка». Он слишком хорошо понимал, что год обучения римскому праву – лишь мгновение, а «неуд.» или «уд.» в зачетке разволновавшегося студизуса – что унижительный удар указкой по рукам.

Профессорская снисходительность и доброта имели, казалось, парадоксальный дисциплинирующий эффект. Большинство моих друзей на курсе читали рекомендуемые книги от корки до корки (и, конечно же, штудировали крылатые латинские выражения), желая преуспеть в предмете. Тонкий знаток русской изящной словесности, Виталий Алексеевич придавал большое значение и тому, как молодой человек говорил на экзамене: умение логично и грамотно выражать свои мысли (бесценный навык на все случаи жизни) помогли не одному молодому студенту пройти суровое испытание.

Как оказалось, Виталий Алексеевич преподавал римское право и моему отцу, который в свое время также окончил факультет МП. Недавно он вспоминал свои студенческие годы... «Блестящий профессор Кабатов!» – одно из его наиболее ярких воспоминаний. «Слава Богу, тебе преподавал азы права такой педагог!» – были его слова.

Здоровья Вам и низкий поклон, Виталий Алексеевич!

*Илья Рыбалкин, выпускник международно-правового факультета (2000),
партнер юридической фирмы Akin Gump Strauss Hauer & Feld LLP*

Е. Синильщикова: Я поднимаю глаза и вижу Виталия Алексеевича – слегка улыбающегося, доброжелательного и великодушного...

Когда мы в 1968 г. поступали в МГИМО, в Институте было всего два факультета – МЭО и МО. На МЭО была создана группа международного частного права, преобразованная затем в факультет МП. Чтобы попасть в нее, пришлось дополнительно сдать около двадцати предметов. И вот очередь дошла до римского права. Прочитав тоненькую книжечку, я смело вошла в кабинет. Первый вопрос преподавателя поверг меня в шок: из головы вылетело все, что я с таким трудом выучила. Но вот я поднимаю глаза и вижу Виталия Алексеевича: слегка улыбающегося, доброжелательного и великодушного.

Позже я узнала, что наряду с необыкновенной деликатностью Кабатову присущи твердость характера, огромная сила воли и требовательность. Но ничто не могло затмить впечатления от нашей первой встречи.

Мне повезло. На курсе нас было всего 18 человек, с нами училась и Елена Кабатова, дочь Виталия Алексеевича. Благодаря дружбе с Леной я бывала в доме Кабатовых. Там было всегда тепло и просто.

Виталий Алексеевич был моим учителем и в Институте, и на курсах повышения квалификации. Всегда радуюсь случаю оказаться с ним в одном составе арбитража и наблюдать, как он творит решения.

*Елена Синильщикова, выпускница международно-правового факультета
(1973)*

Г. Цицишвили: Ощущение было такое, что перед тобой живой герой...

При внешней строгости Виталия Алексеевича манера преподавания у него всегда была артистичной. Цитируя римских гладиаторов, которые провозглашали: «Здравствуй, Цезарь, идущие на смерть приветствуют тебя!» (Ave, Caesar, morituri te salutant), он мог сделать соответствующий жест. Он очень много говорил о римских традициях, о системе права, об известных юристах, рассказывал истории о том, как жил Рим. Виталий Алексеевич оживлял этот сухой предмет, превращал его в увлекательное повествование. Но вот о себе он никогда не рассказывал, хотя мы знали, что он фронтовик. Такой он скромный человек. Хотя мы все больше и больше узнавали о нем: знали, что он горел в танке, был тяжело ранен. Это вызывало огромное уважение, и мы относились к нему не как к обычному преподавателю, а как к герою. Я поступил в институт после армии, и при встрече в коридоре мне всякий раз хотелось отдать ему честь. Ощущение было такое, что перед тобой живой герой. Он даже внешне был похож на благородного римлянина.

Без римского права в юриспруденции никуда. Благодаря Виталию Алексеевичу, который смог меня им увлечь, я довольно часто пользовался этими знаниями не только в профессии, но и в жизни.

Геннадий Цицишвили, выпускник международно-правового факультета (1976), управляющий партнер адвокатского бюро «Блищенко и партнеры»

Л. Январева: Виталий Алексеевич смотрел на студента так, будто давно его знал...

На нашей самой первой лекции по истории римского права мы увидели высокого, стройного, красивого мужчину, который приветствовал нас, но держал по швам руки... в черных кожаных перчатках. Позже мы узнали о тяжелом ранении Виталия Алексеевича...

Лекции его были настолько интересными (послушать их, кстати, приходили студенты разных курсов), что в зале стояла мертвая тишина, а мы, вытянув шеи, внимательно слушали незнакомые слова и понятия, иногда даже забывая записывать их в тетрадки. Голос у Виталия Алексеевича был негромкий, но мы отчетливо слышали каждое слово. Обычно он внимательно следил за залом и, когда видел, что кто-то отвлекся, просто замолкал и ждал, когда студент наконец переключит на него свое внимание. Однажды он заметил на первом ряду спящую монгольскую студентку и остановил лекцию, сказав шепотом: «Давайте немного помолчим, чтобы не разбудить девушку!» Зал взорвался от смеха, разбудив студентку, которая, проснувшись и не поняв, что смеются над ней, нисколько не смутившись, приготовилась внимать непонятному языку дальше.

Мы благоговели перед этим человеком. У Виталия Алексеевича было удивительное свойство: он смотрел на студента так, будто давно его знал. Помню, я стояла за ним в очереди в буфет. Вдруг он повернулся ко мне и, улыбнувшись своей обаятельной улыбкой, протянул обе руки, попросив взять из [портмоне] мелочь и купить ему кофе. Много лет спустя, когда я поздравлялась с ним на заседании Арбитражного суда, я опять увидела эту улыбку. Он, конечно же, не узнал меня, но улыбнулся так, будто мы были давно знакомы.

Человек глубокой порядочности, влюбленный в свое дело, пришедший к творческому успеху своим путем, а главное, упорным трудом, – такой он, наш Виталий Алексеевич Кабатов! Мы всегда помним о нем и гордимся, что живем с ним в одно время.

Любовь Январева, выпускница международно-правового факультета (1978)

З.М. Каневский
Жить для возвращения: Автобиографическая повесть
(2001 г.)
[фрагмент о В.А. Кабатове]

Зиновий Михайлович Каневский (1932–1996) – российский полярный исследователь, географ, писатель.

В 1955 г. окончил географический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова. В ходе зимовки на Новой Земле в 1959 г. попал в ураган. В результате обморожения лишился обеих рук ниже локтей и пальцев на ногах. Лауреат Всесоюзного конкурса на лучшее произведение научно-популярной литературы (1973 г.). Член Союза писателей СССР (1979 г.), многолетний сотрудник редакции журнала «Знание – сила».

<...>

Возвратившись из Крыма, Наташа наведлась в Институт протезирования и неожиданно получила имя, отчество, фамилию и телефон человека, который согласился помочь мне советом. Судьба распорядилась так, что жил он рядом с нами, в десяти минутах ходьбы, что тринадцать лет спустя мы одновременно переехали на другой конец Москвы и вновь оказались по соседству, ну а главное, с первой минуты знакомства сблизились, подружились, перешли на «ты», несмотря на восьмилетнюю разницу в возрасте.

Виталий Алексеевич Кабатов в девятнадцать лет потерял обе руки ниже локтей в страшной битве на Курской дуге, на окраине Белгорода. Он был ранен осколками снаряда и, пройдя медсанбаты и тыловые госпитали всех видов, вернулся в Москву инвалидом, имеющим за плечами одну десятилетку. Нет, не только. Помимо средней школы он еще, как и я, ходил в музыкальную (по классу скрипки), и в июне 1941 года поступил в Гнесинское училище... Ему предстояло получить высшее образование, жениться, родить дочку и стать доктором юридических наук, профессором Института международных отношений. Мы познакомились с ним, когда ему было тридцать пять, а за несколько лет до этого он защитил кандидатскую диссертацию.

Виталий, Талик, родился тринадцатым по счету ребенком в семье, где к тому времени в живых остались только три девочки. Согласно домашнему преданию, его отец, узнав о рождении сына, на радостях даже выпил рюмку, впервые в жизни! Израненный Талик, вернувшись с фронта, поступил под опеку одной из старших сестер, Александры Алексеевны, Али, многоопытной медсестры. Она ухаживала за ним, сопровождала в санатории, помогала учиться в МГУ.

Однажды Аля кормила его бутербродами на лужайке возле какого-то подмосковного пансионата для инвалидов. Еще продолжалась война, на территории работали пленные немцы. Один, такой же двадцатилетний, как Талик, только здоровый, с жадностью глянул на хлеб с колбасой, и Виталий попросил сестру поделиться с немцем. Позднее, обсуждая с ней этот эпизод, он говорил:

– А ты можешь себе представить, что это я мог бы быть на его месте, родился я в Германии...

(Эпизод этот воспроизвожу со слов Александры Алексеевны, человека истово верующего, безусловно правдивого и безмерно обожавшего младшего брата.)

Я восхищаюсь им почти сорок лет. Всегда спокойный, сдержанный, он верен в любви и дружбе, чуток ко всему новому в науке и прогрессивен в политических взглядах. За столом общителен и весел, не чуждается рюмки, но никогда не преступает грань. Ездит на велосипеде (в протезах), плавает на байдарке (со специальными приспособлениями), прекрасно ныряет и держится на воде (без протезов), всю зиму ходит на лыжах (без палок), бегает на коньках и даже

был чуть ли не чемпионом МГУ! Стоит по-йоговски на голове, в свои семьдесят с лишним не имеет ни жиринки. Объехал весь мир в командировках и в туристических круизах, вместе с женой Саидой воспитал дочку Лену, которая тоже вот-вот станет доктором юриспруденции, лелеет внука, ровесника моего собственного.

Первое, что он сказал мне при знакомстве:

– Ты наверняка стесняешься своих черных перчаток, прячешь руки, засовываешь их в карманы плаща или пальто. Так вот, избавься от этого раз и навсегда! Глазеют? Пусть глазеют, равнодушно смотри им в лицо, долго не выдержат. И в транспорт спокойно входи без билета. Нет, вовсе не одни воевавшие имеют на это право, а и любой инвалид первой группы.

Скажу сразу: ни одной из этих заповедей я не выполнил и по сей день. Даже проходя мимо контролера в метро, отчего-то робею и тычком показываю ему руки – дескать, имеем право на бесплатный проезд.

В первый же день нашего знакомства Виталий Алексеевич легко и непринужденно, за какие-нибудь час-полтора научил меня, скажу без преувеличения, почти всем премудростям инвалидного быта. Например, вилку и ложку нужно втыкать черенком между указательным и средним пальцами кисти, помещая его над большим пальцем, и тогда хват будет исключительно прочным. А самую мучительную проблему – туалетную – можно решить с помощью специального крючка, который легко надевается на универсальную гильзу – так называемый рабочий протез. Этот протез был предназначен для того, чтобы пилить-строгать, паять, копать землю, проводить в доме малярные работы. Его придумал один из «бездвуруких», Дмитрий Сергеевич Решиков. Правда, ни Виталию, ни мне эта конструкция в полном объеме была ни к чему, мы рукоделом не занимались. А вот приспособить рабочий протез для байдарочных весел, а также для пинг-понговой ракетки (Талик прекрасно играл в настольный теннис и обучил этому делу меня, когда мы одно лето вместе жили на подмосковной даче) – это с превеликим удовольствием.

Брился Виталий Алексеевич привычной безопасной бритвой – меня же пользовала электробритвой Наташа, переходить на лезвия мне очень не хотелось. Что ж, пришлось прямо здесь, в квартире новых друзей, изобретать для меня нехитрое устройство для электробритвы, которое можно было бы надевать на тот же рабочий протез. Мой арктический друг со времен «Русской Гавани» Миша Фокин, осевший после Арктики и Антарктики в недалеком Обнинске, выточил для меня на своем заводе это устройство.

Другой мой товарищ, географ и прирожденный изобретатель Женья Цыкин, соорудил мне из плексигласа молоточки для печатания на машинке, предварительно купив и притащив в наш дом саму машинку – немецкую портативную «Оптиму». Тридцать пять лет спустя, сегодня, я отстукиваю на ней эти строки все теми же легкими и прочными молоточками, заменившими мне два пальца, и скорость печатания довольно высока – до пяти-шести страниц в час, хотя из-за усталости «машиниста» скорость эта в течение дня заметно падает! Ужасно горжусь тем, что со временем *сам* Виталий воспринял примерно такую же конструкцию и много лет спустя окончательно перешел на пишущую машинку.

А в тот первый вечер он потряс меня еще вот чем. Подошел к роялю, откинул крышку и начал... играть! Звучали свободные импровизации на темы известных классических мелодий. Он играл культиями, не смущался, когда попадал мимо клавиш, широко использовал ножную педаль. Ампутация у него была заметно выше, чем у меня, сантиметров на пять, и справляться с клавиатурой, естественно, было куда как нелегко, однако он играл, музыка звучала, а я... Ну как вы думаете, что было со мной? Я вел себя неприлично, хотел, чтобы он поскорее встал со стула, чтобы занять его место и заиграть самому, впервые за четыре с лишним года, впервые – не пальцами, а «великолепными культиями»! Ведь по возвращении из больницы я ни разу не подошел к своему пианино марки «Рёниш», даже не глядел в его сторону...

Едва мы с Наташей, окрыленные, явились домой, я бросился искать свои ноты, мне не терпелось попробовать сыграть первую часть «Лунной сонаты», я прекрасно помнил, что это сделать несложно всего двумя «пальцами» (разумеется, с помощью педали и некоторых ухищрений). Нот нигде не было.

Я подступился с расспросами к тете Соне. Неожиданно она расплакалась и призналась в страшном преступлении: накануне моего приезда из больницы, терзаясь душевно и безумно боясь моих терзаний, она связала все ноты в пачки и вынесла их из дома в мусорные контейнеры, чтобы ничто больше не выворачивало душу ее обожаемого племянника-сына, утратившего навсегда возможность прикоснуться к фортепианным клавишам...

Забегая вперед, скажу, что нотами я обзавелся. Помогла моя любимая Александра Мартиновна, чья жизнь, увы, завершалась все в той же бывшей келье Новодевичьего монастыря. Года два набирался я решимости предстать перед ее почти уже ничего не видящими глазами. Предстал. Она попросила меня подойти поближе и долго пыталась непослушными артрозными пальцами ощупать протезы. Отчаянные были минуты, я внезапно скинул всю амуницию, сел к роялю и принялся наигрывать и напевать, как тогда говорили, «песни советских авторов», поскольку и в самом деле песню пишут двое – композитор и поэт. Александра Мартиновна окаменела, я, напротив, размягчился до безобразия и плакал. Хороший получился вечерок!

<...>

*Печатается по: Каневский З.М. Жить для возвращения:
Автобиографическая повесть / Подготовка текста и послесловие
Н.В. Давидович-Каневской. – М.: Аграф, 2001. С. 256–261.*

2. Воспоминания о С.Н. Лебедеве

См. также ниже иные разделы в настоящей части, в которых могут содержаться воспоминания о С.Н. Лебедеве.

А.Н. Гальперина. Alassio

Мнемозина помогает мне отвлечься и описать одну историю из нашей жизни. Это было время, когда мы легкомысленно не использовали сотовую связь, отправляясь на отдых. Мы – я, Сергей мой, Лена и Колечка – отдыхали в Alassio на Лигурийском побережье. Отдыхали безмятежно и приятно. Но всему наступает конец, и надо было возвращаться.

Путь был начертан: от Alassio до Милана поездом, от Милана до Москвы самолетом. Мы купили билеты на поезд и приехали на вокзал. Узнали, какими вагонами по номерам он останавливается вдоль платформы. По билетам вагон № 2 должен был остановиться по ходу поезда справа.

У нас два тяжелых чемодана и несколько пакетов. Сергея освободили от вещей. Коля с большим чемоданом, я с чемоданом поменьше, Леночка с пакетами.

Наконец, идет поезд, и мы видим, что по его ходу передние вагоны имеют нумерацию последних.

Поезд стоит три минуты. Мы на дикой скорости начали бег по платформе, грохоча чемоданами, но через две минуты стало понятно, что добежать до второго вагона невозможно. Головной вагон дал гудок. Мы решили садиться в тот вагон, который был перед нами.

Леночка с трудом, с нашим подталкиванием сзади, была уже в тамбуре, и тут, обернувшись, мы поняли, что Сергей исчез. Платформа была с изгибом, поэтому было совершенно невозможно просмотреть ее.

«Леночка, выходи», – и Леночка опять с этими пакетами выходит из вагона.

Начинается моросящий дождь. Мы бежим по платформе, опять грохоча чемоданами, чтобы увидеть Сергея. Поезд плавно набирает скорость, открывается вид на всю платформу. Сергея нигде нет.

Мы помчались куда-то вниз, где был город и кассы, грохоча чемоданами.

В кассах Alassio сидели безмятежные итальянцы и никто из них не говорил по-английски. Мы побежали к такси.

В Милан мы приехали одновременно с поездом, в котором, как было понятно, уехал Сергей без денег, без паспорта, но с билетами «Alassio – Милан».

Коленька побежал к платформе, к которой прибыл поезд из Alassio, а мы с Леночкой остались на площади перед Миланским вокзалом с чемоданами и пакетами.

Коленьки нет и нет, вокруг нас начинают ходить очень подозрительные итальянцы.

Моросит дождь, идут полицейские, внимательно смотрят на нас. Мы кидаемся к ним, и Леночка начинает очень путанно, ужасно волнуясь, рассказывать нашу историю: «My daddy...» и т.п. Они просят: «Мы не поняли, начните сначала». – «My daddy...» и т.п. Их, полупонявших, начинает разбирать смех. Так было, пока через час не появился Коленька, который – как тоже пропавший, но уже в Милане – был участником Леночкиного рассказа очередным полицейским.

Все бригады полицейских советовали нам идти в участок на вокзале.

И когда Коленька, который бегал по платформам в поисках своего деда, наконец пришел, мы, грохоча чемоданами, пошли на вокзал, ни на что не надеясь, в поисках полицейского участка.

Вывеска гласила: «Полиция». Вошли, Леночка успела воскликнуть: «My daddy!» – полицейский повернулся и, увидев нас, сразу же сказал: «Идите за мной».

Мы отправились за ним, грохоча чемоданами, и пришли в другое отделение полиции, где в комнате спиной к нам сидел Сергей, а три женщины-полицейские с ним беседовали.

Сергей не разговаривал с нами по пути от Милана до аэропорта и в самолете «Милан – Москва».

P.S. Он с нами заговорил в Москве.

Он сел в тот вагон, который остановился перед ним, а когда поезд тронулся, он наконец обернулся и увидел, что нас нет.

Все проводники были подняты на ноги; они звонили в Alassio, там безмятежные итальянцы заверили, что мы скоро приедем в Милан. В Милане он сразу же пошел в полицейский участок.

Ася Николаевна Гальперина, супруга С.Н. Лебедева

Т.Е. Абова: Он любил внешнюю торговлю, международное частное право и арбитраж: морской, МКАС – любой!

Ниже приведены отрывки из интервью Тамары Евгеньевны Абовой, которое она дала в 2016 г. В.В. Хвалею для документального фильма «Посвящается памяти Сергея Николаевича Лебедева (07.08.1934 – 11.04.2016)», выпущенного в 2017 г. Ассоциацией участников по содействию в развитии третейского разбирательства (см. диалоги и тексты из него в данном разделе ниже). См. также: <http://arbitrations.ru/press-centr/news/pamyati-lebedeva-sergeya-nikolaevicha>; https://www.youtube.com/watch?v=qJPTg_Xk2r8.

В указанный фильм вошло из этого интервью не все.

Как о человеке я могу сказать, что я испытывала на себе его очень доброе, по-настоящему доброе отношение. Однажды, когда к нам пришел работать Николай Николаевич Остроумов (он тоже транспортник), он у меня забрал какие-то куски в транспортном праве, а я говорю: «Сергей Николаевич, а давайте, я ему отдам все транспортное право, пусть он читает». Он мне сказал: «Тамара Евгеньевна, я его пригласил, чтобы помогать друг другу, а не заменять». На этом разговор был закончен.

И всякий раз, когда я порывалась уйти, он мне говорил: «Ни в коем случае!» Ни за что не хотел отпускать. Но потом, когда уже был Алексей Александрович Костин, это можно было сделать. А он был в это время за границей, в ЮНСИТРАЛе работал. Вот когда он вернулся, он мне говорит: «Тамара Евгеньевна, как же это так? Нет, ну что, пойти мне к ректору?» Я говорю: «Нет, Сергей Николаевич, я ушла по доброй воле, воспользовавшись возможностью, и я не хочу возвращаться: устала я уже». Это был девятый [2009] год. Сорок лет я у них проработала. Сорок лет.

Но он очень огорчился, что я ушла. И я испытывала такое... Казалось бы, я много старше него, но все же...

И вот такой был забавный эпизод, который я хотела рассказать. Мы были на юбилее Ивана Семеновича Зыкина, ему исполнилось шестьдесят лет, и он пригласил меня и других на свой юбилей, и был там Городисский Андрей еще – это же однокурсники. И Андрей, значит, и кто-то подняли тост: «За учителей!» И Андрей, выступая, говорит: «Тамара Евгеньевна, я отлично помню, как Вы у нас преподавали трудовое право». Я говорю: «Ты что – транспортное!» – «Да нет, трудовое право!» – «Ну как я могла читать трудовое право?» Сидит Сергей Николаевич рядом со мной. Я спрашиваю: «Сергей Николаевич, ну разве я читала когда-нибудь трудовое право?» Он отвечает: «Тамара Евгеньевна, Вы все читали!»

* * *

Вот как я стала морским арбитром – это я могу рассказать. Я же работала всегда в Институте государства и права. Но однажды один из наших профессоров, который, видимо, у нас работал на полставки – Яичков Константин Константинович – мне сказал: «Тамара Евгеньевна, Вы не могли бы у нас, в МГИМО, почитать транспортное право?» Их лектор уехал в командировку в длинную, в Англию. Я говорю: «Но я же только железнодорожное знаю». Он говорит: «Ну и читай железнодорожное!»

И так я пришла в МГИМО со своим железнодорожным правом, а остальное – морское право, автомобильное – читали другие люди. Но вскорости другие люди отказались читать, они посчитали, что им мало платят. И пришлось читать все уже мне. И так постепенно я вникала в морское право, не так, как я его знала – как студенткой, допустим, там, а уже вникать в морское право значительно больше. Но это было уже позднее, это были уже семидесятые годы. Шестидесят девятый, да, в семидесятые годы.

И вот однажды, в семьдесят третьем году, я прихожу, прихожу в МГИМО, как всегда, читать лекции. Вот прихожу и мне говорит Сергей Николаевич... [Кстати,] Константин Константинович Яичков, к сожалению, через два года после того, как к ним я пришла, умер. Вот, надо сказать, что очень заботливым человеком тогда был Сергей Николаевич и он очень скорбел о том, что он умер, и всю жизнь жалел, что он умер рано. Ну а потом стал заведующим кафедрой Сергей Николаевич.

И вот я прихожу на работу, он мне говорит: «Тамара Евгеньевна, мы вот Вас единодушно, значит, включили в число морских арбитров». Я говорю: «Сергей Николаевич, побойтесь Бога, ну какой я морской арбитр? Вы бы меня сначала докладчиком сделали!» А он мне говорит: «Нет, Тамара Евгеньевна, – арбитром!» И так я стала арбитром Морской арбитражной комиссии. Но очень быстро освоилась.

Я потом говорила, рассказывала тоже, как я стала вот морским арбитром... Я говорю, что, когда я начинала, я была юнгой. А один ехидный у нас научный сотрудник был, профессор, он мне говорит: «А что, сейчас капитаном стала?» Я: «Нет, боцманом!»

* * *

Его очень часто, очень часто выбирали суперарбитром. И вот он как человек – ну крупный специалист, во-первых, – он всегда стремился к тому, чтобы был какой-то компромисс, понимаешь? Он всегда старался как-то примирить стороны.

Мы тоже всегда предлагали, конечно, помириться и все, но он именно вот, будучи суперарбитром, старался вот эти все разногласия свести как-то, мнения сблизить и всегда принимал решение в конце концов он, когда удовлетворенной оказывалась и та, и другая сторона. Вот со мной это бывало часто, когда мы, допустим, с арбитром другим не договорились, а потом он приходит и говорит: «А у меня есть третья точка зрения». И таким образом мы согласны с ним, для того чтобы не продолжалось опять такое разногласие.

...бывает в МКАСе, когда три мнения – у председателя и у двух арбитров – разные. Вот такое бывает. А Сергей Николаевич стремился к тому, чтобы предложить такой вариант решения, который устроил бы обоих арбитров.

* * *

Он любил свою внешнюю торговлю. Это было одно из его любимейших направлений: это экономические отношения во внешней торговле и, конечно, арбитраж. И международное частное [право]. Вот три направления: внешняя торговля, международное частное [право] и арбитраж: морской, МКАС – любой!

В.В. Видер: Профессор Лебедев был неутомимым распространителем знаний...

Выдержка из статьи В.В. Видера «По следам профессора Б.Э. Ноль-де», приводимой ниже в части II «Профессора МГИМО В.А. Кабатов и С.Н. Лебедев. Статьи in memoriam» настоящего сборника. Перевод на русский язык выполнен С.М. Мельниковой-Рэйч.

Профессор Сергей Николаевич Лебедев, как и все великие учителя истории права, был неутомимым распространителем знаний, посеявшим на почву этой науки множество семян. Он глубоко осознавал значение наследия прошлого для настоящего, без которого нельзя проложить путь к будущему. Выражаясь словами английского историка права Ф.У. Мейтланда, «сегодня мы изучаем то, что было позавчера, для того, чтобы вчерашние события не парализовали нас сегодня, а сегодняшние – завтра». Зачастую мимоходом и всегда в форме вопросов, неизбежно приводящих собеседников в изумление, профессор Лебедев упоминал какое-либо малоизвестное событие, книгу или человека, которые оказывались недостающим звеном в той или иной головоломке обширной юридической истории.

В течение нашей 35-летней дружбы он не раз изумлял и меня, ссылаясь то на детали проекта закона об арбитраже Временного правительства России (1917) или арбитражного разбирательства по делу «Лена Голдфилдс» (1930), то на влияние лондонского арбитража на создание Морской арбитражной комиссии СССР (1930) или раннюю историю Международного совета по коммерческому арбитражу (1961).

Такие его «вопрошающие» ссылки, требовавшие нахождения ответа, заставляли его учеников и последователей в свою очередь заботливо возвращать посеянные им семена знаний.

<...>

Ван Вехтен Видер, QC, Essex Court Chambers, London

Hans Danelius. Sergei Lebedev: In Memoriam

Professor Sergei Nikolaevich Lebedev, born in 1934, was for a long time a well-known personality in the Swedish arbitration community. He had actively participated in the preparations of the Agreement of 1977 between the USSR Chamber of Commerce and Industry and the American Arbitration Association which recommended that disputes between Soviet and US companies should be referred for arbitration under the aegis of the Arbitration Institute of the Stockholm Chamber of Commerce (SCC). This agreement gradually and significantly contributed to making the SCC a frequently used forum not only for arbitrations in Soviet-US commercial disputes but also for East-West arbitrations in general. Sergei's involvement in the work on the 1977 Agreement achieved wide recognition and appreciation. It was therefore not surprising that he was frequently asked to serve as an arbitrator in cases regarding business transactions between Russian and Western companies.

I first met Sergei in 1995 when we both served as arbitrators in a case involving one Swedish company and two Russian companies. The case was dealt with by the SCC. Sergei had been appointed

arbitrator by the Russian parties and a Swedish lawyer had been appointed by the Swedish party. On the basis of the SCC Arbitration Rules, the Governing Board of the SCC had appointed me as chairman of the arbitral tribunal. During the following years Sergei and I repeatedly sat together as arbitrators in various cases regarding disputes between Russian and Western parties, the last time in a case in which the proceedings lasted for several years and ended in 2011.

Since the cases in which Sergei was involved as arbitrator often concerned business transactions involving Russian companies, it was a clear advantage for the non-Russian members of the tribunals to have through Sergei easy access to reliable information about Russian commercial law and business practices. But it was no less important for the smooth running of the proceedings that Sergei's personal qualities and, not least, his subtle sense of humour facilitated the deliberations and mostly made it possible to reach a unanimous opinion on the legal issues and on the elements on which the awards should be based.

At the personal level, I came to regard Sergei as a good friend. I was invited by him and his wife Asya to their dacha south of Moscow, and my wife and I also enjoyed having them both as dinner guests at our home in Stockholm.

The services that Sergei rendered to the Swedish arbitration community received a well-deserved recognition when in 2003 King Carl XVI Gustaf bestowed on him the insignia as Commander of the Royal Order of the Polar Star, a distinction of which he was rightly proud.

On 19 and 20 January 2017, the Arbitration Institute of the SCC celebrated in solemn forms its 100th anniversary. Although Sergei was no longer alive, his work as an arbitrator, often under the aegis of the SCC, had not been forgotten during the celebrations. A film entitled "Quiet Triumph: How Arbitration Changed the World" and depicting the SCC and its growing activities since its creation had been prepared and had its premiere on 19 January 2017 at a well-known cinema in central Stockholm. Several persons who had made important contributions to the activities of the SCC appeared on the screen and told the public of their experiences. One of them was Sergei. His role as one of the originators of the 1977 Agreement was emphasized in the film as well as the recognition he received in 2003 by being appointed Commander of the Order of the Polar Star.

Sergei was a true gentleman and there are many lawyers in Sweden and in other countries who will remember him as a good friend and a pleasant companion in pursuit of a fair outcome of complex commercial disputes. There can be no doubt that his death is a heavy loss for the international arbitration community.

Justice Hans Danelius, Former Justice of the Supreme Court of Sweden

А.И. Лобода: Сергей Николаевич был способен буквально заражать людей рядом с собой своей манерой поведения...

Выдержка из приводимой в разделе 7 настоящей части статьи А.И. Лободы «С.Н. Лебедев – ученый, практик, педагог, дипломат».

<...> Ценно еще и то, что профессор Лебедев оказывает на своих учеников и другое, неявное, но не менее сильное воздействие. Я имею в виду стилистическое влияние Сергея Николаевича на наше профессиональное сословие. Я бы, пожалуй, даже рискнул назвать его «иконой стиля» юриста-международника. Дело в том, что Сергей Николаевич способен с годами буквально заражать людей рядом с собой своей манерой поведения.

Расскажу, пожалуй, об одном забавном примере его влияния лично на меня. В 1996 г. студенческая команда МГИМО впервые принимала участие в конкурсе по международному коммерческому арбитражу имени Виллема Корнелиса Виса. Это был третий по счету конкурс, и в нем в то время принимало участие совсем небольшое число команд из разных универси-

тетов мира. Слушания в то время проходили в Торговой палате Австрии, здание которой еще могло вместить участников конкурса. Подготовкой нашей команды руководил Алексей Александрович Костин, который был со студентами в Вене. Профессор Лебедев сумел выбраться в Вену лишь на пару дней для того, чтобы поддержать наше выступление. Дело было уже в последние дни конкурса. Для группы уважаемых специалистов по праву международной торговли и коммерческого арбитража организовали посещение Венской оперы. Для них было заранее приобретено несколько билетов на хорошие места на оперу «Андре Шенье». Но не все судьи конкурса смогли прийти в оперу, и устроители конкурса вывесили маленькое объявление о том, что они продают несколько оставшихся билетов в оперу на вечер. Никто не обращал на него внимания. Почему – непонятно. Возможно, все были заняты в этот вечер или значение имело то, что объявление было составлено на немецком языке, а большинство участников конкурса владело только английским. Я осведомился, сколько стоит билет. Мне сказали, что его цена – 120 долларов. Для студенческих суточных сумма была невообразимая, и я расстроено сказал, что билет мне не по карману. Тогда любезные дамы, которые продавали эти лишние билеты, сказали, что если до 6 часов вечера один из билетов останется некупленным, то его можно будет получить за половину этой цены.

Но и 60 долларов были для меня более чем значительными деньгами. Я пребывал в некоторых сомнениях в отношении того, стоит ли мне рисковать остаться без еды в последний день пребывания в Вене. В этот момент я и встретился с Сергеем Николаевичем. У него я спросил, что он думает о Венской опере. В ответ он обстоятельно и убедительно рассказал мне, что Венская опера некогда была действительно великой, а сейчас находится в состоянии известного упадка, но теперь следует скорее говорить о том, что заслуживает внимания здание оперы, так что можно обойтись и без посещения постановок в ней. На это я обрадованно сказал, что мой собеседник помог разрешить мои сомнения и я не лишусь громадной суммы в 60 долларов.

Сергей Николаевич удивленно спросил, значит ли это, что у меня есть возможность попасть в оперу. Я рассказал ему об истории с билетом. Услышав это, Сергей Николаевич, не меняя выражения лица, столь же убежденно сказал, чтобы я, конечно, шел в театр, ведь поход туда даст мне потом возможность небрежно ронять в разговоре: «Был я в той Венской опере – ничего особенного». С тех пор я не раз бывал в Венской опере и до сих пор не уверен, что оперная постановка, которую я посетил в тот вечер, стоила того, чтобы начинать с нее знакомство с оперным искусством. Однако неожиданно для самого себя я обзавелся приговоркой, которой я также заразил многих своих знакомых: «Был я в той Венской опере (или подставить любое иное явление окружающей реальности) – ничего особенного». Сейчас этот оборот уже осваивают и мои дети.

<...>

Андрей Иванович Лобода, выпускник международно-правового факультета (1996), кандидат юридических наук, доцент кафедры международного частного и гражданского права МГИМО МИД России, арбитр МАК при ТПП РФ, адвокатское бюро «Лобода, Филимонов и партнеры»

А.И. Медовой: Сергей Николаевич умел радоваться жизни и приносил радость в жизнь сам...

Наше знакомство стало случайным, но знаковым событием. Сергей Николаевич Лебедев пришел работать в Институт тогда, когда в него слились три вуза: международный факультет Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, преобразованный в самостоятельный Институт 14 октября 1944 г., Московский институт востоковедения, присо-

единившийся к МГИМО в 1954 г., и Институт внешней торговли МВТ СССР, вошедший в состав МГИМО в 1958 г. в качестве его третьей, теперь уже неотъемлемой, составляющей.

Когда в Институте я впервые увидел Сергея Николаевича, он сразу же мне понравился: одет со вкусом, похож на актера О.П. Табакова. До недавнего времени мы с ним оставались единственными преподавателями поколения слияния трех вузов.

Быть может, поэтому у нас были общие взгляды на вопросы искусства, культуры, науки, образования. В центре тем, которые мы обсуждали, стояли экономика, право, оценка политической ситуации в стране, смена формаций. В общении друг с другом мы находили большое удовольствие: не в споре, но в согласии... – такое нечасто бывает! Нас объединяло то, что мы были патриотами Института: мы из МГИМО! С годами наша возвращенная на профессиональной ниве дружба крепла. У людей, познакомившихся в наступающей юности или, как говорится в «Золотом теленке» Ильи Ильфа и Евгения Петрова, «в последнем приступе молодости», дружба крепка.

Хотя наши интересы пересекались довольно часто, работать вместе нам не приходилось. Наше деловое сотрудничество сводилось к тому, что мы были членами одного дачного кооператива и жили по соседству. Будучи председателем этого кооператива, я звал преподавателей Института строить там загородные дома. Вечерами мы собирались у камина и обменивались впечатлениями от прожитого дня. С нами была и супруга Сергея Николаевича – Ася Николаевна, заботливая и поистине любящая и любимая жена. Сергея Николаевича мы называли Сережей. Он был очень воспитанным и деликатным человеком. Его воспитанность была не нахватанная, а врожденная. Человек с глубокими знаниями. Он умел радоваться жизни и приносил радость в жизнь сам.

*Александр Иосифович Медовой, кандидат экономических наук, профессор
кафедры мировой экономики МГИМО МИД России*

Gustaf Möller. Some Recollections of Contacts with Professor Sergei Lebedev

1. Introduction

The first time I met Professor Sergei Lebedev was at a meeting of the Working Group preparing the UNCITRAL Model Law on International Commercial Arbitration. His name had, however, become well-known to me already about a decade before UNCITRAL entrusted its Working Group on International Contract Practices with the mandate to prepare a draft Model Law on International Commercial Arbitration (Model Law). This was due to the fact that the civil procedure in general and in particular commercial arbitration had for a long time been one of my main interests. It goes without saying that nobody who is sincerely interested in international commercial arbitration could have avoided coming across the name Sergei Lebedev, since he was already in the Soviet-era probably the internationally best known Russian expert in international commercial arbitration. He had written extensively on the subject also in English. For me as a lawyer from a country with a long common border with Russia of course Russian law, as well as an authoritative Russian view, on international commercial arbitration was of particular interest.

2. Working with professor Lebedev in UNCITRAL

When I had been appointed as a representative of Finland to participate in the work on the Model Law, I was looking forward to working with some of the foremost experts in international commercial arbitration, among those Professor Lebedev. He did, however, not attend the first meetings of the working group but he played later a very active and constructive role in particular at UNCITRAL's 18th session, where the work was finalised and the Model Law was adopted on 21 June 1985. In particular I remember that he, in despite of his hesitations, in the spirit of compromise

accepted the provision in Art. 1(3)(c) of the Model Law according to which an arbitration is international and thus the Model Law is applicable, if the parties have expressly agreed that the subject matter of the arbitration agreement relates to more than one country.

On its 31st session, which was held in 1998, i.e. forty years after the adoption of the New York Convention on the Recognition and Enforcement of Foreign Arbitral Awards (Convention), UNCITRAL held a special commemorative New York Convention Day in order to celebrate the fortieth anniversary of the Convention. Speeches were first given by Professor Pieter Sanders and Dr. Ottoarndt Glossner who had participated in the diplomatic conference that adopted the Convention. In addition leading experts, among those of course Professor Lebedev, gave reports on matters relating to the significance of the Convention; its promotion, enactment and application; the interplay between the Convention and other international legal texts on international commercial arbitration (such as the Model Law and the European Convention on International Commercial Arbitration) and legal issues that were not covered by the Convention. In the reports, various suggestions were made for presenting to UNCITRAL some of the problems identified in practice so as to enable UNCITRAL to consider whether any work by UNCITRAL would be desirable and feasible. The topic of Professor Lebedev's report was "Court Assistance with Interim Measures". When the Model Law was amended in 2006 the most important amendments concerned the interim measures.

The Commission considered at its 31st session that it would be useful to engage in such a consideration of possible future work at its 32th session in 1999 and requested the Secretariat to prepare, for that session a note that would serve as a basis for the consideration of the Commission.

At its 32nd session in 1999 the Commission had before it the requested note. The Commission generally considered that the time had come to assess the extensive and favourable experience with national enactments of the Model Law as well as the use of the UNCITRAL Arbitration Rules and the UNCITRAL Conciliation Rules, and to evaluate in the universal forum of the Commission the acceptability of ideas and proposals for improvement of arbitration laws, rules and practices. The Commission entrusted the work to one of its working groups, which it named Working Group on Arbitration (later renamed, Working Group on Arbitration and Conciliation; Working Group II Arbitration and Conciliation and now called Working Group II Dispute Settlement) and decided that the priority items for the Working Group should be conciliation, requirement of written form for the arbitration agreement, enforceability of interim measures of protection, and possible enforceability of an award that had been set aside.

The Working Group prepared the UNCITRAL Model Law on International Commercial Conciliation (2002), the amendments to the UNCITRAL Model Law on International Commercial Arbitration (1985) adopted in 2006, the UNCITRAL Arbitration Rules (as revised in 2010), the UNCITRAL Arbitration Rules (with new Article 1(4) as adopted in 2013), the UNCITRAL Rules on Transparency in Treaty-Based Investor-State Arbitration (effective date 1 April 2014), the Convention on Transparency in Treaty-Based Investor-State Arbitration, also referred to as the "Mauritius Convention on Transparency" (New York, 2014) and the UNCITRAL Notes on Organizing Arbitral Proceedings (2016). Since 2015 the Working Group has considered the topic of enforceability of international commercial settlement agreements resulting from conciliation.

Professor Lebedev participated as a representative of the Russian Federation actively in the work of this Working Group as well as in the deliberations that took place when the products of the Working Group were before the Commission. His interventions were always constructive and balanced. He also had the ability to listen to and to take into account arguments presented by others. His contribution to the achievements of the Working Group was considerable, in particular when the Model Law and the UNCITRAL Arbitration Rules were revised.

3. Professor Lebedev as Co-arbitrator

From 2004 to 2007 I had the honour and the pleasure to chair an arbitral tribunal where Professor Lebedev was one of the two party-appointed arbitrators. The case became public, since the Claimant brought an action for setting aside the final award before the Svea Court of Appeal.

The case concerned a contract for the purchase and resale of uranium from nuclear weapons from the former Soviet Union. The claimant *Globe Nuclear Services and Supply* (GNSS) had purchased such uranium from *AO Techsnabexport* (Tenex) for resale. Tenex was responsible for all of Russia's exports of uranium products and uranium services and was wholly-owned by the Russian state. GNSS was formed as a joint venture between Tenex and a Swiss company, to support Tenex with marketing and distribution. The ownership of GNSS had since then changed and it was now privately held.

The tribunal found by majority that the circumstances in which the contract between GNSS and Tenex was made were such, that it would having knowledge of these circumstances be inequitable to enforce that contract. Since GNSS was aware of these circumstances when the contract was concluded, the tribunal held that that GNSS was not entitled to rely on that contract and that GNSS's claim for damages because of breach of contract was not made out. On this ground the tribunal dismissed all GNSS's claims.

Although the grounds on which the arbitral tribunal eventually dismissed GNSS's claims from a legal point of view may seem rather simple, several quite complicated legal issues were discussed in the parties' pleadings. The arbitral tribunal rendered on 31 August 2006 a partial award on liability issues. As Professor Lebedev said in his dissenting opinion with regard to this partial award, the case was a very complicated one in view of numerous arguments and counter-arguments put forward by the parties, and the need to assess a variety of facts and actions taken by them and by other persons and authorities, and to interpret a whole set of documentation and evidence submitted to the arbitral tribunal.

In the partial award the tribunal decided *inter alia* questions relating to arbitrability, the law applicable to the merits, whether the GNSS-Tenex Contract according to the Agreement between the Government of the United States of America and the Government of the Russian Federation Concerning the Disposition of Highly Enriched Uranium Extracted from Nuclear Weapons required approval of the US and Russian Governments, whether GNSS was entitled to purchase UF₆ Feed Component from Tenex and whether Tenex was eligible to sell the component to GNSS, whether the termination of sales to GNSS was due to an Act of State and whether liability for *force majeure* was excluded by the GNSS-Tenex Contract.

After this partial award had been rendered, Tenex submitted new evidence, which had come up in ongoing criminal investigation in Russia and in the United States of America. The tribunal decided in December 2006 to allow this evidence. The Tribunal's decision to dismiss the Claimant's claims on the grounds mentioned above was mainly based on the evidence that came up in the aforementioned investigation and that was presented by Tenex after the above mentioned partial award on liability issues had been rendered.

Given the tribunal's findings in the final award, the Tribunal did not have to consider GNSS's request to confirm that the GNSS-Tenex Contract was avoided effective 5 November 2004 or any quantum issues, including the qualification of the Contract. Neither did the Tribunal need to consider Tenex's arguments that the GNSS-Tenex Contract was invalid by virtue of the Swedish law principle of underlying assumptions, or because of the fact that it violates law or is contrary to good practice (*pactum turpe*), or as a matter of international public policy.

In its action for setting aside the award before the Svea Court of Appeal GNSS argued that the award should be set aside 1) since the arbitral tribunal addressed and decided a criminal law matter and 2) since the tribunal had exceeded its mandate in seven different respects, each of which was a sufficient ground to set aside the award. In any event, said GNSS, the arbitrators' conduct in each

of those situations (1 and 2) was an irregularity in the course of the proceedings which probably influenced the outcome of the case.

After a detailed review of the allegations made, the Court of Appeal concluded that the arbitral tribunal had not exceeded its mandate and had not committed any procedural errors. Further, since GNSS had not, during the arbitral proceedings, objected in enough detail with regard to some of the alleged irregularities, they were, in any event, time-barred from invoking them in support of their claim. Therefore the Svea Court of Appeal dismissed GNSS's claim that the award shall be declared invalid or set aside. The Court did not grant leave to appeal its judgment.

To work together with Professor Lebedev in this case was a very pleasant experience. Although we in the above-mentioned partial award did not agree on all issues and Professor Lebedev wrote a dissenting opinion, this did in no way adversely affect the good spirit of cooperation that prevailed in the arbitral tribunal. On the contrary, we respected each other's views also when we could not reach an agreement.

4. Other occasions to meet professor Lebedev

In addition to working with Professor Lebedev in UNCITRAL and as an arbitrator, I had the pleasure to meet Professor Lebedev on many other more informal occasions. We met, *inter alia*, on some ICCA congresses and Professor Lebedev visited Finland many times and gave there also some lectures on international commercial arbitration in Russia. He also visited my home in Helsinki for an informal dinner during which we discussed mainly other things than arbitration or other legal issues, *inter alia* the history of Russia and Finland. We were both wondering whether historical studies could ever be totally objective.

Further, I also had the pleasure to participate as a speaker together with him and some other Russian and Finnish lawyers, among others Professor Nina Vilkova and Professor Hannu Honka in a seminar on international commercial arbitration which took place in Kaliningrad.

These more informal events gave me an opportunity to get to know Professor Lebedev better also as a private person and not only as a lawyer. He was not only a brilliant lawyer but also a very cultivated person very knowledgeable, *inter alia* in history and art.

When Professor Lebedev passed away the legal community in general and the arbitration community in particular lost one of its most prominent personalities. Personally, I am missing a good friend.

Justice Gustaf Möller, Former Member of the Finnish Supreme Court

Ю.Э. Монастырский: Сергей Николаевич был «окошком» в увлекательный мир правового осмысления международного коммерческого оборота...

Мои воспоминания о профессоре Лебедеве приобретают больший смысл в контексте других памятных отзывов о нем, в первую очередь – его коллег, описывающих его человеческие качества, награды, профессиональные достижения. Я же попробую воспроизвести свой взгляд и впечатления студента 1985–1990 гг. международно-правового факультета МГИМО и первого года моего нахождения на кафедре международного частного и гражданского права. Хотя я и в дальнейшем эпизодически сталкивался с Сергеем Николаевичем на конференциях, в третейских процессах и всегда читал его публикации.

Профессор Лебедев – видная личность в истории отечественной юриспруденции. У него не слишком высокая ученая степень (кандидат юридических наук), нельзя сказать, что он оставил огромное количество научных трудов и что они носят фундаментальный характер, что у него большое количество учеников, как у других, равного уровня авторитетов. Его величие в другом – в том, что он, во-первых, сыграл самую значительную роль в становлении и развитии

международного коммерческого арбитража и третейского разбирательства в нашей стране и, во-вторых, всю свою творческую и профессиональную жизнь заслуженно считался элитарным юристом и правоведом. Профессор Лебедев также уникален тем, что он оставался в своем неизменном амплуа три эпохи подряд: в огосударствленном, позднесоветском и современном состоянии нашей правовой системы и юридической среды.

Более высокая ученая степень явно не была его целью, зато имелось много очень плодотворной нормотворческой, организационной и другой практической работы руководителя в сфере арбитража. Труды Сергея Николаевича поражают глубиной юридической мысли и правового анализа. Их нужно перечитывать, наслаждаясь эстетикой языка, манерой изложения. Припоминается кулуарная ремарка профессора Бориса Матвеевича Ашавского, что «Лебедев – очень свежий ученый». Я знаю, что все протеже профессора Лебедева ныне являются яркими, неординарными и успешными специалистами, за исключением единиц, которые выпали из моего поля зрения, так как сменили профессию.

Сергей Николаевич во главе кафедры международного частного и гражданского права задавал высочайшие стандарты преподавания всем ее членам, на десятилетия заложив традиции научной добросовестности и качества обучения.

Нельзя сказать, что профессор Лебедев, занятой и в частых командировках, был легко доступен каждому. Мысли Сергея Николаевича, регулярно избираемого для разрешения сложнейших коммерческих споров и в нашей стране, и за рубежом, были постоянно погружены в обдумывание сложных дел, не считая ежедневной рутины, связанной с учебным процессом. Между тем с ним искали контакта и получали руководство и наставления самые увлекающиеся арбитражем, юриспруденцией молодые люди – и студенты, и преподаватели – и небезуспешно. Кроме того, Лебедеву – в этом со мной согласятся многие – были присущи большое личное обаяние, утонченность манер, красота обычной разговорной речи, большая художественность юмора. Переломное влияние Сергея Николаевича в 80-х для многих студентов заключалось в том, что он в прямом смысле был «окошком» в увлекательный мир правового осмысления международного коммерческого оборота. Он олицетворял ярчайший и личный пример того, как важен в профессии английский – язык международного общения юристов.

Сергей Николаевич имел качество, свойственное большому руководителю: он, что называется, вполне видел людей и мог оценить сразу их возможности и научный потенциал. Он давал общие установки и не упускал в дальнейшем интересоваться, как идет саморазвивающаяся работа.

Не знаю, как в дальнейшем складывался учебный график Сергея Николаевича. В период моей учебы Сергей Николаевич читал нам свои незабываемые лекции последние три года, стабильно раз в неделю. На нашем курсе – и я знаю, что также и на других, – сложился костяк его обожателей. Я увидел уже спустя 26 лет многих из них в апреле 2016 г. на его похоронах.

Дела Сергея Николаевича живут в его воплощенных трудах и людях, которые продолжают его начинания. Вечная память!

Юрий Эдуардович Монастырский, выпускник международно-правового факультета (1990), кандидат юридических наук, коллегия адвокатов «Монастырский, Зюба, Степанов & Партнеры»

А.И. Муранов: Сергей Николаевич не был принципиален в незначимых мелочах, но никогда не был мелочен в принципах...

Как я уже писал в воспоминаниях о В.А. Кабатове, первый интерес к праву во мне пробудили именно его лекции по римскому праву.

Однако впоследствии к занятиям я относился достаточно формально, в пределах того минимума, который был необходим для сдачи зачетов и экзаменов на уровне оценки не ниже «хорошо». Иными словами, тогда я не вполне понимал, что изучаю и зачем.

И получилось так, что впервые интерес к праву – причем весьма и весьма осознанный – я почувствовал на четвертом курсе после лекций и семинаров Сергея Николаевича Лебедева по международному частному праву. Его же курс международного коммерческого арбитража такой интерес лишь усилил.

Почему? Мне кажется, что сыграло свою роль то, что в его рассказах и действиях было нечто необычное, увлекательное, недосказанное, завораживающее (это он умел). Он так показывал общую картину с одновременной демонстрацией отдельных деталей, что уже на уровне ощущений, интуиции хотелось разглядеть и все иные нюансы красок.

Он любил свой родной город Севастополь, свою страну, но и остальной мир интересовал его очень сильно. Мир отвечал ему взаимностью. В каком-то смысле С.Н. Лебедев был *citoyen du monde*. И этот его интерес, очарование иностранными правом и практикой были настолько сильны, что невольно передавались и другим.

Помню, после одного из семинаров с ним я пришел в библиотеку, а там был шкаф с полкой с иностранными книгами по международному частному праву (немного их было, но все же). Начал листать и увидел, что после лекций и семинаров понимаю в целом логику, систему изложения в них, описываемые проблемы; почувствовал, что это увлекательно.

После этого я взялся внимательно читать трехтомник Л.А. Лунца по международному частному праву. А затем серьезно принялся за дипломную работу, которую С.Н. Лебедев отметил.

Потом он поддержал меня в ходе поступления в аспирантуру по кафедре; согласился быть научным руководителем моей диссертации; пригласил преподавать на кафедре в 1996 г.; позвал докладчиком в МАК при ТПП РФ (а затем я стал докладчиком и в МКАС при ТПП РФ). Иными словами, привлекал ко многим любопытным вещам, занимающим меня отчасти и сейчас.

Разве можно после такого не быть благодарным?

И Сергей Николаевич лично меня после студенчества букве права не учил. Да и не надо было это: он всегда видел, что к чему со знаниями у тех, кто рядом.

Он был силен в ином: он наглядно показывал действиями и словами вариативность подходов к праву, а также его национальные и международные измерения. Это были уроки многоаспектности и «цветущей сложности». Помимо того, это также была сдержанная (и от этого тем более яркая) демонстрация технологии и методологии обращения с правом, равно как и четко осознанного отношения к тому делу, которым занимаешься.

Помню одно из первых своих разбирательств в МАК в качестве докладчика. Уж как только я ни изучил все его материалы и ни выстроил конструкции. А потом в ходе обсуждения он невзначай обратил мое внимание на одну строчку в коносаменте, которая все мои построения серьезно обрушала. Незаметная такая строчка. Но его комментарии в ее отношении стали важной частью в окончательном арбитражном решении. Хороший был урок – с тех пор я всегда помню о таких строчках.

И именно Сергей Николаевич обратил мое внимание на важность знания и понимания истоков нынешних событий, сущностных, узловых моментов в прошлом, определяющих лицо современности. Делал он это не пространными объяснениями или теоретизированием, а во многом загадочными, но в то же время четкими словами. Он знал больше, чем говорил. За это я ему особенно благодарен: он показал, что нужно видеть исходные пункты важного, а также дал понять, где искать (а этого достаточно).

Сергей Николаевич был больше практиком – не теоретиком, особенно после распада СССР.

Однако его труды советского периода – впечатляющие примеры теоретического подхода (без ущерба для прагматизма), равно как и техники исследования.

Взять его работу «Международное сотрудничество в области коммерческого арбитража: международные конвенции, соглашения и другие документы по вопросам арбитража» (ТПП СССР, Секция права – Секция торгового мореплавания. – М., 1979 (облож. 1980). – 216 с.).

ТОРГОВО-ПРОМЫШЛЕННАЯ ПАЛАТА СССР

С. Н. ЛЕБЕДЕВ

МЕЖДУНАРОДНОЕ
СОТРУДНИЧЕСТВО
В ОБЛАСТИ
КОММЕРЧЕСКОГО
АРБИТРАЖА

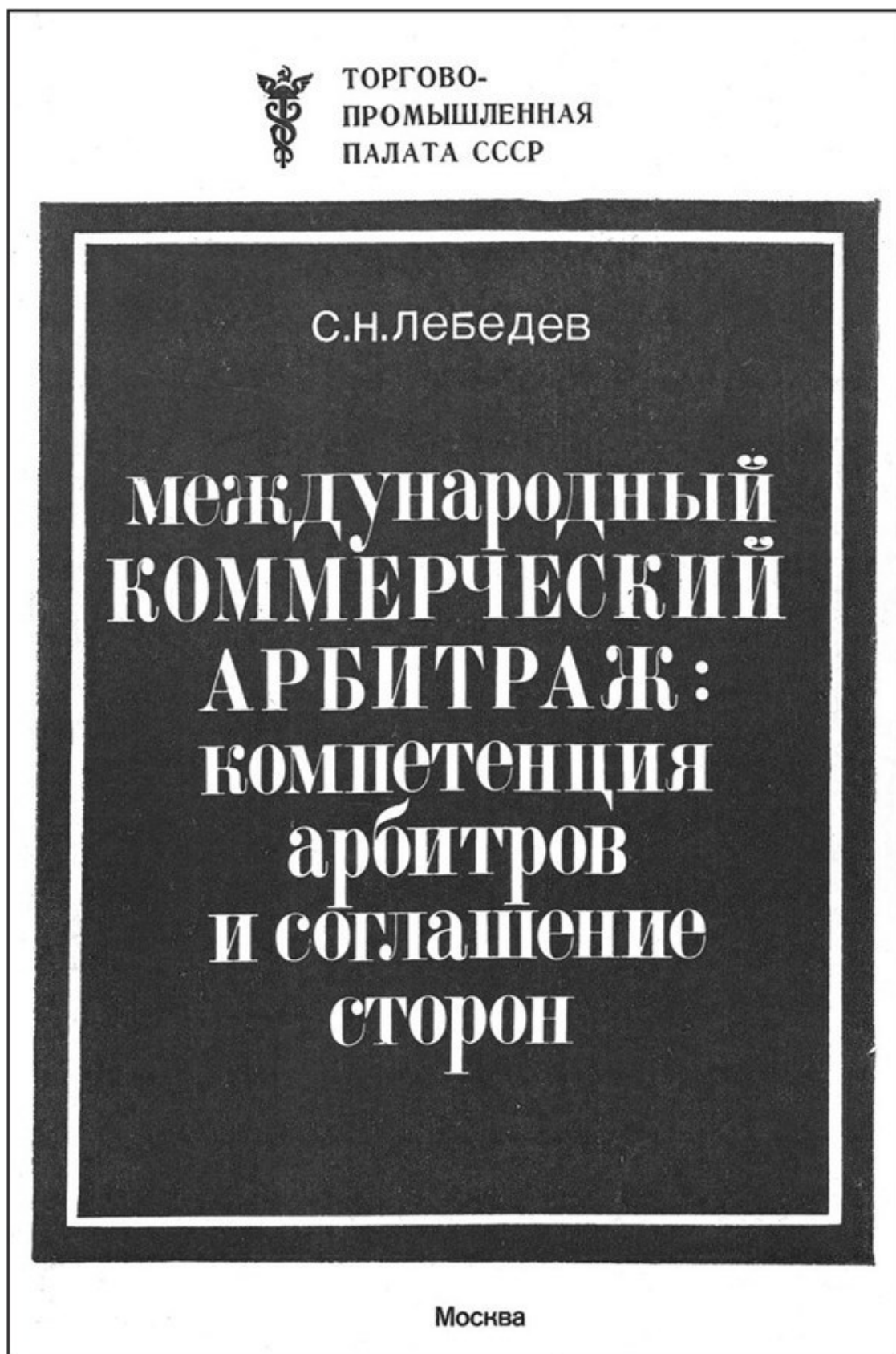

МОСКВА 1980

В то время это была уникальная вещь. В ней были такие теоретические и практические сведения, о которых мало кто знал. Очень узкая, очень «нишевая» и очень профессиональная

работа для того времени, на уровень выше многих. Выделялась она и за счет тех источников, которые были в ней приведены.

То же самое можно сказать и о следующем труде С.Н. Лебедева, изданном в 1988 г.

Уровень этих работ, на мой взгляд, уже превышал тот, который требовался тогда для докторской диссертации. Однако по ряду внешних причин защитить ее не получилось.

При этом в первой из указанных работ есть некоторые материалы, которые оказались актуальными и шесть лет назад: они были использованы для подготовки заключения в адрес Конституционного Суда России по делу, завершившемуся известным постановлением от 26 мая 2011 г. № 10-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 1 статьи 11 Гражданского кодекса Российской Федерации, пункта 2 статьи 1 Федерального закона „О третейских судах в Российской Федерации“, статьи 28 Федерального закона „О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним“, пункта 1 статьи 33 и статьи 51 Федерального закона „Об ипотеке (залоге недвижимости)“ в связи с запросом Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации».

Конституционный Суд России занял тогда более чем «проарбитражную» позицию (лично на мой взгляд, так даже и «перегнул палку», руководствуясь якобы той, по его выражению, *«имеющейся в конкретный исторический момент необходимостью»*). Впрочем, в целом Конституционный Суд в указанном Постановлении был все же прав, нежели неправ. И в том, что и С.Н. Лебедев своими трудами внес так или иначе свой вклад в объявленные Конституционным Судом РФ правовые позиции, сомнений нет.

И как не вспомнить, что именно он в 1978 г. добился того, чтобы в названии нашей кафедры фигурировало указание на международное частное право?

Каф. - по
гражданскому праву

МИД СССР

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

ПРИКАЗ № 1594

26 декабря 1978 г. г. Москва

СОДЕРЖАНИЕ: о перечне преподаваемых дисциплин и изменении названия кафедры

§ 1

Включить в перечень дисциплин, преподаваемых на кафедре гражданского права и процесса, "международное частное право".

§ 2

В этой связи вышеупомянутую кафедру впредь именовать кафедрой "международного частного и гражданского права".

ОСНОВАНИЕ: представление зав.кафедрой тов. ЛЕБЕДЕВА С.Н., согласие проректора ПЕРЕЖОГИНА М.А. и декана ИЛЬИНСКОГО И.П.

п/п РЕКТОР ИНСТИТУТА

Н. ЛЕБЕДЕВ

Копия верна:

При этом именно прагматический подход С.Н. Лебедева к методологии обучения и исследований серьезно определил лицо нашей кафедры, ее достижения, сформировал ее в том

виде, в каком она функционирует и сегодня (среди ее характерных черт, развитых именно им: атмосфера либерализма и доброжелательности, что всегда важно).

Я также уверен, что до сих пор в России до конца так и не осознан вклад Сергея Николаевича в разработку важнейших документов ЮНСИТРАЛ, среди которых я субъективно отдаю первое место даже не Венской конвенции 1980 г. или Типовому закону 1985 г., а Арбитражному регламенту ЮНСИТРАЛ¹.

А как не помнить его многолетние усилия (очень аккуратные) по отстаиванию того, чтобы указание на «международное частное право» в Номенклатуре специальностей научных работников находилось рядом с указанием именно на цивилистику, в специальности 12.00.03, а не иначе? Это отдельная история, известная немногим (об этом, кстати, косвенно упоминает в своих воспоминаниях в данном сборнике и Н.Н. Остроумов). И понятно: Сергей Николаевич занимался как раз особенными, редкими вещами.

Нельзя забыть и то, как он, заботясь о максимально глубокой подготовке команды МГИМО к конкурсу по международному коммерческому арбитражу им. В. Виса в Вене, каждый год приносил членам команды книги на английском языке известных западных юристов, причем с дарственными надписями авторов. Увидеть такие автографы во второй половине 90-х годов (в доинтернетовскую эру) было впечатляюще.

Что его еще отличало?

Сила и последовательность воли. Он был непростым человеком и очень интересным, с сильным характером, при этом дипломатичным. Нередко он предпочитал отойти в сторону по собственным принципиальным соображениям, нежели безвольно лавировать, подобно многим известным юристам (как ранее, так и сегодня), «между струйками», или же оказываться «свадебным генералом» с занятием по просьбе других разных постов и т.д. (Хотя, безусловно, он был лидером и руководство его всегда влекло. О том, каким он был руководителем, можно написать отдельную статью. Сейчас же достаточно сказать, что он, как и подобает настоящему руководителю, не занимался мелочной опекой, умел как делегировать, так и контролировать, а также создавать самоподдерживающиеся социальные механизмы).

Еще работоспособность, само собой, как бы ему ни было тяжело. Я только сейчас начал понимать, сколько сложностей со здоровьем он преодолел, чтобы продолжать заниматься любимыми делами, степенно и неспешно.

При этом он никогда ни на что не жаловался – признак сильного характера. Как бы несправедливо по отношению к нему, на его взгляд, ни поступили – не лез в споры, в перепалки, избегал лишних и пустых слов.

Он с юности всегда стремился к своим целям, которые были ему четко видны.

Еще, конечно, спокойное величие духа, без опыта и знаний невозможное. В этом с Виталием Алексеевичем Кабатовым они были очень похожи, в данном плане друг друга поддерживали.

Не могу не сказать отдельно и о таком его увлечении, как сбор различных юридических раритетов, поиск редкой информации. Если это и на В.В. Видера сильно повлияло (см. его статью в настоящем сборнике), то что уж обо мне говорить?

Метод общения Сергея Николаевича был, как мне представляется, в чем-то и отчасти сократическим. Он мог при необходимости (в том числе в ходе разных мероприятий, президиумов и т.д.) легко умерить зазнайство собеседника, несколькими словами показав тому, что тот многое еще не знает, и даже более того, не подозревает о своем незнании (с опытом Сергея Николаевича это было несложно). Однако все же в подавляющем большинстве случаев он

¹ Очевидно то, что данный Регламент способствовал в последующие десятилетия как шведско-арбитражному буму (благодаря Факультативной арбитражной оговорке для использования в контрактах в советско-американской торговле, подготовленной ТПП СССР и Американской арбитражной ассоциацией в 1977 г.), так и инвестиционно-арбитражной «высокой волне» во всем мире.

ориентировал собеседников на самопознание, а также на поиски того, что оставалось скрытым, неясным, дремлющим. Один из таких методов Сократ называл «ирония». И уж чего, а иронии Сергею Николаевичу было не занимать. Очень тонкой. В общении с ним это было замечательно. И он также видел, чувствовал иронию других, мог это оценить.

Наверное, и второй подход, и уж тем более первый могли иногда задевать кого-то. Они могли считать Сергея Николаевича излишне скрытным или чрезмерно высокомерным (или даже полагать, что он на них якобы как-то «давил»). Но мне кажется, что все несколько иначе (считать так могли скорее лишь те, у кого имелись определенные комплексы). Просто тем самым он как бы призывал быть сильнее, смотреть глубже и рефлексировать. А ему самому интереснее и важнее было идти вперед.

И вот еще важный момент, особенно в наше непростое время в отечественных реалиях, – его независимость. Он как арбитр, безусловно, знал и понимал значимость компромиссов. Он не был принципиален в незначимых мелочах, если надо было завершить какое-то важное дело. Но он никогда не был мелочен в принципах, всегда оказывался независимым. Его сила воли вкупе с его же независимостью впечатляли. На него никто не мог давить, чего-то требовать (и некоторых ответственных лиц это могло немало раздражать).

А ведь такая независимость всегда очень важна (и вчера, и сегодня, и завтра), особенно в сфере арбитража. Немногие в этом плане могут с ним сейчас в РФ сравниться.

А.И. Муранов, выпускник международно-правового факультета (1994), кандидат юридических наук, доцент кафедры международного частного и гражданского права МГИМО МИД России, заместитель председателя МАК при ТПП РФ, арбитр МКАС при ТПП РФ, коллегия адвокатов «Муранов, Черняков и партнеры»

Воспоминания Л.П. Савицкого, В.С. Толкунова, одноклассников С.Н. Лебедева

**Сергей Николаевич был отличником ,
отличным товарищем, и все его любили ...**

С 1952 г. по 1957 г. мы учились вместе в Институте внешней торговли, хорошо знаю его самого с того времени. Сергей Николаевич всегда рвался к знаниям, относился к занятиям серьезно, имел хорошие результаты. Он был отличником, отличным товарищем, и все его любили. Не было у него совершенно никаких отрицательных качеств. Он всегда был первым во всех делах. Всегда он был доступным, разговорчивым, часто звал выехать за город.

Леонид Петрович Савицкий, заместитель торгового представителя России в Норвегии, начальник одного из отделов Министерства экономики России (до 1998 г.)

Сергей Николаевич был как магнит, мы к нему тянулись...

Мы вместе учились в Институте внешней торговли на юридическом факультете. Тогда в Институте были три факультета: юридический, финансовый и коммерческий. На юридическом факультете были две группы, в каждой по 30 человек. Старостой Сергей Николаевич не был. Был отличником. Больше я с ним стал общаться во время работы в МАК при ТПП РФ. Это он меня туда привел в качестве докладчика «по старой дружбе». Потом Сергей Николаевич предложил мне стать там арбитром, и я долгое время им был.

Сергей Николаевич был как магнит, мы к нему тянулись. Он умел легко собрать нас вместе, даже под предлогом «давно не виделись». Он, несомненно, был лидером.

Виктор Сергеевич Толкунов, арбитр МАК при ТПП РФ (до 2017 г.)

Wim Albert Timmermans. Some Personal Memories of Professor Lebedev

Ниже речь идет о следующей работе: Timmermans W.A. Carriage of Goods by Sea in the Practice of the USSR Maritime Arbitration Commission. – Dordrecht [etc.]: Kluwer Academic Publishers, Martinus Nijhoff Publishers, 1990. – 350 p. – (Law in Eastern Europe: no. 43).

**CARRIAGE OF GOODS
BY SEA
IN THE PRACTICE OF
THE USSR MARITIME
ARBITRATION COMMISSION**

by
WIM ALBERT TIMMERMANS

The first time I heard of Professor Lebedev was when in the eighties of last century I decided to write my doctor's thesis on maritime arbitration in the then USSR. I learnt that he was the chairman of the USSR Maritime Arbitration Commission, the arbitral awards of which I was going to use for highlighting the practice of maritime law in the Soviet Union. So, when I first wrote an article on MAC and procedural aspects of arbitrating before MAC, I sent a copy thereof to Professor Lebedev

and to my great pleasure he wrote me a very nice and encouraging answer back. When I finished my doctor's thesis in 1990, again I sent a copy to Sergei Nikolaevich and he wrote me back and congratulated me with receiving the doctor's grade at Leiden University. Also, he wrote a very positive review of my thesis. Later, in the 90s I had a chance to meet him in person, as I got involved in various legal reform projects in Russia and the other CIS countries. In that frame, I visited Russia many times and had the chance to meet him and have a chat with him. I paid him a visit at MGIMO, where he received me with his usual friendliness, giving me a tour through the lecturing rooms, the library and office spaces. We discussed the draft bankruptcy law being the subject I was involved in at the time. But as always, he was very much interested in how I was doing and in what kind of other projects and work I was engaged. Later on, when I was appointed arbitrator with ICAC and MAC, I had a chance to meet him more often and watch his excellent performance and sharp wit in various arbitration proceedings – not only in Moscow but also at other venues such as Stockholm. In one such an arbitration we both acted as experts but on opposite sides. At that occasion, too, he remained warm and friendly, even complimented me on my knowledge of Russian law.

Apart from an impressive academic career, Professor Lebedev was also very much engaged in international legislative work, for instance, in the preparation of the Rotterdam Rules. He participated in the international conference in Rotterdam where the Rotterdam Rules were officially launched. There, he was greatly praised and lauded for his contributions.

Professor Lebedev will be greatly missed by his family, colleagues, friends and the international shipping law and arbitration community. May his memory be a blessing for us all.

*Dr. Wim Albert Timmermans, Advocaat, Leiden, The Netherlands; Lecturer (em.),
Leiden University; Arbitrator with (inter alia) the ICAC and the MAC at the Russian
Chamber of Commerce and Industry*

Расшифровка документального фильма В.В. Хвалея «Посвящается памяти Сергея Николаевича Лебедева (07.08.1934 – 11.04.2016)»

(2017 г.)

Ниже приводятся диалоги, монологи и тексты из документального фильма «Посвящается памяти Сергея Николаевича Лебедева (07.08.1934 – 11.04.2016)», выпущенного в 2017 г. Ассоциацией участников по содействию в развитии третейского разбирательства (автор сценария, режиссер и интервьюер – В.В. Хвалея).

Длительность фильма: 1 час 15 минут 45 секунд.

Съемки производились в Москве, Лондоне, Севастополе, Стокгольме (как и в иных городах). Ниже, как правило, не указывается, где производилась съемка (часто это ясно из контекста).

В фильме активно используются фрагменты из телепрограммы «О личном. С.Н. Лебедев» телеканала «Закон-ТВ» (см. о ней ниже в разделе 5 настоящей части).

Ниже не всегда описываются те фотографии, которые демонстрируются в фильме. Иногда составителем добавлялись пояснения и комментарии. Все слова в квадратных скобках добавлены также составителем.

Все диалоги, монологи и тексты из этого фильма приводятся максимально точно (не считая некоторых незначительных правок, сделанных составителем). Эмоции, выразившиеся интервьюируемыми и иными лицами (улыбки, смех и т.д.), не указываются.

В том случае, когда интервью давалось на иностранном языке, текст приводится по русским субтитрам в фильме.

Тексты в круглых скобках, идущие за указаниями на имена, отчества и фамилии соответствующих лиц, воспроизводят текстовые вставки в фильме. Во вставках в фильме использован курсив (кроме указаний на имена, отчества и фамилии). Ниже текст, воспроизводящий такие вставки, выделен составителем полужирным шрифтом, хотя во вставках в фильме он отсутствует.

Вид этих вставок в фильме отличается от приводимого ниже. В них составителем также добавлены точки. В остальном такие вставки воспроизводятся, включая размер букв в них, без изменений.

Расшифровка диалогов и монологов, подготовка всего текста обеспечена составителем.

Источник: <http://arbitrations.ru/press-centr/news/pamyati-lebedeva-sergeya-nikolaevicha>; https://www.youtube.com/watch?v=qJPTg_Xk2r8.

Звучит отрывок из песни «Легендарный Севастополь» в исполнении хора Черноморского Флота. Демонстрируется стела «Севастополь» и затем фрагмент клипа с указанной песней.

Фрагмент из телепрограммы «О личном. С.Н. Лебедев» телеканала «Закон-ТВ». Титры: «Интервью С.Н. Лебедева, 2009 г.» [они демонстрируются и впоследствии, но ниже на это уже не указывается].

В ходе рассказа С.Н. Лебедева демонстрируется фотография участников празднования юбилея школы № 3.

С.Н. Лебедев: Я родился в Севастополе. Недавно у нас было сто тридцатилетие окончания школы, э-э... создания школы, которую я окончил в Севастополе, – школы номер три.

Вид школы № 3, фасад, вход и вывеска (наши дни). Звучит отрывок из песни «Легендарный Севастополь» в исполнении хора Черноморского Флота.

В ходе рассказа Б.Н. Гельмана демонстрируются фотография фасада школы до 1917 г., затем фотография учеников, переходящих дорогу на фоне фасада школы (наши дни).

Борис [Никодимович] Гельман (Школьный друг Сергея Николаевича): Третья школа была открыта в тысяча девятьсот сорок восьмом году. До этого я учил..., успел поучиться в двух школах – в восьмой и пятой, а Сергей тоже учился в двух школах, но мы друг друга до третьей школы не знали.

Анжелла Мартуниевна Евгушенко (Директор школы № 3. Заслуженный учитель Украины): Это храм Александра Невского, освященный в тысяча восемьсот восемьдесят третьем году, при школе. Сейчас здесь – это актовый зал, вот в алтаре, видите, – сцена и восьми-метровые потолки.

Демонстрируются фотографии актового зала, интерьеров школы № 3, а также иных строений школы. Звучит отрывок песни «Легендарный Севастополь» в исполнении хора Черноморского Флота.

Фрагмент из телепрограммы «О личном. С.Н. Лебедев» телеканала «Закон-ТВ».

В ходе рассказа С.Н. Лебедева демонстрируются фотографии: выступления С.Н. Лебедева на торжественном вечере в честь юбилея школы, школьного музея с витриной, посвященной истории школы и ее выпускникам (в том числе с информацией о С.Н. Лебедеве).

С.Н. Лебедев: ...И вот они меня пригласили в Севастополь, я там выступал и я сказал, что я объездил очень много стран, много видел столиц, городов, но я продолжаю считать, что

лучший город в мире – это Севастополь, с которым у меня и связано детство, я там закончил школу, получил аттестат зрелости.

Б.Н. Гельман: Могут быть любые мнения, но человек, проживший здесь определенное время, – он впитывает чувство принадлежности к этому городу. Понимаете, без высокопарных фраз, без восклицаний надо говорить: ты становишься частичкой этого города, этой территории, и это ощущение передается.

Демонстрируется отрывок из клипа с песней «Легендарный Севастополь» в исполнении хора Черноморского Флота.

Фрагмент из телепрограммы «О личном. С.Н. Лебедев» телеканала «Закон-ТВ».

С.Н. Лебедев: Это была очень интересная моя жизнь в Севастополе. Когда началась война, эти первые дни, очень тревожные, потом оборона Севастополя, потом, – конечно, я был еще мальчиком, семь лет – мы эвакуировались оттуда. Потом сорок четвертый год...

Б.Н. Гельман: Мы пришли в эту школу в тысяча девятьсот сорок восьмом году. Она уже была отремонтирована, но мебели еще не было, и когда мы приходили в класс, то, значит, собирали кирпичи там, накрывали их какой-то бумажкой и сидели на этих кирпичках. И преподаватели разгуливали между нами свободно. Это потом им стало тяжело, когда появились парты, вот. А еще до этого, сразу после освобождения Севастополя, не было ни тетрадей, ни бумаг. Газеты брали и писали между строк. Так мы учились в четвертом, пятом, шестом классах, а уже потом пришли сюда.

Фрагмент из телепрограммы «О личном. С.Н. Лебедев» телеканала «Закон-ТВ».

В ходе рассказа С.Н. Лебедева демонстрируется верхняя часть аттестата зрелости С.Н. Лебедева.

С.Н. Лебедев: ...жизнь там, в Севастополе, – это все! Всю жизнь, конечно, остается в памяти как моя школа, мои соученики, мои учителя, которых мы, встречаясь сегодня, выпускники нашего класса, всегда вспоминаем.

В ходе рассказа Б.Н. Гельмана демонстрируются фотографии строений школы.

Б.Н. Гельман: Ну в чем еще особенна эта школа и чем мы дорожили? Сейчас трудно это проверить... Она же была вся в осколках, все эти стены. И каждый раз, и когда Сергей приезжал, и когда мы просто общались: «Как там эти осколки? Они сохранились?» Они же должны нести этот, значит, дым, всю суть войны – потому что то, что сохранилось и не сумели разрушить немцы – враги наши, да, – все это у нас вызывало стремление того, чтобы, ну, внутренне, чтобы это как-то не случилось при нашей жизни.

<...>

Б.Н. Гельман: Потому что сначала он хотел стать моряком, знаете вы об этом или нет, вот. И его отец взял его однажды в море. Отец у него был капитан первого ранга, начальник учебного отряда черноморского флота. Он его взял в море...

Фрагмент из телепрограммы «О личном. С.Н. Лебедев» телеканала «Закон-ТВ».

С.Н. Лебедев: ...в пятьдесят втором году, во время зимних каникул, отец взял меня на корабль и мы совершили рейс из Севастополя в Одессу. Был очень небольшой, незначительный шторм, но я укачался вусмерть...

Б.Н. Гельман: И когда Сергей почувствовал по-настоящему, что такое штормит, и самочувствие, он эту мысль оставил, вот. А потом начались поиски.

Фрагмент программы «О личном» на канале «Закон-ТВ».

С.Н. Лебедев: И пришлось мне тогда, вот, после окончания школы, выбирать другой путь. Я приехал в Москву и поступил на юридический факультет Института внешней торговли.

Б.Н. Гельман: И он сначала приехал в МГУ, и когда он пришел туда, где собрались ребята поступать, он увидел массу народу. И это его как-то так... Ну он посчитал, что он здесь только может потеряться.

Фрагмент из телепрограммы «О личном. С.Н. Лебедев» телеканала «Закон-ТВ».

С.Н. Лебедев: ...верно, но там было такое обилие абитуриентов, что меня, провинциала, это просто напугало, хотя я получил медаль и я мог поступить туда без экзаменов. Но само обилие, вот, абитуриентов для меня было как-то не очень приемлемым.

Б.Н. Гельман: И пришел когда к своим знакомым, где он жил, они ему сказали: «Знаешь, что? Есть другой институт с юридическим факультетом – вот сходи туда». Он пошел туда и увидел, что там очень уютное здание в Москве. Значит, студентов не так уж и много, и попытался там.

Фрагмент из телепрограммы «О личном. С.Н. Лебедев» телеканала «Закон-ТВ».

С.Н. Лебедев: И мои знакомые, друзья здесь моих родителей, они посоветовали мне пойти в Институт внешней торговли, Бабушкин переулок, дом номер шесть – такое тихое место. Я пришел туда – очень немного людей, желающих поступить, со мной очень мило поговорили и обворовали меня просто...

Б.Н. Гельман: Он приехал сюда, вернулся, и три месяца занимался английским. И когда он поехал, то ему надо было один предмет сдавать. Приехал туда он и поступил без проблем. И учился сначала в Институте внешней торговли, который через год соединился с МГИМО, и он уже заканчивал МГИМО [Это не так. – *Примеч. сост.*].

Фрагмент из телепрограммы «О личном. С.Н. Лебедев» телеканала «Закон-ТВ».

С.Н. Лебедев: ...те, кто занимался приемом студентов в этот Институт и с которыми я встретился в пятьдесят втором году, приехавши в Москву, среди них были юристы. По крайней мере, двое молодых юристов. Они мне рассказали о том, как интересно быть юристом. Что это такое, я не знал совершенно, но, судя по их рассказам, мне это казалось самым-самым интересным, что может быть. Это чрезвычайно интеллектуальная деятельность, это конфликтная деятельность, что очень-очень привлекательно; это работа адвокатом, работа юрисконсультом, это ведение переговоров, это арбитраж – это так интересно! Даже не понимая еще до конца, что это такое, меня это интриговало, заинтересовало, привлекло.

Леонид [Петрович] Савицкий (В 1952–1957 годы сокурсник Сергея Николаевича в Институте Внешней Торговли): Ну он всерьез, конечно, занимался всеми юридическими проблемами, все время очень серьезно, очень серьезно относился, между прочим так, не в пример, как говорится, нам, студентам-лоботрясам, так. Он серьезно занимался очень всеми этими делами, вот подходил к учебе очень здорово и внимательно, и ну чувствуется, что он, ну его этот предмет очень интересует.

Фрагмент из телепрограммы «О личном. С.Н. Лебедев» телеканала «Закон-ТВ».

С.Н. Лебедев: ...преподаватели в этом Институте были экстра-класса, экстра-класса. Это были в основном ученые, получившие образование еще в дореволюционный период: в Санкт-Петербурге, в Москве, в некоторых других учебных заведениях.

Л.П. Савицкий: Рассказывают, был случай, когда мы создавали... собирали деньги своему одному товарищу, который... У него было плохо с ботинками, и он такой был из не слишком, как говорится, обеспеченной семьи, так, вот. А на носу уже была где-то зима, вот собирали ему деньги. Сергей Кириллович наш [С.К. Май, известный преподаватель Института внешней торговли. – *Примеч. сост.*], значит, отвалил нам где-то 100 рублей, по тем деньгам довольно приличная сумма, вот. Все были в страшном восторге, как же так – профессор, то се, пятое, десятое, спасибо, спасибо! Произвело дикое впечатление, конечно, в студенческую пору на тех ребят.

Фрагмент из телепрограммы «О личном. С.Н. Лебедев» телеканала «Закон-ТВ».

С.Н. Лебедев: Это был шестьдесят первый год, и я очень тесно сотрудничал с Комитетом молодежных организаций наших и с Союзом студентов. И вот был заключен договор между нашим Союзом студентов и Союзом студентов Соединенных Штатов Америки – между ними был заключен договор об обмене информацией, о направлении на стажировку студентов из одной страны в другую и так далее. И вот впервые появилась возможность направить советского студента на стажировку по юридической специальности. До этого были очень широкие связи по этой линии между Советским Союзом и Соединенными Штатами, но по другим специальностям: по физике, по математике, по кибернетике – вот по этим областям, но не по праву, конечно, не по праву. И тут вдруг вот они предложили, американцы, и наш Комитет молодежных организаций согласился; ну и вот всплыло, очевидно среди многих других, всплыло мое имя, и американцы назвали имя своего студента – не по праву, кстати, а по какой-то другой специальности, мы с ним даже никогда и не встречались, – и я оказался, таким образом, в Соединенных Штатах. Это очень интересный университет, он входит в десятку лучших университетов в Соединенных Штатах. Он не самый, может быть, не самого высшего класса, но очень и очень уважаемый университет с прекрасным преподавательским составом и имеющий свой собственный кампус, студенческий город. Это Энн-Арбор – это небольшой студенческий город, где находится университет, основное учреждение этого города. Очень прекрасное старинное здание юридического факультета, где меня встретили весьма и весьма доброжелательно. Для них тоже было совершенно необычно, что приехал юрист из Советского Союза и будет изучать американское право.

Роман [Михайлович] Ходыкин (Партнер юридической фирмы Berwin Leighton Paisner (Лондон, Великобритания). Альтернативный член Суда ICC от России): Представьте себе: это первый советский студент-юрист, который по обмену едет в США. Естественно, он под пристальным контролем и, естественно, он боится, он боится сказать что-нибудь лишнее, он боится что-то сказать, что может быть не так истолковано и так далее. И поэтому он..., он начал там курить, потому что когда ему задавали сложные вопросы, он доставал пачку сигарет, прикуривал, и это давало ему время подумать над своим ответом. И один раз попался ему совершенно какой-то вот назойливый журналист, который... То есть Сергей Николаевич уклонялся от ответов, он старался не говорить, не давать ответы там на провокационные вопросы. И один из таких провокационных вопросов был: «Что вам нравится в США?» Вот. Потому что, по идее, он не мог сказать, что ему что-то нравится. И вот его он спросил раз, спросил два, спросил три и потом сказал: «Ну что, Вам вообще ничего не нравится в США?» И он сказал, Сергей Николаевич, – он уже к тому времени закурил, и бежать уже было некуда – и он сказал: «Мне нравятся ваши сигареты „Marlboro“». И эта была история опубликована, и

Marlboro ему прислало несколько блоков этих сигарет как подарок просто, когда это облетело вот страницы газет, то есть они ему решили подарить сигареты.

Интервью дается на английском языке.

Кай Хобер (Член палаты Verulam Buildings (Лондон, Великобритания). Председатель Правления Арбитражного института Торговой палаты Стокгольма. 1984–2014 годы: Партнер адвокатской фирмы Mannheimer Swartling (Стокгольм, Швеция)): Когда Лебедев оказался в США, он был, я думаю, первым советским юристом, который учился в Мичиганском университете. На тот момент он курил и как-то сказал мне, не знаю, насколько это правда, но он сказал мне, что когда обнаруживалось или кто-нибудь узнавал, что он курильщик, ему бесплатно давали сигареты «Мальборо» в качестве своеобразной коммерческой рекламы этой табачной продукции.

Съемка в квартире А.Н. Гальпериной.

В.В. Хвалей: Но он вам звонил оттуда?

Ася Николаевна Гальперина (Супруга Сергея Николаевича): Он писал, не звонил.

В.В. Хвалей: Что? Что писал? Что, какие у него впечатления были? **А.Н. Гальперина:** Мне кажется, что у него были хорошие впечатления, он очень много работал, очень много для диссертации. Если бы не Мичиганский университет, я думаю, он бы так вскорости не защитил бы ее, [приехав,] эту диссертацию. Он много материала собрал.

Фрагмент из телепрограммы «О личном. С.Н. Лебедев» телеканала «Закон-ТВ».

С.Н. Лебедев: Вот я провел год в этом университете. Вот здесь находилась библиотека, у меня был там отдельный бокс, ко мне очень доброжелательно там отнеслись; я слушал лекции, посещал семинарские занятия и, конечно, имел блестящую возможность работать в библиотеке. Мой бокс находился прямо в библиотеке, и я мог ходить в библиотеке, брать любые книги – не только американских авторов, но и там и французских, и... и на испанском языке – в общем, все было под рукой, и это мне дало очень-очень много. Я думаю, что я бы за год диссертацию в Москве и за два не написал бы...

Съемка в квартире А.Н. Гальпериной.

В.В. Хвалей: Несколько лет прошло после Карибского кризиса, да. Помните же, какое было обострение?

А.Н. Гальперина: Да.

В.В. Хвалей: Во-первых, как его отпустили отсюда?

А.Н. Гальперина: Вот обмен был студентов.

В.В. Хвалей: Вас, наверное, проверяли, да? Согласны ли вы уехать?

А.Н. Гальперина: Нет. Нет, нет. Никогда не было.

В.В. Хвалей: Никто не спрашивал?

А.Н. Гальперина: Нет. Единственное, когда ребенок гулял во дворе, его спрашивали: «А где твой папа?» Она говорила: «Папа мой в Америке». А ей... Так смотрели на меня с сочувствием, что это я ребенку придумываю: папы нет, что папа уехал в Америку. Что в Америку как бы [тогда] никто не ездил.

В.В. Хвалей: Как летчик. Папа-летчик. Понятно.

Во время рассказа А.И. Муранова демонстрируются обложка автореферата кандидатской диссертации С.Н. Лебедева, крупный план отдельных страниц, книги в кабинете А.И. Муранова.

В.В. Хвалей: Когда Вы познакомились с Сергеем Николаевичем?

Александр [Игоревич] Муранов (Управляющий партнер юридической фирмы «Муранов, Черняков и партнеры» (Москва, Россия). Заместитель Председателя Морской Арбитражной Комиссии при ТПП РФ): Чисто визуально – в восемьдесят девятом году, когда студентом стал именно торгового отделения международно-правового факультета МГИМО, кафедра была профилирующей. А лично познакомился, когда поступал в аспирантуру.

В.В. Хвалей: Сергей Николаевич у Вас преподавал что-то как у студента?

А.И. Муранов : Да, международное частное право и международный коммерческий арбитраж – два курса. И экзамены принимал, я ему сдавал.

В.В. Хвалей: И что Вам попало, не помните?

А.И. Муранов: Нет, не помню. Помню, что-то про исполнение решений, вот это помню. Помню, что «пять» поставил и там, и там – на каждом из экзаменов.

В.В. Хвалей: Я знаю, что Вы нашли в архивах автореферат диссертации Сергея Николаевича Лебедева.

А.И. Муранов: Да, в архивах, в библиотеках. Я даже видел и подлинную диссертацию, но она большая – я решил ее пока не копировать, попозже.

В.В. Хвалей: А в каком году Сергей Николаевич защитил свою диссертацию?

А.И. Муранов: В шестьдесят втором.

В.В. Хвалей: В шестьдесят втором. То есть между Вашей диссертацией и его диссертацией прошло...?

А.И. Муранов: Тридцать семь лет. Тридцать семь.

В.В. Хвалей: Сравнивая то, что было написано в шестьдесят втором году и в девяносто девятом году, насколько они принципиально отличаются?

А.И. Муранов: С одной стороны, достаточно серьезно, с другой – нет. В те времена, конечно же, требовалось всегда вначале приводить цитаты из классиков марксизма-ленинизма, из документов текущих партийных. Сейчас этого нет.

В.В. Хвалей: А классики марксизма-ленинизма что-то писали про международный арбитраж?

А.И. Муранов: Маркс, Энгельс, скорее так, в общем, в абстрактном ключе упоминали об арбитраже, этот институт же был известен в девятнадцатом веке. Вот Сергей Николаевич в своей работе... у него особенность в том, что ссылок на Маркса, Энгельса, Ленина нет в работе. Но вот ссылки на документы партийные, которые говорят о необходимости развития международной торговли... Советский Союз не мог жить без международной торговли – это общеизвестно. Вернее, мог, но не так хорошо, как мог бы. Он ссылается на эти документы, но это было необходимо и в любом случае это работу не портит, потому что это всегда подчеркивает, даже сейчас, что о вопросах международной торговли надо помнить во все времена, даже в тоталитарные. Из этого можно сделать вывод, что в России всегда найдется работа для юриста, который занимается либо уголовным правом, либо международной торговлей.

Второй момент. Работы тех лет, того времени, на мой взгляд, они были глубже, потому что стать кандидатом было тогда не так просто. Требования были высокие и поступить в аспирантуру, защитить диссертацию – эта была задача реально сложная, не так, как сейчас. Уровень был выше. Сейчас, конечно же, доступность [ученой степени] гораздо больше, но это неизбежно также сказывается на качестве диссертации. То есть, наверное, меньше десяти процентов по уровню можно сравнить, по качеству с уровнем хорошей советской диссертации. Еще одна особенность техническая: не всегда так четко в те времена тезисы формулировали, выносимые на защиту. Они могли быть изложены, например, в автореферате в менее четкой форме, [чем] сейчас, когда, например, они перечисляются прямо по цифрам с одного там до пятнадцати, или сколько-то из... В диссертации Сергея Николаевича этого, например, нет в авторе-

ферате, но это не портит [его]. У него зато это выражено в форме четкого, сжатого рассказа об особенностях исполнения иностранных арбитражных решений в разных юрисдикциях.

Язык отличается. Сейчас язык тоже не всегда... Он стал более таким суконным, что ли, такой птичий, научный язык, что отвлекает. Тогда в хороших диссертациях язык все-таки был, может быть, более близким к тому языку, который был у нас в классической литературе девятнадцатого века.

Интервью дается на английском языке.

К. Хобер: Еще одной характерной особенностью было то, что он говорил на очень красивом русском языке, очень четко проговаривал слова, прекрасно владел этим языком, его всегда было приятно слушать и речь его была всегда очень понятной.

Демонстрируются начальные титры, а затем фрагмент из фильма-балета «Спящая красавица» (Ленинградская ордена Ленина киностудия «Ленфильм», 1964 г. П.И. Чайковский).

В ходе рассказа Р.М. Ходыкина демонстрируются титульный лист учебника Л.А. Лунца «Международное частное право: Общая часть» (издание третье, дополненное. М.: Юридическая литература, 1973), а также с. 353 этого учебника, на которой рассказывается о решении ВТАК при Всесоюзной торговой палате по иску британской фирмы «Ромулус Филмс Лтд» к всесоюзному объединению «Совэкспортфильм».

Р.М. Ходыкин: У Сергея Николаевича было две, три страсти: у него была страсть «международное частное право», «международный арбитраж» и «морское право». Соответственно, международное частное право и была тема моей диссертации, в этой сфере. Поэтому вот я специально, сознательно шел в МГИМО, потому что я хотел именно быть его аспирантом. Когда я поступал в аспирантуру и поступил в аспирантуру к нему, мы с ним начали обсуждать тему диссертации, естественно. И одна из мыслей, которая у меня была, поскольку я всегда хотел писать в области МЧП и сознательно шел к нему... Я к нему пришел и мы начали обсуждать такую тему – «генои», то есть «обратная отсылка». Суть дела: обратная отсылка, что тебя отправляет коллизионная норма к праву одной стране, а право этой страны, коллизионная норма, отправляет тебя обратно. И нужно применять эту обратную ссылку или нет? Вот эта вот концепция, которая сегодня практически не применяется – «обратной отсылки», – она применяется только в личных, в некоторых странах, как правило, в каких-то личных законах, касающихся domicilio. То есть в коммерческих отношениях, особенно когда стороны выбрали право, этого нет. Но вот отголоски обратной отсылки они видны, когда ты читаешь оговорку в контракте и там написано: «применяется право Англии и Уэльса без учета его коллизионных норм»: это пытаются исключить вот эту обратную отсылку. И все знают, что классическим примером, где этот вопрос был разрешен, является дело «Совэкспортфильма». Это дело, которое называется часто «дело „Спящая красавица“», про фильм «Спящая красавица». Вот. И, в частности, первым про это дело написал Лазарь Адольфович Лунц, и, соответственно, все, значит, его вот начали там копировать, все ссылаются на это дело, то есть это дело – оно абсолютно-абсолютно хрестоматийное такое дело. Это было первое решение ВТАК (Внешнеторговой арбитражной комиссии), где вопрос обратной отсылки получил свое развитие, он был хрестоматийным в том, что там сказали, что в контрактных отношениях обратная отсылка не работает, то есть если стороны избрали право, я не знаю, Советского Союза, то несмотря на то, что коллизионная норма советского права будет отправлять тебя куда-то еще, ты все равно должен принять право Советского Союза, потому что это есть воля сторон. Так вот, я, естественно, об этом деле знал, о нем как бы любой поступающий в аспирантуру по специальности «международное частное право», конечно, знает это дело. И я пришел к Сергею Николаевичу Лебедеву и говорю: «Вы знаете, я бы хотел – я вот когда поступал, я хотел писать об

обратной отсылке», ну и мы начали спорить про взгляды Лунца. И он сказал: «Мнение Лунца во многом формировалось на... по результатам одного дела, дела „Совэкспортфильма“, дела „Спящая красавица“». Я ему говорю: «Ну да, да, естественно». Он говорит: «Лунц был в этом деле арбитром, а я – представителем „Совэкспортфильма“». И тут я понял вот... для аспиранта, который приехал из далекого сибирского города, что я попал вот в самый центр, в самую Мекку международного частного права, то есть вот к одному из ведущих специалистов, да, который вот на таком хрестоматийном деле... оказывается, что он в нем участвовал.

Демонстрируется фрагмент из фильма-балета «Спящая красавица» (Ленинградская орден Ленина киностудия «Ленфильм», 1964 г. П.И. Чайковский).

Интервью дается на английском языке.

Ван Вехтен Видер (Королевский адвокат, Essex Court Chambers (Лондон, Великобритания). Член Правления Международного Совета по коммерческому арбитражу (ИССА). Вице-президент Лондонского суда международного арбитража (LCIA). Правительственный делегат Соединенного Королевства и Советник Рабочей группы ЮНСИТРАЛ по арбитражу): С профессором Лебедевым я впервые встретился в Москве в начале 1980-х годов, когда работал по двум последовательным арбитражным делам для внешнеторговых организаций Министерства внешней торговли, и хотя он никогда не был экспертным свидетелем ни по одному из этих двух дел, он всегда был готов помочь и был очень интересным человеком, как для самого арбитражного дела, так и, с моей точки зрения, как историк права и специалист по сравнительному правоведению. Он проявлял жгучий интерес к различным системам права в области арбитража.

Во время первой или второй встречи в Москве он рассказал мне об одном арбитражном деле в отношении Lena Goldfields, которое рассматривалось в 1930 году и было явно значимым, но я о нем ничего не знал и когда вернулся в Лондон и начал работать там по специальности, включая получение магистерской степени по праву, коллеги тоже никогда не слышали об этом деле, о нем знали только специалисты по международному публичному праву, а мы совершенно упустили его из виду в области частного международного права и английского арбитража, а после того, как он рассказал мне о нем, я изучил это дело в московских архивах и нашел подлинное арбитражное решение, подписанное двумя арбитрами, за что был очень ему признателен, поскольку он всегда был исключительно полезен, когда дело касалось истории права как в России, так и за рубежом.

Фрагмент из телепрограммы «О личном. С.Н. Лебедев» телеканала «Закон-ТВ».

С.С. Завриев: Почему появилась Морская арбитражная комиссия в Вашей жизни и почему именно это направление оказалось Вам особенно близким? Ведь, наверное, не только потому, что оно как-то связано с морем, которое так близко было Вашему папе, дедушке?

С.Н. Лебедев: Вообще говоря, моей специализацией является международное частное право – это моя специализация и это тот курс, который я читаю уже многие годы. В рамках его конкретным аспектом являются вопросы международного коммерческого арбитража. В связи с тем, что мне довелось работать в области не только арбитражного рассмотрения споров, но и в области регулирования арбитража, подготовки международных документов по вопросам арбитража, первоначально в рамках Совета Экономической Взаимопомощи. Ну вот я, конечно, всегда вспоминаю с большим удовлетворением работу вместе с моими коллегами по подготовке Московской конвенции по арбитражу семьдесят второго года. Я вспоминаю работу по подготовке Типового регламента по арбитражу для арбитражей в странах – членах Совета Экономической Взаимопомощи. Вот это оказалось очень и очень важным. Но вот потом, когда

Александр Давидович Кейлин ушел из жизни, мне было предложено тогда заняться, занять его место в Морской арбитражной комиссии.

С.С. Завриев: Это произошло в тысяча семьдесят четвертом году?

С.Н. Лебедев: Да.

Тамара Евгеньевна Абова (Член Комитета по назначению арбитров Арбитражной Ассоциации (РАА). Доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки. С 1973 года арбитр Морской Арбитражной Комиссии при ТПП РФ [Sic!]): Вот и оголилось место председателя Морской арбитражной комиссии. Между собой были – ну как бы тебе сказать? – спорили Министерство морского флота и Министерство внешней торговли. У Министерства морского флота был другой кандидат. Кто – не скажу. А Минторг настаивал на Лебедеве и победил Минторг, не Лебедев, а именно Минторг, Минвнешторг, Минвнешторг. Министерство внешней торговли победило и председателем, почти бессменным, до самых последних вот времен был Сергей Николаевич Лебедев. Значит, это было уже, когда он был заведующим кафедрой.

В.В. Хвалей: То есть по сути... по сути – это интересно – при назначении председателя Морской арбитражной комиссии, то есть решение не Палата принимала? А там какие-то органы, которые между собой, там у них интриги были?

Т.Е. Абова: Да. Предложения вносили органы. Ну и они же не могут принести два предложения на голову Палаты, ты сам понимаешь. Поэтому они как-то договорились и таким образом стал Сергей Николаевич.

Андрей Иванович Лобода (Партнер юридической фирмы «Лобода, Филимонов и партнеры». Арбитр МКАС и МАК при ТПП РФ): Сергей Николаевич на протяжении многих лет возглавлял МАК, и, конечно же, Морская арбитражная комиссия многих лет – это к тому времени, когда я туда пришел, это, вероятно, было около двадцати лет уже – Морская арбитражная комиссия, конечно же, имела уже большой отпечаток его личности. Он никогда прямо не вмешивался в рассмотрение дел: это было невозможно в рамках той системы, которую он создал, по существу, и которую он возглавлял. Но он имел возможность всегда следить за общей средой в Морской арбитражной комиссии. Он не допускал пришествия в эту систему, в этот рабочий механизм, людей, которые могли его испортить, которые могли сработать некачественно или сработать не в соответствии с высокими стандартами иного свойства, которые были очень важны для Сергея Николаевича.

Интервью дается на польском языке.

Анджей Тынель (Заместитель Председателя Арбитражного Суда при Торговой Палате Польши. Почетный Председатель Польского Товарищества Третейского Разбирательства): Это был неплохой суд. Лебедев, Каргальцев [Возможно, имеется в виду Д.Ф. Рамзайцев. – *Примеч. сост.*], Розенберг были прекрасными специалистами и не ввязывались в какие-то неясные ситуации. Помню, как на том разбирательстве (с польским истцом) представитель ответчика распереживался, что дело не идет так, как ему хотелось бы, и в связи с этим возмутился: «Что вы тут! Мы за вас кровь проливали, а вы хотите от нас договорную неустойку получить?» И председательствующий сразу же его осадил, и его выпроводили из зала слушаний.

А.И. Лобода: Люди, на которых он опирался в работе, вот этой вот не прямой работе, это не было командование людьми. Это были люди, которым он мог доверять и которые всецело доверяли ему, как я увидел это.

Виктор [Сергеевич] Толкунов (В 1952–1957 годы сокурсник Сергея Николаевича в Институте Внешней Торговли. С 1990 года арбитр Морской арбитражной комиссии при ТПП РФ): В Морскую арбитражную комиссию, в список арбитров я попал именно по рекомендации или по протекции, скажем так, Сергея Николаевича. Я вернулся из загранкомандировки, работал, опять же уже не по специальности, конечно, юридической. Ну как-то встретились, и он говорит: «Слушай-ка, давай-ка ты приходи в Морскую арбитражную комиссию. Мне нужны арбитры».

В.В. Хвалей: А когда это было? В каком году?

В.С. Толкунов: Это было, это было... после девяностого года.

В.В. Хвалей: И много было дел в Арбитражной комиссии?

В.С. Толкунов: У меня в те времена, вот, когда я там был и он был председателем Морской арбитражной комиссии, у меня по шесть, по семь, по восемь дел в году было. А потом, когда он [нет звука] уже понемножку начали отодвигать с должности председателя, стало гораздо меньше: два, три дела, а последние годы вообще ни одного. Это я сейчас числюсь в списках, но, как говорится, пассивно.

А.И. Лобода: И вот этот довольно узкий круг, круг морских арбитров – это очень специфическая среда, она во всем мире... Морские арбитры являют собой, некоторые, как мне представляется, изъятие из правил общих об арбитраже. Даже я обратил внимание: в правилах о беспристрастности Международной ассоциации юристов сделано общего свойства изъятие о количестве дел, которые могут рассматривать морские арбитры, что может явиться основанием к их отводу. Морских арбитров и морских юристов очень немного, и для нашей практики тем более это актуально. Морских арбитров практикующих, ну их всегда можно... пальцев двух рук много для исчисления настоящих специалистов в этой области.

Т.Е. Абова: Вот как я стала морским арбитром – это я могу рассказать. Я же работала всегда в Институте государства и права. Но однажды один из наших профессоров, который, видимо, у нас работал на полставки – Яичков Константин Константинович – мне сказал: «Тамара Евгеньевна, Вы не могли бы у нас, в МГИМО, почитать транспортное право?» Их лектор уехал в командировку в длинную, в Англию. Я говорю: «Но я же только железнодорожное знаю». Он говорит: «Ну и читай железнодорожное!»

И так я пришла в МГИМО со своим железнодорожным правом, а остальное – морское право, автомобильное – читали другие люди. Но вскорости другие люди отказались читать, они посчитали, что им мало платят. И пришлось читать все уже мне. И так постепенно я вникала в морское право, не так, как я его знала – как студенткой, допустим, там, а уже вникать в морское право значительно больше. Но это было уже позднее, это были уже семидесятые годы. Шестидесят девятый, да, в семидесятые годы.

И вот однажды, в семьдесят третьем году я прихожу, прихожу в МГИМО, как всегда, читать лекции. И вот я прихожу на работу, он мне говорит: «Тамара Евгеньевна, мы вот Вас единодушно, значит, включили в число морских арбитров». Я говорю: «Сергей Николаевич, побойтесь Бога, ну какой я морской арбитр? Вы бы меня сначала докладчиком сделали!» А он мне говорит: «Нет, Тамара Евгеньевна, – арбитром!» И так я стала арбитром Морской арбитражной комиссии. Но очень быстро освоилась.

Я потом говорила, рассказывала тоже, как я стала вот морским арбитром... Я говорю, что, когда я начинала, я была юнгой. А один ехидный у нас научный сотрудник был, профессор, он мне говорит: «А что, сейчас капитаном стала?» Я: «Нет, боцманом!»

А.И. Лобода: Конечно же, этот круг людей – он формировался в большой степени если не под влиянием Сергея Николаевича, то при том или ином его участии. Потому что, конечно

же, многие люди, которые до сих пор, многие из которых, по счастью, работают в Морской арбитражной комиссии, – они ничуть не уступали авторитетом Сергею Николаевичу. И он наверняка в свою очередь испытывал большое влияние со стороны их личностей и профессиональное влияние.

В.В. Хвалей: Были какие-то интересные дела, в которых Вы участвовали вместе с Сергеем Николаевичем?

А.И. Муранов: Да. И вот до сих пор не могу [забыть], как я, просмотрев все дело, совершенно не заметил одну небольшую надпись на коносаменте. Ну просто не обратил внимание, невнимательный был, а он мгновенно ее заметил, и вот именно наличие этой надписи во многом предопределило исход дела. То есть вот это умение видеть сразу, одним взглядом найти существенный момент в документе, который я пролистал и так и не увидел, – меня это впечатлило. И сейчас я понимаю, что для того, чтобы этому научиться, нужно просмотреть сотни таких документов, сделать многое, несколько ошибок – и тогда научишься.

Александр [Сергеевич] Комаров (Доктор юридических наук, профессор. С 1993 по 2010 год: Председатель МКАС при ТПП РФ. Консультативный Член Международного совета по коммерческому арбитражу (ISCA)): Поэтому и получилось, что самая популярная в нейтральном, в кавычках, так сказать, в «нейтральном» с точки зрения сторон арбитража, стал, стал Стокгольм. И вот во второй половине шестидесятых годов появились первые дела, первые дела в Стокгольме, когда реально, реально необходимо было рассматривать эти споры. И вот Сергей Николаевич Лебедев был представителем советского внешнеторгового объединения в разбирательстве, которое имело место в Стокгольме. Я очень хорошо это помню почему? Потому что я в то время был студентом его, он преподавал в Институте международных отношений, и я помню, что он был приглашен специально вот выступить перед студентами и перед другими преподавателями и рассказать о том, как все это происходит, потому что это было настолько ново, интересно, что, конечно, это вызвало у многих очень-очень большой, так сказать, интерес. И я очень хорошо, так сказать, помню, хотя я тоже помню, что мало из того, что он говорил, я тогда понял, вот, поскольку есть действительно вещи... и он очень обычно рассказывал очень подробно, вот. Но было, так сказать, приятно ощущать, что вот имеешь дело с человеком, который в реальном международном коммерческом арбитраже участвовал, и все это казалось, так сказать, вот, так сказать, будущим каким-то.

Интервью дается на английском языке.

К. Хобер: Я бы хотел отметить следующую его характерную особенность: он был не только профессором и выдающимся теоретиком, но и юристом, имеющим практическую направленность. Из своего опыта я помню, что он всегда пытался найти практические решения тех проблем, с которыми сталкивался, я имею в виду проблемы с разработкой документов рабочей группы арбитража ЮНСИТРАЛ, составлением арбитражных решений или поиском решений для урегулирования конкретного спора. Мне кажется, именно эти характеристики несколько отличают его от других профессоров права.

В.С. Толкунов: Меня всегда поражало в нем умение, умение в самой, казалось бы, ну... мутной, запутанной ситуации найти вариант решения. Вот, так сказать, некоторые дела, когда рассматривали, когда дело, казалось бы, ну зашло в тупик, ни одна, ни другая сторона ну... ни туда и ни сюда – Сергей Николаевич находил всегда варианты: «А вот давайте так!»

Т.Е. Абова: Его очень часто, очень часто выбирали суперарбитром. И вот он как человек – ну крупный специалист, во-первых, – он всегда стремился к тому, чтобы был какой-то компромисс, понимаешь? Он всегда старался как-то примирить стороны.

Мы тоже всегда предлагали, конечно, помириться и все, но он именно вот, будучи суперарбитром, старался вот эти все разногласия свести как-то, мнения сблизить и всегда принимал решение в конце концов он, когда удовлетворенной оказывалась и та, и другая сторона.

Галина Жукова (Председатель Комитета по назначению арбитров Арбитражной Ассоциации (РАА). Партнер юридической фирмы Belot Malan & Associates (Париж, Франция). С 2008 по 2012 – Советник, руководитель отдела секретариата Международного арбитражного суда ICC по работе с Центральной и Восточной Европой, Россией и странами СНГ (Париж, Франция). Доцент Высшей школы права (Рига, Латвия)): Первое общение было, когда я стала работать в Секретариате ICC и он был арбитром по одному делу, и надо было обсудить какие-то вопросы. Вот у нас состоялся первый звонок с ним, да. То есть я, конечно же, слышала о нем. Я у него не училась, так как я не из России, то есть для меня это имя было очень известное, огромное, ну и я тут, конечно, была новым человеком в Секретариате ICC, который занимался делами из Восточной Европы. И очень приятное было общение, видно было, наверное, уважение больше к институции, то есть ну как бы очень приятно и очень легко мы обсудили все административные вопросы и вот так вот мы расстались на том звонке.

Второй проект, по которому мы работали вместе, это был Комитет по назначению арбитров в составе Российской арбитражной ассоциации и мы, то есть мы вдвоем были, оба были членами этого комитета, и надо было принимать вопросы, кого-то включаем в список арбитров, кого-то не включаем в список арбитров. То есть иногда вопросы могут быть такие, ну дипломатические, немножечко политические, не всем может понравиться решение, не все соглашались по всем заявкам и так далее, и тому подобное. Что мне нравилось с ним? Он всегда отвечал, то есть вот никогда не было вот такой тишины и ты не знаешь, что же человек решил, не решил, что он думает по этому поводу. И когда надо было принять решение, вот когда, может быть, были какие-то сомнения – он умел написать, так очень дипломатически, или высказать дипломатически свою точку зрения, никого не обидев, но тем не менее приняв решение. То есть было понятно, что же он хочет сказать. Такой вот фразой, таким вот поворотом головы.

Интервью дается на английском языке.

Алексис Мур (Президент Международного арбитражного суда ICC (Париж, Франция). 1984–2014 годы: Партнер адвокатской фирмы Mannheimer Swartling (Стокгольм, Швеция)): Несколько лет назад мне посчастливилось быть арбитром в суде вместе с профессором Лебедевым. Я был председательствующим арбитром и вспоминаю профессора как самого подготовленного и в то же время самого мягкого и приятного человека из всех, с кем мне доводилось работать.

В ходе рассказа А.С. Комарова демонстрируются фотография С.Н. Лебедева, а также письмо-согласие проректора МГИМО по кадрам И.Н. Устинова в адрес и.о. начальника управления Министерства внешней торговли Е.К. Медведева с согласием на поездку С.Н. Лебедева в Вену в марте 1980 г. на Конференцию ООН для рассмотрения проекта Конвенции о договорах международной купли-продажи товаров.

А. Комаров: Ну а ЮНСИТРАЛ, да, – это особая, как говорится, особая, что ли, глава в жизни Сергея Николаевича. Потому что Сергей Николаевич практически участвовал в работе ЮНСИТРАЛ с самого начала, вот. И он, как я сказал, практически вот с самого начала принимал решения, принимал участие в разработке документов. Не только по линии арбитража,

потому что он считался и был одним из, так сказать, ведущих экспертов в области международного частного права у нас, в Советском Союзе. И он всю, так сказать, палитру, всю гамму, вот этих проблем в области международного частного права, он, так сказать, хорошо знал, и поэтому его Министерство внешней торговли привлекало в качестве эксперта в делегацию ЮНСИТРАЛ, практически по всем направлениям, по которым шла вот эта работа по унификации международного... права международной торговли. Он был, я бы сказал, мэтром, и он был живой хранитель, так сказать, вот той памяти и практически он всегда, если он, так сказать, говорил, он обращался вот к предшествующей работе, что давало ценность – потому что многие люди там оказывались ну если не случайно, то по крайней мере они не обладали таким глубоким познанием вот этой материи. И поэтому в ЮНСИТРАЛ Сергей Николаевич, конечно, был, наверное, я бы сказал, что чуть ли не, может быть, самым авторитетным.

А.И. Лобода: История такая. Это... на дворе был девяносто шестой год, команда МГИМО впервые, исторически первый раз поехала на Венский конкурс по международному торговому арбитражу имени Виллема Корнелиса Виса. Мы никаких призовых мест не заняли в ту поездку, хотя команд было, повторюсь, немного, кажется, пятнадцать, и встретили Сергея Николаевича, который приехал специально из Женевы, на два дня вырвался, поддержать работу нашей команды. Работой команды руководил Алексей Александрович [Костин], а Сергей Николаевич просто приехал вот презентовать команду. Это была его идея: направить команду МГИМО для участия в конкурсе. Он представил команду и руководителя команды устроителям конкурса. Уже позже, когда я на протяжении нескольких лет выступал в роли тренера, руководителя команды МГИМО, которая ездила в Вену для участия опять же в Венском конкурсе, – это, кажется, случилось уже лет через десять, может быть даже, больше, [после] той поездки в девяносто шестом году – Сергей Николаевич снова добрался до Вены. На сей раз он добрался до Вены для того, чтобы судить финал, кажется, – финал Венского конкурса в качестве арбитра. И я запомнил, что Сергей Николаевич в Вене очень изменился. Сергей Николаевич ходил абсолютно в состоянии абсолютной радости, вот я его в таком состоянии, близком к абсолютному довольству, здесь [в Москве] почти не видел, – может быть, и совсем не видел. Он шел по Вене, мы шли по Грабену, шел, кажется, разговор о согласовании текста конвенции восьмидесятого года, как он вырабатывался, и мы обсуждали кофейню, в которой шло обсуждение этого вопроса.

В ходе рассказа Р.М. Ходыкина демонстрируются три фотографии С.Н. Лебедева с иными лицами на различных мероприятиях.

Р.М. Ходыкин: В воспоминании, когда писал он про Венскую конвенцию, как она... он участвовал в составе советской делегации при разработке Венской конвенции, и был тупик. Тупик был в том, что, естественно, англосаксонские страны хотели, чтобы была устная форма договора, а страны советского лагеря – они стояли жестко, что должна быть абсолютно вот непрерываемая, письменная форма, им нужен был государственный тотальный контроль. И в воспоминаниях он написал, как родилась статья девяносто шестая в Венской конвенции, которая стала компромиссом. И он написал, что когда вот зашли уже совсем переговоры в тупик, они пошли с профессором Фарнsworth, который был представителем американской делегации, они пошли в какое-то кафе. И он говорит, буквально на салфетке они написали за обедом текст этой нормы, которую они после этого принесли ну на заседание пленарное, озвучили и с незначительными там доработками она и была принята. И в конечном итоге это послужило основой для Венской конвенции. То есть Венская конвенция в результате была принята и стала такой успешной конвенцией вот из-за... благодаря тому, что им за обедом на салфетке удалось написать такой компромисс интересный.

[Вот как об этом писал С.Н. Лебедев: *«Вспоминая совместную работу тех, кто участвовал в подготовке Венской конвенции, нельзя не отметить в целом дух конструктивизма, внимательное отношение в ходе подчас острых дебатов к иным позициям, стремление к поиску сбалансированных нормативных решений»*. Во время недавней встречи мы вспоминали с руководителем американской делегации проф. А. Фарнсворсом о том, как был разрешен один из очень „больных“ вопросов касательно формы договора, которая, по мнению многих делегаций, должна была быть свободной, а по мнению некоторых делегаций, в том числе и нашей, – непременно письменной. Когда работа над проектом на сессии ЮНСИТРАЛ в Вене в 1978 г. подошла к концу, а этот вопрос оставался открытым, несколько делегатов, оказавшись во время перерыва между заседаниями за чашкой кофе в кафе „Аида“ на Кертнерштрассе, стали думать-гадать, что делать; и тогда он набросал на салфетке краткий текст, который после некоторых модификаций с нашей стороны после перерыва был предложен на заседании и стал тем компромиссом, который выражен ныне в ст. 12 и 96 Венской конвенции. Понятно, что при всей неординарности презентации этот „экспромт“ явился продуманным итогом многократных дискуссий» (Лебедев С.Н. Листая страницы истории // Венская конвенция ООН 1980 г. о договорах международной купли-продажи товаров. К 10-летию ее применения Россией / Сост. М.Г. Розенберг. – М.: Статут, 2001. С. 5–6). – Примеч. сост.]

В ходе рассказа А.И. Лобода демонстрируется письмо главы делегации СССР на Конференции ООН по договорам международной купли-продажи в Вене, и.о. начальника Договорно-правового управления Министерства внешней торговли СССР Е.К. Медведева в адрес начальника управления кадров МИД СССР И.И. Инполитову и ректору МГИМО профессору Н.И. Лебедеву с благодарностью С.Н. Лебедеву за работу на Конференции ООН, принявшей указанную Конвенцию.

А.И. Лобода: Был момент, когда переводился один сложный вопрос английского языка, как... то, что сейчас в тексте, если мне не изменяет память, в русском тексте конвенции получило название «коммерческое предприятие стороны». В английском тексте это, кажется, «business establishment», нет?

В.В. Хвалей: Place of business.

А.И. Лобода : Place of business, place of business. И тогда вот буквально на салфетке в кафе вот группа наших специалистов, которая включала Сергея Николаевича и Виталия Алексеевича [Кабатова], буквально на салфетке якобы изобрели термин, который сейчас стал частью русского текста конвенции [Данное указание не является точным. Вопрос о переводе понятия «place of business» на русский язык – отдельная интересная история. – Примеч. сост.].

Фрагмент из телепрограммы «О личном. С.Н. Лебедев» телеканала «Закон-ТВ».

С.Н. Лебедев: А затем это, конечно, тридцать девять лет моей работы в Комиссии ООН по праву международной торговли. И за это время – участие в выработке очень большого количества документов: международных конвенций, регламентов, правил. Вот одна из самых значительных конвенций – это Венская конвенция восьмидесятого года о договорах международной купли-продажи...

А.И. Лобода: И вдруг он сказал такую совершенно удивительную вещь – я даже не знаю, почему она запомнилась. Он сказал: «Вена – город радости!» Сказал он, улыбаясь, глядя на весенний Грабен, на вот это вот ласковое солнышко, и вот так он обвел руками, показывая, – это где-то в районе кофейни «Юлиус Майнл» произошло, – показывая вот здание, залитое красивым весенним солнцем в Вене.

И Ася Николаевна сказала довольно строго, она сказала: «Сержик, надень шапочку». И вот этот вот контраст между вот этим вот Сергеем Николаевичем, который довольно крепко

руководил и кафедрой, и Морской арбитражной комиссией, и Сержиком, который безропотно надел шапочку, он, конечно же, мне очень запомнился. Вот это вот тоже была вещь вторая, которая меня и удивила, и порадовала. И я понял, что у Сергея Николаевича очень теплые отношения с его супругой.

Диалог ведется на английском языке.

В ходе рассказа демонстрируются вход в Арбитражный институт Торговой палаты г. Стокгольма, дверь с надписями на разных языках.

В.В. Хвалей: В каком году Вы были назначены Генеральным секретарем?

Ульф Франке (Почетный Председатель Арбитражного института Торговой палаты Стокгольма. 1975–2010 годы: Генеральный секретарь Арбитражного института Торговой палаты Стокгольма. 2013–2015 годы: Председатель Правления Арбитражного института Торговой палаты Стокгольма): В 1975 году. Я занимал должность Генерального секретаря до 2010 года, то есть на протяжении 35 лет. В то время я занимался другими вопросами, поскольку в 1975 году дел рассматривалось очень мало, порядка пары-тройки дел за год. Я знаю, что еще до меня Исполнительный директор Торговой палаты Стокгольма рассматривал возможность отказаться от функций арбитража, потому что дел было действительно очень мало.

Диалог ведется на английском языке.

В.В. Хвалей: Может быть, Вы помните, в каком году состоялась Ваша первая встреча с профессором Лебедевым?

К. Хобер: Возможно, в 1982 году, когда мы организовали, под «мы» я подразумеваю ТПС, организовали семинар в Москве совместно с действующей на тот момент ВТАК (Внешнеторговая арбитражная комиссия); я же в то время был молодым юристом в фирме Wetter & Wetter. Он был одним из спикеров на том мероприятии, а я в основном был занят тем, что помогал Гиллису Веттеру.

В.В. Хвалей: И с того момента, я думаю, Вы виделись неоднократно?

К. Хобер: Да, много раз, я имею в виду во время арбитражных разбирательств мы сидели вместе в качестве арбитров. Мы совместно принимали участие в семинарах и работали бок о бок в составе рабочей группы арбитража ЮНСИТРАЛ.

У. Франке: Кроме того, я много раз бывал в Советском Союзе в 70-х, 80-х и 90-х годах, посещая различные конференции и семинары.

Съемка в квартире А.Н. Гальпериной.

А.Н. Гальперина: Он [К. Хобер] говорит: «У русских есть кухня?» Я говорю: «Конечно, есть».

В.В. Хвалей: Еще раз, про что он спрашивал?

А.Н. Гальперина: Про меню, есть ли русская кухня и что относится к русской кухне.

В.В. Хвалей: А!

А.Н. Гальперина: Да.

В.В. Хвалей: То есть он сомневался вообще в существовании русской кухни?

А.Н. Гальперина: Не знаю, сомневался он или нет.

В.В. Хвалей: Но он все время от вас требовал: «Скажите, что такое русская кухня?»

А.Н. Гальперина: «Что такое русская кухня?» – не требовал, но задавал вопрос. Я ему говорю: «Вот вы приедете, когда в Москве будете, я обязательно вас приглашу домой и создам русскую кухню». Ну вот, и тут была какая-то конференция в Москве, в арбитраже, и они приезжали. Их было человек семь – шведов. И Сергей Николаевич привез их всех на дачу.

Фрагмент из телепрограммы «О личном. С.Н. Лебедев» телеканала «Закон-ТВ».

С.Н. Лебедев: Вот это наша дача, которую мы строили семь лет, в тяжелое время, когда не было никаких ни материалов – ничего абсолютно. И вот как это было сделать в нашем поселке?

Интервью дается на английском языке.

К. Хобер: Я был там однажды вместе с господином Франке и другими шведскими юристами, если не ошибаюсь, лет 10 тому назад. Так вот, его жена приготовила почти что «шведский стол» с множеством русских закусок.

Съемка в квартире А.Н. Гальпериной.

В ходе рассказа А.Н. Гальпериной демонстрируются кадры из фильма «О личном. С.Н. Лебедев» телеканала «Закон-ТВ» (дача Лебедевых, снято зимой)

А.Н. Гальперина: А я готовилась, значит, к этому их приезду. Сделала холодец, сделала пирожки жареные с мясом, борщ. Уже забыла, что я там на второе подавала. Ну, в общем, все, что знала в русской кухне, все им подавала. Они были очень довольны.

В.В. Хвалей: Убедился, что есть русская кухня?

А.Н. Гальперина: Да, убедился, да, да. Вот и они когда... Я приезжала после этого в Стокгольм и они меня видели – они всегда говорили, посылали воздушный поцелуй, каждый из них, и говорил: «Дача, дача!» Это было все на даче, для них это слово «дача» было новое. Они говорили: «Дача!»

Диалог ведется на английском языке.

В.В. Хвалей: Ася научила Вас каким-нибудь словам на русском языке?

У. Франке: Да, я знаю слово «дача». Я был у них на даче под Москвой, мы провели некоторое время вместе, когда я приезжал в Москву. Конечно, я знаю такие слова, как «спасибо» и «добрый день».

А.Н. Гальперина: Ему очень понравилось. И я была очень довольна, потому что испытываю после того, как Сергея Николаевича наградили этим орденом... Сам король вручал, и у меня к шведам особое отношение.

Фрагмент из телепрограммы «О личном. С.Н. Лебедев» телеканала «Закон-ТВ».

В ходе рассказа С.Н. Лебедева демонстрируется также видеозапись ожидания церемонии награждения шведским королем орденом Полярной звезды.

С.Н. Лебедев: ...конечно, мне очень приятно, что у меня есть два ордена. Один орден Дружбы народов, который, я думаю, очень и очень символичен, и он как-то мне очень и очень близок, потому что действительно моя деятельность связана с интернациональным подходом в сфере права. И в этом смысле это очень важно. А с другой стороны, конечно, орден, которым меня наградил и вручил мне этот орден шведский король, вот – кавалер Полярной звезды. Это тоже очень и очень символично.

С.С. Завриев: А за что он Вам вручил этот знак?

С.Н. Лебедев: Это было вручение трем специалистам в области арбитража: это был китайский профессор, это был американский адвокат и я. И это было связано с нашим участием в разработке соглашений между нашей Торгово-промышленной палатой и Арбитражным институтом при Стокгольмской торговой палате по поводу арбитражной оговорки, которая рекомендовалась для контрактов между американскими и советскими в тот период, а потом и российскими компаниями.

Интервью дается на английском языке.

В ходе рассказа У. Франке демонстрируются фотографии в связи с упомянутой арбитражной оговоркой (на них изображены в том числе С.Н. Лебедева и У. Франке); также крупным планом шведский орден Полярной звезды в футляре.

У. Франке: В 1977 году между США и СССР была подписана так называемая факультативная арбитражная оговорка. Когда в 1975 году я приступил к работе в ТПС, это соглашение было уже более-менее подготовлено, переговоры велись непрерывно с 1970–1973 годов, и одним из первых, с кем я познакомился почти сразу, был профессор Сергей Лебедев. Мы обсуждали различные темы о том, как максимально широко информировать общественность об этом документе, и время от времени просматривали список арбитров, который к нему прилагался. На самом деле мы обсуждали различные варианты городов, одним из которых был Стокгольм. Мне известно, что в качестве еще одного возможного места проведения подобных арбитражных разбирательств рассматривалась Вена. Я думаю, Советский Союз считал Швецию удобным местом для арбитража, и в конце концов американцы согласились на Стокгольм. В то время отношения между Швецией и США были довольно натянутыми из-за того, что Швеция жестко критиковала войну во Вьетнаме и прочие действия со стороны США. Среди представителей американской стороны было некоторое количество несогласных, но в конечном итоге они согласились выбрать Стокгольм. Ключевой персоной советской делегации был именно профессор Лебедев. Он принимал участие во всех переговорах, а также присутствовал при подписании этого судьбоносного документа. Так что со стороны СССР основным представителем был он, а интересы американской стороны представлял Ховард Хольцман. С этим соглашением возникла любопытная ситуация: оно ссылалось на арбитражный регламент ЮНСИТРАЛ, при этом и профессор Лебедев, и г-н Хольцман принимали участие в переговорах и в работе Комитета ЮНСИТРАЛ относительно регламента ЮНСИТРАЛ, так что они оба прекрасно знали новый регламент. Можете назвать эту награду орденом. Он был удостоен титула [К]омандора Королевского ордена Полярной звезды, одной из самых престижных наград, которую можно получить из рук самого короля Швеции. Эту награду король вручил ему лично.

Демонстрируется церемония награждения: шведский король и награждаемые; объявление о награждении и диалог (цитируется далее по русским субтитрам):

Его Величество награждает [профессора] Сергея Лебедева титулом [К]омандора Королевского ордена Полярной звезды.

[Король] Швеции Карл XVI Густав: Большое Вам спасибо за это!

С.Н. Лебедев: Благодарю.

Диалог ведется на английском языке.

В ходе рассказа У. Франке демонстрируется церемония награждения: профессор Танг Худжи из Китая и Ховард Хольцман из США получают орден из рук короля Швеции. Затем король Швеции беседует с награжденными.

В.В. Хвалей: Сколько человек получили эту награду?

У. Франке: Три человека (первые и они же последние): профессор Лебедев, профессор Танг Худжи из Китая и Ховард Хольцман из США. Когда в королевском дворце я встречался с королем, там были только эти 3 человека, удостоенные данного титула. Он достиг больших высот в области международного коммерческого арбитража, об этом говорил не только я, но и многие другие, он проделал поистине фантастическую работу для Комитета ЮНСИТРАЛ по арбитражному регламенту ЮНСИТРАЛ, Комитета по разработке Типового закона о международном коммерческом арбитраже и ряда других комитетов, и его вклад всегда был выдающимся. Он принимал участие во многих конференциях и семинарах, был одним из

тех, кто имел самое непосредственное отношение к разработке Соглашения между США и СССР о факультативной арбитражной оговорке, занимал пост вице-президента Международного совета по коммерческому арбитражу (ИССА) и вообще проделал очень качественную работу. Вы знаете, я был Генеральным секретарем ИССА, когда он являлся его вице-президентом, поэтому в ИССА мы тоже довольно тесно сотрудничали. Сергей Лебедев внес действительно весомый вклад в развитие международного коммерческого арбитража в Швеции и по праву заслужил присвоенное ему звание.

Фрагмент из телепрограммы «О личном. С.Н. Лебедев» телеканала «Закон-ТВ».

В ходе рассказа С.Н. Лебедева демонстрируются королевский дворец в Стокгольме, караул у дворца, шведский орден Полярной звезды на ладони С.Н. Лебедева.

С.Н. Лебедев: Это происходило в его приемных покоях. Обычно эта процедура длится где-то минут пятнадцать-двадцать, но мы, как мы потом между собой говорили, – вот китайский коллега, американский, я, – что мы ему, очевидно, очень понравились. И наши рассказы об арбитраже, о том, чем мы занимаемся, видимо, его заинтриговали, потому что в общей сложности больше сорока минут продолжалась наша аудиенция. И потом он дал согласие, чтобы нас еще проводили по внутренним покоям, так что все это было, конечно, чрезвычайно, чрезвычайно занимательно.

Интервью дается на английском языке.

У. Франке: Он очень часто бывал здесь. Как я уже сказал, одной из целей его пребывания была работа над Соглашением между США и СССР о факультативной арбитражной оговорке и над списком арбитров. Также он думал о том, как популяризировать это соглашение, так что он довольно часто ездил сюда. Более того, он работал здесь в качестве арбитра, не по делам, предусмотренным Соглашением о факультативной арбитражной оговорке, а по другим делам, рассматриваемым в соответствии с регламентом арбитража МТП и в рамках специального арбитража.

Интервью дается на английском языке.

К. Хобер: Первое дело, когда я выступал перед ним... состоялось в 1986 или 1987 году, и я думаю, что это было первое дело, ответчиком по которому выступала советская сторона, которое дошло до стадии слушания в Стокгольме. Я представлял интересы внешнеэкономического объединения «Судоимпорт», которое представляло собой одну из внешнеторговых организаций, и мы назначили его. Истцом же являлась турецкая компания, и это было довольно странное дело, потому что в нем участвовал турецкий бизнесмен по имени Алтинель, который приобрел у объединения «Судоимпорт» рыбопромысловое судно для рыбной ловли в Черном море. Он выловил немало рыбы и заработал на этом много денег. Когда рыба ловиться перестала, он сделал вывод о том, что с судном что-то неладно. Поэтому он обратился в арбитраж с иском против «Судоимпорт», после чего турецкая сторона назначила капитана судна арбитром, поскольку он точно присутствовал на судне и был одним из тех, кто лучше всех знал обстоятельства дела. Моим первым желанием было заявить ему отвод, но потом я еще раз подумал и решил, что на самом деле он лучший свидетель происходившего, и мы не стали заявлять отвод. То есть он сидел в панели арбитров по сути как заложник и обстоятельства, о которых он мог сообщить как свидетель, он не мог о них рассказать[.] Так что это было весьма странное дело. «Судоимпорт» выиграл это дело, после чего возникла проблема с приведением арбитражного решения в исполнении в Стамбуле. Но в любом случае, это было первое дело, в котором советская внешнеторговая организация закончила арбитражное разбирательство в Стокгольме, вот что я могу сказать.

Демонстрируются фотографии разных лет С.Н. Лебедева совместно с А.Н. Гальпериной из ее личного архива. Звучит романс «Отцвели уж давно хризантемы в саду».

Съемка в квартире А.Н. Гальпериной.

А.Н. Гальперина: В пятьдесят седьмом году мы познакомились, в этом году это как бы шестьдесят лет. А поженились в пятьдесят девятом – я заканчивала школу, а Сергей заканчивал институт.

Фрагмент из телепрограммы «О личном. С.Н. Лебедев» телеканала «Закон-ТВ».

В ходе рассказа А.Н. Гальпериной демонстрируется коллективная фотография 50-х годов, где присутствует также А.Н. Гальперина (из ее личного архива).

А.Н. Гальперина: ...вот. Мы как-то всегда с подружкой страдали, что мы плохо одеты. В те времена одеться было очень сложно. Ну у портнихи там мама что-то заказывала, какое-то платьице там, что-то было.

Съемка в квартире А.Н. Гальпериной.

Элина Фаритовна Ахметзянова [сотрудница Ассоциации участников по содействию в развитии третейского разбирательства]: Как вы познакомились?

А.Н. Гальперина: А познакомились... очень забавно, конечно. У меня сестра старшая вышла замуж, а муж закончил МИХМ [Московский институт химического машиностроения], и у них был вечер встреч в клубе имени Зуева. И он мне все время говорил: «Ну что вот тебе звонят мальчишки из класса, а ты познакомься со взрослым мальчиком, сходи к нам на вечер». Я говорю: «Нет, нет, я не пойду, ни в коем случае». «Пойди!» И принес пять билетов мне, на всех моих подружек, мы впятером и отправились на этот вечер. Танцы. Нас никто не приглашал. Мы по углам ходили, потому что одна из подружек пользовалась успехом и ее приглашали на танцы, но ей не нравились те молодые люди, которые приглашали ее. И она говорила: «Пойдем в другой угол» – мы шли в другой угол. А в последний танец вдруг ко мне Сергей подходит. А Сергей, оказывается, ехал по эскалатору вниз, а его приятель-друг из МГИМО – он еще учился в МГИМО – Сергей уже заканчивал, он еще учился, – а он ехал вверх по эскалатору и кричит ему: «Сергей, пойдем на вечер в клуб имени Зуева!» Тот: «Пойдем!» И они соединились и пришли в этот клуб. На последний танец Саша подошел к моей подруге близкой – мы с ней родились в одном доме, – а Сергей ко мне. И мы поженились вот так, и с тех пор так все... Были вместе всегда.

Интервью дается на английском языке.

У. Франке: Мне вспоминается, как однажды мы с ним проживали в гостинице, не помню точно, был ли это «Метрополь» в Москве или очень хорошая гостиница в Санкт-Петербурге, и он упомянул, что любит ходить на танцы. Было очень неожиданно услышать это от него, но он тогда сказал, что ему действительно интересны танцы.

Р.М. Ходыкин: На кафедре было повальное увлечение танцами в один период и танцевали многие известные ученые, такие как Елена Витальевна Кабатова, Николай Георгиевич Елисеев, – вот они все танцевали. Прямо в МГИМО был какой-то клуб, куда они ходили.

Фрагмент из телепрограммы «О личном. С.Н. Лебедев» телеканала «Закон-ТВ».

А.Н. Гальперина: А потом уже, вот, это был уже одиннадцатый класс у меня, я заканчивала МСХШ [Московскую среднюю художественную школу], вот. И Сергей, ну, предложил пожениться. Мы поженились, а мама не знала ничего об этом – ни его, ни моя, что мы пошли

в ЗАГС, расписались. И он мне подарил вот это кольцо. И это кольцо – это самый, самый лучший, самый подарок в моей жизни.

Фрагмент из телепрограммы «О личном. С.Н. Лебедев» телеканала «Закон-ТВ».

С.Н. Лебедев: Моя жена по китайскому календарю относится к категории кошек. И вот как-то возникла мысль: вот нужно ей сделать подарок на день рождения или какой-то другой случай, и я подумал: «А-а-а... так, может, я ей преподнесу кошку?» И я преподнес ей кошку, и она была невероятно довольна этому. «А, раз она довольна, – подумал я, – это великолепный шанс: во всякий день рождения ей можно дарить кошку – не думать о каких-то других подарках и так далее, а подарить ей кошку». И вот это вошло у меня в привычку: как у нас вот дома, так и когда я бываю в командировках в других странах, я обычно ищу: а нет ли какой-нибудь симпатичной кошки?

Демонстрируются крупным планом статуэтки и фигурки кошек в квартире А.Н. Гальпериной, другие статуэтки. Звучит романс «Отцвели уж давно хризантемы в саду».

Фрагмент видеосъемки, которое С.Н. Лебедев дал шведскому документалисту Мартину Боргсу на английском языке в Москве в ноябре 2015 г. для документального фильма «The Quiet Triumph: How Arbitration Changed the World», подготовленного к 100-летию Арбитражного института Торговой палаты г. Стокгольма (см. об этом фильме в разделе 5 настоящей части).

М. Боргс: Оглядываясь на свой жизненный путь, как Вы оцениваете свои профессиональные достижения?

С.Н. Лебедев: Моя жена говорит, что я должен написать мемуары. И я пообещал ей сделать это. Правда, пока я слишком занят, совершенно нет времени предаваться воспоминаниям. Надеюсь, я сделал то, что мог сделать, и я постарался достичь максимально возможного результата. Но я не знаю, как мои усилия на профессиональной ниве оценят другие. Я рад, что на сегодняшний день опубликованы мои научные труды (довольно объемная книга), в которых мои мысли нашли свое отражение в письменной форме. Мною также написано множество статей и других документов. Я думаю, что оставлю после себя определенный след в истории арбитража. Должен сказать, что я доволен тем, как сложилась моя жизнь. Я принимал участие во многих интереснейших международных мероприятиях, связанных с моей профессией. В свое время я был членом ЮНСИТРАЛ и до сих пор посещаю их рабочие сессии. Всего три недели назад в Вене прошла встреча, на которой обсуждался очень важный документ – комментарии к процессу организации арбитражных разбирательств. Документ был подготовлен в 2006 году. Я написал небольшую аннотацию к нему, а теперь мы разрабатываем изменения и дополнения к этому документу. Я начал эту работу в 1970 году, так что моя деятельность в ЮНСИТРАЛ продолжается уже много лет. Я являлся членом группы уполномоченных по претензиям категории «С» Компенсационной комиссии ООН, назначаемой Советом безопасности ООН. Эта группа была создана в связи с вооруженным конфликтом в Ираке для защиты интересов СССР, поэтому данный этап жизни играет важную роль для меня. На протяжении всех этих лет я выполнял функции арбитра во многих международных арбитражных разбирательствах в более чем 15 странах мира. Сейчас я работаю арбитром в Москве, а в течение всей своей жизни я как арбитр участвовал в рассмотрении более 600 дел. Я имею ученое звание профессора МГИМО, и это также очень важно для меня. Все эти факторы являются весьма значимыми в моей профессиональной карьере.

Звучит романс «Отцвели уж давно хризантемы в саду».

Демонстрируется фотография С.Н. Лебедева (выступление на сессии Международной академии арбитража в Париже в 2012 г.).

Демонстрируются титры:

Авторы фильма благодарят за участие
(в порядке появления в фильме):

- Б. Гельмана
- А. Еvgущенко
- Т. Слипачук
- Л. Савицкого
- Р. Ходыкина
- К. Хобера
- А.Н. Гальперину
- А. Муранова
- В. Видера
- У. Франке
- Т.Е. Абову
- А. Лободу
- А. Тынеля
- В. Толкунова
- А. Комарова
- Г. Жукову
- А. Мура

Автор сценария, режиссер и интервьюер: В. Хвалей
Перевод на русский язык: А. Баширова

Монтаж: O3Films О. Зюзин, М. Данилова

За оказанную помощь в создании фильма Арбитражная Ассоциация благодарит:

- Д. Абдрахманову
- Э. Ахметзянову
- М. Боргс
- А. Магнуссон
- Н. Петрик
- К. Сегербок
- А. Шмарко
- Международный Совет по коммерческому арбитражу (ICCA)
- Австрийскую Арбитражную Ассоциацию (ArbAut)
- Арбитражный институт Торговой палаты Стокгольма (SCC)

и лично Асю Николаевну Гальперину за предоставленные фото-и видео-материалы из личного архива.

В фильме использованы фрагменты программы «О личном» на канале «Закон-ТВ», главный редактор Сергей Завриев, производство – 2009 год, а также фрагменты видеоклипа с канала YouTube «Легендарный Севастополь» в исполнении хора [Ч]ерноморского [Ф]лота (загружено пользователем bekr1975 31.10.2012 г.).

В фильме звучит романс «Отцвели уж давно хризантемы в саду» в исполнении Георгия Виноградова.

Создатели фильма благодарят юридическую фирму Baker McKenzie за оказанную поддержку.

Москва, 2017 год

Арбитражная Ассоциация (РАА) ©

Д.Л. Давыденко. Памяти С.Н. Лебедева

У трудных жизни испытаний
Порой бывает свой резон.
Есть те, кто ищет плод познаний,
Хоть не всегда так сладок он.

Быть нужно личностью глобальной,
Чтоб не в одной своей стране
Снискать и обрести признание,
Не только в ней, но и вовне.

Гордиться может Севастополь,
Что в нем родился человек,
Что ткань истории заштопал
И сам в нее вошел навек.

Внешнеторговым арбитражем
Сумел преодолеть разрыв,
Раскол между двумя мирами,
Торговле шире дверь открыв.

Когда найти нам станет трудно
От Храма Разума ключи,
Пусть его голос, голос мудрый,
В душе и сердце зазвучит.

Дмитрий Леонидович Давыденко, выпускник международно-правового факультета (2001), ответственный секретарь МАК при ТПП РФ (с 2017 г.)

3. Воспоминания о В.А. Кабатове и о С.Н. Лебедеве совместно

Краткие воспоминания / слова в память / упоминания о В.А. Кабатове и о С.Н. Лебедеве также приводятся в начале статей следующих авторов: Е.А. Абросимовой, М.А. Андриановой, Д.О. Астаховой, А.А. Власова, Т.Ю. Григорьева, Н.Г. Дорониной и Н.Г. Семилутиной, Е.И. Каминской, А.И. Лободы, Loukas Mistelis, А.И. Муранова, Р.М. Ходыкина (см. ниже часть II «Профессора МГИМО В.А. Кабатов и С.Н. Лебедев. Статьи in memoriam»).

Интервью с Т.Е. Абовой о В.А. Кабатове и о С.Н. Лебедеве

Данное интервью Тамара Евгеньевна Абова дала в декабре 2016 г. специально для настоящего сборника его ответственному секретарю Ю.А. Шабалиной, а потом самостоятельно его обработала.

Ю.Ш.: Тамара Евгеньевна, здравствуйте! Кафедра международного частного и гражданского права МГИМО МИД России готовит сборник памяти профессоров В.А. Кабатова и С.Н. Лебедева. Скажите, пожалуйста, о ком Вы хотели бы сначала поговорить – о Виталии Алексеевиче Кабатове или о Сергее Николаевиче Лебедеве?

Т.А.: Сначала о Виталии Алексеевиче. Он и я из одной научной школы – Института государства и права АН СССР (РАН). Виталий Алексеевич и кандидатскую, и докторскую диссертации защищал в ИГП АН СССР. Там же защищалась и Елена Витальевна Кабатова. Очень многие ныне крупные ученые и великолепные педагоги защищались в ИГП АН СССР (РАН). Когда я пришла работать в МГИМО (это было в 1969 г.), Виталий Алексеевич уже работал на кафедре гражданского права (по-моему, она так тогда называлась). Это была кафедра вне факультета – факультета тогда еще не было. Решение о создании факультета было принято в 1969 г. До этого на экономическом факультете были две группы, они и стали основой этого факультета.

Виталий Алексеевич в те годы был одним из самых любимых студентами педагогов. Он был специалистом прежде всего в области гражданского права и смежных с ним отраслей; в то же время он был большим специалистом в области римского права. Таких специалистов у нас сейчас очень мало. Когда бывшие студенты, окончившие МГИМО, вспоминают мгимовских педагогов, то Виталий Алексеевич всегда в их числе, его вспоминают очень часто.

Виталия Алексеевича можно охарактеризовать как человека-легенду. Я не буду объяснять, отчего и почему. Это общеизвестно. Человек невероятного мужества. Несмотря на все беды, выпавшие на его долю, он оказался на высоте и всегда шел с высоко поднятой головой, стал доктором юридических наук, одним из крупнейших специалистов в области права, одним из ведущих профессоров МГИМО, я бы сказала, не только МГИМО, но и страны. В науке и преподавании он был привержен своим позициям, всегда отстаивал эти позиции, никогда от них не отступал. Я могу привести один пример. Во МКАС очень много лет был арбитром Михаил Григорьевич Розенберг – тоже человек-легенда, известнейший профессор, специалист в сфере международного и гражданского права, да и других правовых наук. Работал он, как мне кажется, если не всю жизнь, то ее основную часть, в Академии внешней торговли. Михаил Григорьевич разработал концепцию, важную для международного коммерческого арбитража, сущность которой касалась соотношения понятий «законодательство» и «право», разницу между которыми не видели многие стороны, обращавшиеся в МКАС. Он полагал, что понятие «законодательство» следует применять тогда, когда речь идет о применении только российского гражданского законодательства, и прежде всего ГК РФ. Когда же во взаимоотношениях сторон

применяются ратифицированные Россией международные конвенции, входящие по Конституции РФ в систему российского права, тогда применимым должно быть понятие «право». Чаще всего речь шла о широко известной в России Венской конвенции о купле-продаже товаров. Многие во МКАС, и я в том числе, исповедовали эту идею, разрешая гражданско-правовые споры. Когда Михаил Григорьевич однажды излагал на одной из конференций свою позицию, Виталий Алексеевич сказал с места: «А я против!» У него была своя позиция. Он считал, по всей видимости, что между правом и законодательством разницы нет. А может, какая-то другая, большая идея была заложена в этих словах.

Ю.Ш.: Он, наверное, обосновал почему?

Т.А.: Нет, зачем? Это была просто реплика, но и она означала, что у него был иной, совершенно индивидуальный подход к соотношению данных понятий.

Надо сказать, что интересы Виталия Алексеевича распространялись не только на право. Его часто можно было встретить в Консерватории на концертах симфонической музыки. Он очень любил музыку. Музыка для него всю жизнь с самого детства значила очень много. Но не только музыку. Здесь и поэзия, и театр. Я бы сказала, что он был интеллигентом самой высокой пробы, очень честным, порядочным человеком.

Приведу такой пример. Когда я пришла на кафедру, ее заведующим был профессор Константин Константинович Яичков. Он пригласил меня на работу в МГИМО. Он работал и в Институте государства и права, и в МГИМО. В МГИМО – основная работа, у нас – на полставки. Потом он ушел из Института. Однажды он подошел ко мне и спросил, не могу ли я прочитать в МГИМО транспортное право. Я сказала, что мне наиболее известно железнодорожное право. Тогда он сказал: «Ну железнодорожное и читай!» Потом уже я читала все транспортное право. К сожалению, Константин Константинович, тоже известный советский ученый, очень скоро умер. И встал вопрос: кому заведовать кафедрой? На кафедре была очень яркая фигура – лаборант Елизавета Ивановна Белоусова. Я спросила у нее: «Лиза, кто будет заведующим? Виталий Алексеевич Кабатов?» Она ответила: «Нет, он отказался». Если это неправда, извините меня. Но она знала все. Я думаю, Виталий Алексеевич считал, что заведующим кафедрой должен быть Сергей Николаевич Лебедев – молодой, энергичный, талантливый ученый и педагог.

У Виталия Алексеевича было много друзей по Институту государства и права и много других. В частности, архитектор Виктор Зальцман был большим другом семьи Кабатовых. Для меня это о многом говорило, так как Виктор Зальцман – мой одноклассник и еще со школы был моим большим другом. Я очень хорошо его знала. Это касается личности Виталия Алексеевича. Он был очень внимательным и доброжелательным по отношению к людям человеком. В таком же духе воспитывалась его дочь – Елена Витальевна Кабатова. Елена Витальевна восприняла самые лучшие человеческие качества своего отца. Я не буду говорить о его работах, о его большом вкладе в науку права. Наверно, об этом много уже сказано другими. Мне хотелось сказать о нем прежде всего как о человеке.

Надо еще сказать о семье Кабатовых. Очень дружная, преданная друг другу семья. Он очень любил Саиду Павловну, свою верную подругу и любящую жену, всю их совместную жизнь. Любил, обожал дочь и внука Павла. Они отвечали ему тем же.

Ю.Ш.: Могли бы Вы сказать, что Виталий Алексеевич Кабатов в первую очередь был ученым, а уже потом практическим деятелем?

Т.А.: Виталий Алексеевич, конечно, был большим ученым. Наука и практика у него шли параллельно, потому что настоящий ученый без практики не может. Самая лучшая для нас практика – это международный коммерческий арбитраж.

С одной стороны, наука многое давала для понимания сущности спора; с другой стороны, практика нам давала объекты для исследования, в результате чего выходили научные труды. У меня книжки были: «Охрана хозяйственных прав предприятия», затем «Разрешение хозяй-

ственных споров», «Арбитражный процесс в СССР», многие коллективные труды, потому что наука – это «прожектор» на извилистых практических путях. Практика – это источник для научных исследований. Не случайно в судах работали многие профессора. Например, немало профессоров, докторов и кандидатов наук было, к примеру, в Высшем Арбитражном Суде. Есть они и в Верховном Суде РФ, и в других арбитражных судах и судах общей юрисдикции. Многие профессора приходили туда работать, но и многие судьи становились профессорами, работая там, именно потому, что та практика позволяла им делать научные исследования. Такова связь между тем и другим. Это раньше говорили, что ученые оторваны от жизни, а сейчас больше так не говорят. Гражданское право, земельное право, трудовое право, строительное право – науки не возвышенные, а вполне приземленные. Насколько я знаю, Виталий Алексеевич Кабатов немного занимался строительным правом. Были у него работы по строительному праву.

Теперь о Сергее Николаевиче Лебедеве.

С моей точки зрения, удивительный человек. Он, как и Виталий Алексеевич, был интеллигентом самой высокой пробы. Сергей Николаевич блестяще руководил кафедрой. Был внимателен ко всем и к каждому члену кафедры в отдельности. Это я испытала на себе. С того момента, как я вошла в коллектив кафедры, он был внимателен ко мне, чтобы я не чувствовала себя посторонней. И я должна сказать, что очень комфортно чувствовала себя, работая в МГИМО. На кафедре в то время было мало преподавателей, а дисциплин было много. Лекции читались не только на созданном юридическом факультете, но и на других. Нагрузка на каждого была очень большая. По просьбе Сергея Николаевича я читала и другие дисциплины (не только транспортное право и гражданский процесс России и зарубежных стран; после прихода на кафедру Николая Георгиевича Елисеева сначала часть курса, а потом и весь курс перешли к нему). Среди этих дисциплин были трудовое и авторское право. Сергей Николаевич попросил меня читать эти дисциплины, в особенности трудовое право. Сергей Николаевич верил, что я донесу до студентов все, что необходимо. Правда, об этом моем эксперименте я скоро забыла.

Кстати, не так давно это подтвердилось. Однажды мы были на юбилее одного нашего бывшего студента, сейчас очень известного ученого и практика, заместителя председателя МКАС Ивана Семеновича Зыкина. Среди гостей был Андрей Городисский (ныне очень известный адвокат), также бывший студент МГИМО. Андрей в своем тосте сказал: «Давайте выпьем за наших учителей» (на юбилее были и Виталий Алексеевич, и Сергей Николаевич). Вдруг он поворачивается ко мне и говорит: «Тамара Евгеньевна, я помню, как Вы читали у нас трудовое право». Я поправляю: «Транспортное право!» А он говорит: «Нет, трудовое!» Я обращаюсь к Сергею Николаевичу: «Сергей Николаевич, разве я трудовое право читала?» Он говорит: «Тамара Евгеньевна, Вы все читали!» Вот такое отношение было.

Хочется сказать несколько слов о самой кафедре, руководимой Сергеем Николаевичем в те годы, когда я вошла в ее коллектив. Прекрасная была кафедра, замечательная, был чудесный коллектив: Виталий Алексеевич Кабатов, Римма Леонидовна Нарышкина – наша звезда, Наталия Иосифовна Татищева – большой специалист в области гражданского права, отличный педагог и ученый. Потом в эту кафедру влился Евгений Александрович Васильев – один из ранних выпускников факультета, бывший аспирант Р.Ф. Нарышкиной, талантливый педагог и ученый. Были и другие прекрасные члены кафедры, один другого лучше. Это была очень и очень дружная кафедра. Я полагаю, что в этом большая заслуга Сергея Николаевича. На кафедре работал преподаватель Зимин, который был знатоком германского права. Ему была посвящена его кандидатская диссертация. Но он почему-то так и не представил ее на защиту. Зимин был человеком очень сложной судьбы. Сергей Николаевич ему помогал, заботился о нем. Но не только ему. Он всегда приходил на помощь к тому, кто в ней нуждался. Когда Наталия Иосифовна Татищева ушла из Института, она долго болела. Чаще всех ее навещал

Сергей Николаевич. Когда она умерла, именно Сергей Николаевич сделал все, чтобы она была достойно похоронена.

Еще один пример. В 1973 г. я прихожу на работу после отпуска, и мне Сергей Николаевич говорит: «Тамара Евгеньевна, Вас включили в Морскую арбитражную комиссию арбитром». Я говорю: «Сергей Николаевич, но почему же сразу арбитром? Я же не такой сильный моряк!» Я знала морское право, но, как я думала, недостаточно глубоко. Говорю: «Докладчиком сначала бы сделали!» «Нет, арбитром!» – сказал он. В общем, я стала морским арбитром и, по-моему, освоила эту третейскую профессию. Потом я стала арбитром МКАС тоже. Но сначала МАК, в которой проработала более 40 лет. Сейчас я в ней арбитром также состою.

Я всегда считала Сергея Николаевича своим другом. Всякий раз, когда я порывалась уходить, он мне всегда говорил: «Чтобы даже мысли такой не было!» У меня было много нагрузок у себя в Институте, но всякий раз он меня удерживал. Я ушла, когда он был в командировке за границей. Когда вернулся, очень огорчился.

Есть известная фотография, наверное, она будет опубликована, на ней запечатлены первые сотрудники кафедры (правда, не все, к сожалению). Сейчас на кафедре много сотрудников работает. От старой команды никого не осталось. Осталась еще я, но я давно не работаю в МГИМО и не могу ее оценивать. Наверно, очень хорошая кафедра и заведующий у нее прекрасный, но та первая была просто замечательная! Мы общались не только на работе. Нередко мы собирались у Сергея Николаевича дома. Мы также собирались дома у Елизаветы Ивановны и дни рождения и праздники нередко отмечали вместе.

Это то, что касается личностных качеств Сергея Николаевича.

Сергей Николаевич был необычайно талантливым ученым и педагогом, которого очень любили студенты. Его основной любовью в науке и в практической деятельности были международное частное право, внешняя торговля и, конечно, международный коммерческий арбитраж и морской арбитраж. Его первая работа о международном коммерческом арбитраже актуальна до сих пор. Все по ней учатся.

[Речь идет об этой книге, изданной в 1965 г.]

После этого было много других работ, много статей. Не так давно вышла книжка трудов Сергея Николаевича Лебедева «Избранное».

[Речь идет об этой книге, изданной в 2009 г.]

Московский государственный институт международных отношений
(Университет) МИД России

Кафедра международного частного и гражданского права

С.Н. ЛЕБЕДЕВ

ИЗБРАННЫЕ ТРУДЫ

ПО МЕЖДУНАРОДНОМУ КОММЕРЧЕСКОМУ
АРБИТРАЖУ,

ПРАВУ МЕЖДУНАРОДНОЙ ТОРГОВЛИ,

МЕЖДУНАРОДНОМУ ЧАСТНОМУ ПРАВУ,

ЧАСТНОМУ МОРСКОМУ ПРАВУ

И только Сергей Николаевич мог добиться того, чтобы международное частное право преподавалось на нашей кафедре. Раньше оно преподавалось наряду с международным пуб-

личным правом. Преподаватели кафедры международного публичного права были очень недовольны, но шаг был сделан в верную сторону. Вся последующая работа кафедры это доказала.

Сергей Николаевич не один десяток лет был председателем Морской арбитражной комиссии, начиная со времени отъезда на работу за границу Александра Давидовича Кейлина, бывшего тогда председателем МАК. Кажется, это было в конце 60-х или в начале 70-х годов. Сергей Николаевич был многолетним арбитром МКАС, членом его Президиума.

Сергей Николаевич был блестящим организатором. Руководил кафедрой без особого напряжения, без приказов. Он всегда просил, был очень мягок и в то же время тверд. Самой главной «командиршей» была любимая нами Елизавета Ивановна.

Сергей Николаевич Лебедев был известным ученым в своей стране и, безусловно, за рубежом. Его знали, ценили, уважали ведущие специалисты как у нас в стране, так и за ее пределами. Он был представителем России в самых разных международных организациях.

Сергей Николаевич Лебедев принимал участие в разработке всех «юнситраловских» правовых актов по морскому и коммерческому праву, работал во многих других международных организациях. Лебедев был членом очень многих научно-консультативных советов и в СССР, и в России: Научно-консультативного совета при Высшем Арбитражном Суде, Совета при Президенте РФ по правосудию и др. У Сергея Николаевича были высокие государственные награды¹. Он был необычайно предан третейскому разбирательству в целом и международному коммерческому и морскому арбитражу в частности.

Сергей Николаевич – великолепный семьянин. Он прошел всю свою жизнь рука об руку с Асей, горячо любимой и горячо любящей его женой. Это была потрясающе преданная друг другу семья. Семью Лебедевых я знаю хорошо: и его дочку Леночку, и внука Колю, которого обожал Сергей Николаевич, видела и правнука, который родился при Сергее Николаевиче. Коля сказал, что Сергей Николаевич мечтал о том, что его правнук скоро подрастет, встанет на ножки и он будет с ним гулять. Но не успел. Семья для Сергея Николаевича была огромной частью его жизни.

Невозможно не сказать о жене Сергея Николаевича – Асе. Женщина необычайно тонкой души, она понимала его великолепно. Его трудно представить без Аси. Она была его вторым «я». Обеспечивала все, чтобы он мог совершенно спокойно работать. Они часто вместе уезжали за рубеж по рабочим делам и отдыхать. Она присутствовала на вручении ему королем Швеции ордена Полярной звезды. На фотографии Ася скромно стоит позади Сергея Николаевича. Ася и Сережа действительно были двумя половинками одного целого. Сейчас Ася до сих пор не может оправиться от потери, да и все мы не можем, и я в том числе.

Сергея Николаевича никогда не забуду как очень близкого мне по духу и по человеческим качествам человека.

Ю.Ш.: Тамара Евгеньевна, Вы не знаете случайно, где Сергей Николаевич работал после окончания Института?

Т.А.: Сергей Николаевич окончил Институт внешней торговли в июле 1957 г. Меня в сентябре 1957 г. пригласили читать гражданский процесс Советского Союза и зарубежных стран в этом Институте. Наши дороги тогда не пересеклись. Насколько я знаю, Институт внешней торговли в 1959 г. ликвидировали. Тогда у власти был Хрущев, он ликвидировал почти все юридические институты, оставив только три: Харьковский, Саратовский и Свердловский. Юристы ему были не нужны. Институт объединили с МГИМО, но без юридического факультета. На базе Института в МГИМО появился экономический факультет. Потом на экономиче-

¹ Об этой стороне его жизни, как и о многом другом, очень ярко, с большой теплотой, если не сказать – с любовью, говорится в воспоминаниях о Сергее Николаевиче Лебедеве Андрея Ивановича Лободы, опубликованных в № 2/3 журнала «Третейский суд» за 2016 г. – *Примеч. Т.Е. Абовой.*

ском факультете появились правовые группы. Когда я пришла в 1969 г., Сергей Николаевич уже долго преподавал в МГИМО.

Насколько я знаю, после окончания Института Сергей Николаевич работал в «Совфрахте», затем аспирантура и стажировка в США. Защитил в МГИМО кандидатскую диссертацию. А потом работа в МГИМО. Но практика всегда для Сергея Николаевича оставалась источником научных исследований, и прежде всего разрешение споров в МАК и в МКАС, а также в арбитражах и международных организациях за рубежом.

Ю.Ш.: Почему же, на Ваш взгляд, не состоялась защита докторской диссертации Сергея Николаевича Лебедева?

Т.А.: Сейчас я постараюсь выразить свою мысль правильно. На примере того, что происходило со мной. У Сергея Николаевича была похожая ситуация. Когда я пришла в Институт государства и права, я увлеклась научной работой, много писала, заслужила признание среди юридической общественности. Мне говорили: «Тамара Евгеньевна, Вы еще не доктор?» Аспирантов у меня уже было много. Так получилось, что я «перешагнула» докторскую степень. Так же и Сергей Николаевич: он «перешагнул» ее. Почему я все-таки защитила докторскую? Меня, можно сказать, заставили. В Институте тогда был заместителем директора Андрей Михайлович Васильев. Он прошел фронт, потерял там руку. Стал юристом, профессором и доктором наук. Был блестящим теоретиком права и организатором. В Институте он меня останавливал и интересовался, чем я в данный момент занимаюсь. Я, например, отвечала: «Заседание сектора скоро проводить буду». Он всегда говорил: «Бегом в библиотеку и докторскую писать, бегаешь тут по лекциям всяким!» Однажды из МГИМО пришло письмо с просьбой дать мне разрешение на работу там. Меня вызвали на заседание дирекции. Директор В.Н. Кудрявцев сказал, что не дадут разрешение, потому что я докторскую не пишу. Я пообещала, что через полгода сдам работу на обсуждение в сектор. Вот так Андрей Васильев и директор меня «стегали». Под угрозой потерять МГИМО я за полгода написала диссертацию и в следующем – 1986-м году ее защитила. Сергея Николаевича, к сожалению, никто не «стегал». У него очень много было зарубежной работы: в ЮНСИТРАЛ и в других организациях, в любимых МАК и МКАС и курсы лекций, которые он блистательно читал в МГИМО. Поэтому он просто эту степень «перешагнул».

Его уровень был совсем уже не кандидатский.

Ю.Ш.: Наверное, это ему было уже не нужно?

Т.А.: Думаю, что это именно так. Работа была превыше всего.

Ю.Ш.: Тамара Евгеньевна, спасибо Вам огромное за интервью!

Интервью с Л.М. Энтиным о С.Н. Лебедеве и о В.А. Кабатове

Данное интервью Лев Матвеевич Энтин дал в декабре 2016 г. специально для настоящего сборника его ответственному секретарю Ю.А. Шабалиной.

Ю.Ш.: Лев Матвеевич, когда Вы познакомились с Сергеем Николаевичем?

Л.Э.: Впервые мы познакомились в МГИМО: мы были членами кафедры, которая называлась кафедрой правовых дисциплин. Этой кафедрой заведовал профессор Константин Константинович Яичков, который был специалистом по гражданскому праву и вообще по цивилистике. Сергей Николаевич тоже специализировался на цивилистике, он окончил правовой факультет Института внешней торговли, но оказался на кафедре, где преобладали специалисты по публичному праву.

Сергей Николаевич стал ближайшим коллегой Яичкова. Он старался решать не только преподавательские, но и организационные вопросы. Практически он был заместителем заведующего, хотя подавляющее количество преподавателей были старше него. Я, например, более чем на восемь лет старше Сергея.

Так получилось, что мы с семьей Лебедевых всегда жили неподалеку. Сергей Николаевич с женой Асей Николаевной жили на проспекте Мира (раньше это место называлось Ботаническим садом), а наша семья жила около метро «Рижский вокзал». Когда они переехали, то оказалось, что наши дома стали еще ближе. Территориальное расположение какую-то роль сыграло в наших отношениях.

Конечно, то, что мы работали на одной кафедре, послужило основанием для сближения. Он – цивилист, я – публичник, но теплые отношения между нами сложились с самого начала. Причем в чем-то я даже был ему обязан. Когда мне в первый раз в 1969 г. предложили поехать по линии Минвуза в Республику Мали в Африке, мне потребовалось пройти очень сложную процедуру с одобрением многих инстанций и комиссий. Первой инстанцией, от которой зависел запуск этого дела, был заведующий кафедрой. Константин Константинович восстал: «Чего это он уедет, а кто будет преподавать вместо него? Нет, я характеристику не подпишу!» Я растерялся и поделился с Сергеем Николаевичем. Он говорит: «Лев Матвеевич, я переговорю, конечно, но я полагаю, что не он же выносит решения, поедете Вы за рубеж или нет, – он подписывает, даже не подписывает, а визирует характеристику, т.е. согласен ли он с тем, как Вас характеризуют в этом документе, или нет, а решать, куда и как Вас посылать, – это не наше дело». Как раз Сергей Николаевич и убедил Константина Константиновича в том, чтобы мне характеристику подписали. «Вы, – говорит, – что, против того, что написано?» «Нет, – ответил Яичков, – я согласен». Вообще он был человеком интересным – Константин Константинович Яичков – единственным в преподавательской среде человеком, кто в лотерею выиграл «Волгу». В те годы нас полупринудительно подписывали на лотерейные билеты. Эти деньги извлекались из зарплаты. Никто в эту лотерею не верил и видели в ней только дополнительный налог, которым облагалась зарплата. И вдруг профессор Яичков (тогда он работал в Институте государства и права) выигрывает «Волгу» – это было такое событие! Люди приходили просто посмотреть на человека!

С самых ранних, начальных лет совместной работы у нас сложились самые теплые, дружественные рабочие отношения. Если бы не была дана характеристика, то дальше мне эту поездку могли бы «зарубить». Я занимался конституционным правом зарубежных стран и вел западноевропейский регион. Кандидатскую диссертацию я защищал по Французскому Союзу – бывшей французской колониальной империи. Поскольку колониальные территории Франции после Второй мировой войны были в основном в тропической Африке, у меня по странам тропической Африки накопился большой материал. И когда ввели спецкурс по проблемам Африки, нужен был специалист по этой проблеме.

Спросили: «Кто занимался Африкой?» – «У Энтина большая часть диссертации по Африке написана». Ну я и не отказывался, мне было интересно, я этот спецкурс организовывал, обеспечивал, а мне в ответ на это дали целый ряд общественных поручений, в результате которых я стал заместителем председателя Советской ассоциации дружбы с народами Африки. По этому направлению я стал сравнительно известным специалистом. Когда мне приходилось решать вопросы, связанные с этим регионом, то и здесь я искал помощи и поддержки Сергея Николаевича. Хотя он был значительно младше меня, профессиональные контакты стали первоосновой нашей дружбы. С этих времен дружеские отношения получили подкрепление еще по одному направлению. Это дружественные отношения между семьями. Здесь решающую роль сыграли отношения между женами.

Супруга Сергея Николаевича Ася Николаевна – очень энергичный человек, умеющий хорошо налаживать отношения между людьми. Наши жены сдружились и дружат по сей день вот уже несколько десятилетий. Ася Николаевна у нас часто бывает, и сейчас она к нам часто приходит, мы советуемся по многим вопросам. Конечно, когда отношения сложились уже на семейном уровне, это повлияло и на профессиональные отношения, тем более что Сергей Николаевич был одним из известнейших российских цивилистов, его хорошо знали и за рубе-

жом. Его заслуги были отмечены наградами, среди которых орден Полярной звезды, которую вручил ему глава государства Швеции. На это вручение они ездили вместе с супругой.

Хотя Сергей Николаевич вел преимущественно арбитражное право, международный коммерческий арбитраж, у него возникала масса иных вопросов, которые мы вместе обсуждали. Сергей Николаевич был человеком, который очень скрупулезно обрабатывал и анализировал материал, который ложился в основу его предложений по вынесению арбитражного решения, и в тех случаях, когда ему нужно было что-то выяснить по конституционно-правовой проблематике, он всегда охотно ко мне обращался. Не только потому, что мы работали на одной кафедре, но и потому, что мы хорошо знали друг друга как специалисты.

Чем еще отличалось наше общение? Не только личными симпатиями. Сергей Николаевич был профессионально очень высоко подготовлен и доброжелательно ко всем настроен. С ним приятно было общаться, решать многие вопросы. Даже если мы не находили общего решения, мы все равно друг друга понимали, и каждый из нас такими встречами оставался доволен. Если к такой ситуации добавляется еще и то, что дружат жены, что мы часто бывали друг у друга в гостях и что мы были соседями... Все это очень способствовало нашему сотрудничеству.

Ю.Ш.: Когда я готовила вопросы, я хотела спросить, были ли Вы однокурсниками с Сергеем Николаевичем, но теперь очевидно, что этот вопрос неуместен.

Л.Э.: Да, мы однокурсниками не были: он на восемь лет меня моложе. Но такими однокурсниками были наши внуки. Когда мой внук Кирилл поступал в Институт, внук Сергея Николаевича Коля поступал в тот же год. Сергей Николаевич и Ася очень волновались: у них одна дочка и один внук (а сейчас и правнук). Видите, так сложилось, что у нас и профессиональные, и семейные отношения были очень тесными.

Ю.Ш.: А что Вы можете рассказать о деятельности Сергея Николаевича? Как он работал?

Л.Э.: Участие Сергея Николаевича в любом деле всегда ценилось особенно высоко. Он много лет возглавлял морской арбитраж при ТПП РФ. Вхождение Сергея Николаевича в составы арбитража с иностранными участниками способствовало защите той позиции, которую отстаивала Российская Федерация. Кроме того, он входил в состав различных структурных организаций, которые создавались на уровне ООН. По решению ООН был создан орган, который занимался вопросами компенсации в результате вторжения Ирака в Кувейт. Сергей Николаевич был приглашен в нее в качестве выдающегося специалиста в области арбитража. Они проводили ежемесячные встречи, совещания, прорабатывали огромное количество документов. А он был человеком очень обязательным, поэтому если ему надо было подготовить какой-нибудь вопрос на каком-то заседании, то он изучал огромное количество документов, затрагивающих не только цивилистику, но и «публицистику». Это было одной из причин, почему Сергей Николаевич пользовался авторитетом не только на российском, но и на международном уровне.

Ну и наконец, он просто был выдающимся преподавателем. Понимаете, для того, чтобы быть хорошим преподавателем, нужно обладать какими-то способностями, может быть, даже талантом. Потому что преподаватель, который ведет занятия скучно, неинтересно, которому не удастся привлечь внимание аудитории, не формирует компетентные кадры. Сергей Николаевич был преподавателем, к которому студенты тянулись, приходили послушать именно его.

Ю.Ш.: Лев Матвеевич, возможно, Вы помните какой-либо случай из жизни Сергея Николаевича или первое впечатление, первую встречу?

Л.Э.: Первую встречу с Сергеем Николаевичем не помню. Молодой человек намного младше меня. Это сейчас, когда нам почти 90 лет, 8–10 лет – незаметная разница. А когда вы приходите на кафедру в возрасте 30 лет, а другому только 25, то «мелкота зеленая»! Только начинается! А я уже преподаватель со стажем. Я в какой-то мере все же преуспел: я в 1957-м году

защитил кандидатскую, а в декабре 1965 г. у нас, в МГИМО, защитил докторскую степень, я был одним из самых молодых докторов наук. В гуманитарных науках сравнительно мало было молодых докторов – я мог уже зазнаваться.

Ю.Ш.: Писали ли Вы совместные книги или была ли у Вас какая-либо совместная научная или организаторская работа?

Л.Э.: Совместные книги не писали, вместе не издавались. Как и все, мы занимались одним общим делом – формированием правовых кадров с международной ориентацией.

Ю.Ш.: А что Вы можете рассказать о профессоре Виталии Алексеевиче Кабатове?

Л.Э.: Виталия Алексеевича я знал меньше, чем Сергея Николаевича. Я могу сказать, что это был человек неординарный. Дело не только в том, что он среди молодых преподавателей был героем Великой Отечественной войны. Я пришел поступать в МГИМО в 1946 г. – это был первый послевоенный набор. Вся моя последующая жизнь была послевоенная. А вот В.А. Кабатов был молодым человеком, который прошел весь военный период. Он обладал и знанием, и умением. Несмотря на то что у него были искалечены обе руки, он всегда умело обращался с ними.

Он был мне симпатичен тем, что был принципиальным человеком. И если он считал, что правда была за ним, то он ее и отстаивал. Он у нас был заместителем председателя Совета факультета, заместителем председателя Специализированного совета по защите, он лично участвовал в подготовке не только студенческих, но и квалифицированных кадров: и магистрантов, и кандидатов наук. Виталий Алексеевич всегда держался очень скромно.

Что касается личных отношений, то я всегда относился к нему с очень большим уважением, прислушивался к его мнению. И, думаю, не было ни одного случая, когда я вступил бы с ним в противоречие при решении вопросов научной разработки, преподавания. Мы очень высоко ценили участие В.А. Кабатова, особенно в работе Совета – там, где пересекались наши интересы и деятельность.

Ю.Ш.: Лев Матвеевич, спасибо Вам огромное за интервью!

Т.В. Каменская: Одно удовольствие было работать с этими людьми...

Я работаю в МАК с 1970 г. и с тех пор знакома с Сергеем Николаевичем. С Виталием Алексеевичем я познакомилась немного позже, когда его включили в список арбитров МАК.

Сергей Николаевич и Виталий Алексеевич – люди очень высокой квалификации. Сергей Николаевич много лет возглавлял Морскую арбитражную комиссию. Для меня, тогда еще не имевшей высшего образования, Сергей Николаевич был авторитетом. Я окончила Всесоюзный юридический заочный институт (ныне – Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина).

Сергей Николаевич, конечно, меня учил арбитражному производству. Все-таки непосредственно он работал с другой сотрудницей, которая занималась делами МАК: это Наталья Васильевна Баранова. Я была здесь просто секретарем, хотя и работала как на МАК, так и на Внешнеторговую арбитражную комиссию (ВТАК) – у меня был общий опыт. Она работала с ним 30 с лишним лет. Но все равно, когда мы работали, мы видели, что это за люди, как они себя ведут при разрешении споров, как они по-человечески к этому относятся.

Сергей Николаевич и Виталий Алексеевич были интеллигентнейшими людьми; я никогда не слышала, чтобы кто-нибудь из них повышал голос. Кто-то мог возмущаться, вспыльчивость проявлять, а они были всегда доброжелательными. Ситуации возникают разные. Например, аресты судов, которые требуют быстрой реакции. Сергей Николаевич был очень серьезно настроен: надо – значит, надо. А что означает арест судна? Надо вынести решение, его разо-

слать, но в то время у нас ничего, кроме почты, не было. Факс появился позднее. Мы пользовались телексом. То есть в таких ситуациях всегда нужна оперативная, срочная работа – меня это восхищало!

Виталия Алексеевича я знала больше как арбитра: всегда очень приветливый, вежливый. Одно удовольствие было работать с этими людьми.

Сергей Николаевич много ездил за границу, представлял российский арбитраж на конференциях – он был хорошим пропагандистом нашего российского арбитража. Он много лет работал в Комиссии ООН по праву международной торговли, много работал над Правилами ЮНСИТРАЛ. Сколько на это было положено сил, умения, знаний! Он умел отстаивать советскую, российскую позицию. Его очень ценили за рубежом. Это я сужу по переписке с известными арбитрами, которая шла через меня. Сколько ему книг присылали, своих статей дарили! В 1972 г. состоялся конгресс по арбитражу, он принимал участие, выступал, весь наш арбитраж был задействован, огромнейшая работа была проделана.

К людям он очень хорошо относился. Его все любили. Никакого отрицательного отношения никогда не видела, даже если оно и было. Очень достойные люди и кафедра! Сергей Николаевич много сил отдавал кафедре. Многие профессора там были нашими арбитрами. Мне было приятно работать столько лет в такой атмосфере – атмосфере высокой квалификации, дружелюбия, уважения к нам.

Сергей Николаевич приводил много талантливых молодых людей в докладчики МАК. Он очень хорошо относился к студентам, всегда их продвигал. И Алексей Александрович Костин, и Андрей Иванович Лобода, и Александр Игоревич Муранов – ученики Сергея Николаевича. Он очень любил студентов, всегда помнил, какого года выпуска студент. Многие уезжали работать за границу. В Швейцарии ли или же в ООН он мог часто сказать: «Это наш студент!» Он очень хорошо всех помнил.

Студенты, участвовавшие в конкурсах по международному коммерческому арбитражу при Сергее Николаевиче, всегда занимали призовые места, хорошо себя показывали. Потом он уже отошел от этого мероприятия. Но он всегда был заинтересован в том, чтобы наши студенты проявляли себя хорошо. Он очень в этом отношении был энергичным! Очень много лет им было отдано МГИМО и кафедре. Я уже не говорю о годах, посвященных Сергеем Николаевичем арбитражу.

*Татьяна Владиславовна Каменская, ответственный секретарь МАК при
ТПП РФ (с 1970 г. по февраль 2017 г.)*

И.С. Зыкин. Мои учителя

2016 год был отмечен горестными событиями. Не стало профессора В.А. Кабатова и профессора С.Н. Лебедева, проживших долгую и плодотворную жизнь, успевших так много сделать в различных областях приложения своих усилий.

Вступив в ту пору жизни, когда есть на что оглянуться, все глубже понимаешь роль учителей-наставников, к которым я отношу В.А. Кабатова и С.Н. Лебедева. Настоящие заметки не ставят цель всесторонне осветить их многогранную деятельность. Задача куда более скромная – поделиться некоторыми личными впечатлениями от общения с ними.

Автор этих строк поступил на международно-правовой факультет МГИМО в 1969 г. Факультет только был образован и находился в стадии становления, но костяк преподавателей в области частного права уже был сформирован крепкий. В когорте этих преподавателей, имена которых я неизменно вспоминаю с благодарностью, были В.А. Кабатов и С.Н. Лебедев.

Мне, как и многим другим, очень повезло формироваться в профессиональном отношении под влиянием этих выдающихся специалистов. Нередко и вполне закономерно можно услышать вопрос: «Кто ваши учителя?» Ведь именно учителя закладывают профессиональ-

ный, а нередко и нравственный фундамент. На этот вопрос я отвечаю с гордостью, упоминая имена тех, кому посвящены данные строки.

Сейчас в методике преподавания в высшей школе проявляется тенденция к уменьшению количества лекций, делается акцент на семинарских занятиях в рамках относительно небольших групп. Конечно, есть определенный резон в том, что при наличии учебников студенты могут их прочитать. Учебники штудировали и мы в свое время, но при всей их значимости полноценно заменить личное общение с опытным педагогом они не могут. Книжная премудрость не заменяет учителей. На все семинарские группы ведущих профессоров физически не хватает. Да и сами лекции при столь резком сокращении отводимых на них часов вряд ли в должной мере продолжают выполнять свои основные задачи. Видимо, в поисках нового формата преподавания что-то приобретается, но что-то и утрачивается.

По прошествии времени задаешься вопросом, что главное получено от учебы в Институте. Вспоминая стоявших на лекторской трибуне В.А. Кабатова и С.Н. Лебедева, осознаешь, что это именно общение, вобравшее в себя гораздо больше, чем просто передачу знаний в устной форме. Имело место проецирование незаурядной личности учителей на своих воспитанников, которое оставило в них благотворный след на всю жизнь. Они были личностями, и это накладывало отпечаток на все, чем они занимались, оказывало влияние и на тех, с кем они общались.

Виталий Алексеевич Кабатов преподавал у нас римское право, попутно приобщая к мудрости крылатых латинских выражений, а затем и отечественное гражданское право. С него счастливо началось мое знакомство с профильными дисциплинами, знание которых необходимо для специалиста в сфере частного права.

Много копьев сломано по поводу соотношения права и морали. В облике и деятельности В.А. Кабатова право и мораль органически сочетались без тени морализаторства. В его изложении гражданское право воспринималось не как нагромождение сугубо формальных, далеких от жизни и нравственности предписаний, а как здоровое и справедливое воплощение упорядоченных подходов к разумному решению насущных проблем.

В.А. Кабатову было гораздо сложнее, чем многим. Участие в Великой Отечественной войне, тяжелейшее ранение, последствия которого ощущались всю его дальнейшую жизнь, вынужденная необходимость отказаться от профессиональных занятий музыкой. Тем не менее человек не пал духом, выстоял и состоялся как личность. Он нес в себе удивительно благожелательное отношение к людям, глубоко искреннее, а не показное! Это чувствовалось и влекло к нему.

В нем было то, что так отличает многих людей, прошедших войну. Они не любили распространяться об испытанном ими. Видев вокруг себя смерть, грозившую им лично, они глубоко поняли ценность жизни, умели ей радоваться как таковой и не впадать в уныние от текущих неурядиц. В этом была и есть их глубокая мудрость, которой многим из нас не хватает.

Выражение «светлая память» по отношению к В.А. Кабатову звучит в высшей степени уместно. Это был действительно светлый человек!

Сергей Николаевич Лебедев преподавал нам тогда специальную дисциплину – «Правовое регулирование внешнеэкономических связей», одну из основных для обучавшихся по специальности «Торговое право». В его лекциях, служивших логическим продолжением общих дисциплин гражданско-правового цикла и опиравшихся на них, неразрывно соединялись теория и практика, раскрытие содержания юридических норм увязывалось с реальным правоприменением.

Это был одаренный, очень эрудированный и глубокий юрист. Его отличали широта видения проблем, незамкнутость сугубо в рамках национального права и его конструкций там, где можно опереться на международный опыт.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.